

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

РАНЕСЛАВЯНСКИЙ МИР

Материалы и исследования

Москва 1990

Ответственные редакторы -
доктор исторических наук С.А.Плетнева,
доктор исторических наук И.П.Русанова

(с) Институт археологии АН СССР, 1999

Содержание

Введение	4
А.М.Обломский. Периодизация и характер развития заруби- нецкого керамического комплекса Чаплинского могильника	7
Р.В.Терпиловский. Поселение I тысячелетия н.э. у с.Роище на Черниговщине	45
О.М.Приходнюк. Новые данные о пеньковской культуре	75
О. А.Гей. Могильник у с. Раковец	109
И.П.Русанова. Этнический состав носителей пшеворской культуры	119
Б.А.Тимошук. Социальная сущность городища Зимно	151
Г.Н.Пронин. Еще раз о сопках	158
Заключение	171

Введение

В сборник включены статьи, освещающие археологические материалы, в той или иной степени связанные с изучением древних славян. Археологией достигнуты определенные успехи в исследовании славянских культур второй половины I тысячелетия н.э. и основным достижением последних лет является выделение славянских памятников V в.н.э. Все же и для этого периода имеются неясные вопросы, касающиеся в частности изучения пеньковской культуры, а также процессов расселения славян в северных землях, заселенных в древности балтскими и финскими племенами. Перспективным направлением исследований является также выяснение по археологическим материалам общественных структур, существовавших у славян в этот период. Но основная проблема, над решением которой сейчас ведутся усиленные исследования, связана с выяснением происхождения раннесредневековых славянских культур и с выделением славянских памятников среди материалов первой половины I тысячелетия н.э. и последних веков до н.э. По этим вопросам существует много гипотез, идут оживленные дискуссии и всякие новые данные и разработки по материалам этого времени представляют первостепенный интерес.

Для выяснения особенностей верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры, характера его развития и дальнейших судеб населения, его оставившего, существенное значение имеет периодизация и хронология материалов Чаплинского могильника, являющегося эталонным памятником для Верхнего Поднепровья. Этому вопросу посвящена статья А.М.Обломского. Автор на основании детальной типологии керамики, ее корреляции с датированными находками и используя горизонтальную стратиграфию могильника, установил три периода его существования на протяжении со II в. до н.э. до треть ей четверти I в.н.э.

Киевская культура III-V вв. н.э., распространенная в Среднем Поднепровье и Нижнем Подесенье, рассматривается многими исследователями как основа при сложении колочинской, пеньковской, иногда и пражской культур. Одному из выразительных памятников на территории Подесенья, поселению в Роище, посвящена статья Р.В.

Терпиловского. Автор выделяет три периода обитания на этом поселении, с которыми связывает напластования киевской, колочинской и вольтинцевской (раннероменской) культур, оставленные, по его мнению, одним и тем же славянским населением. Это положение нуждается в дальнейшем обосновании, так как для установления генетических связей между последовательными культурами недостаточно проследить сохранение некоторых местных традиций - они могут сохраниться как при эволюционном развитии культур, так и при появлении нового населения, принесшего свои особенности культуры, но неизбежно в какой-то мере воспринявшего черты культуры местных жителей. В связи с этим более важное значение получает решение вопроса о происхождении новых черт культуры, могли ли они появиться в результате местного развития или были привнесены со стороны. Кроме того, в любом случае необходимо учитывать особенности контактной зоны между культурами.

В статье О.М.Приходнюка приводятся новые материалы, относящиеся к пеньковской культуре Среднего Поднепровья. Автор обосновывает уже высказанное ранее мнение о существовании раннего "чистого" пеньковского комплекса, на территорию которого постепенно инфильтруются элементы смежных археологических культур, пражской, колочинской и кочевнической.

Статья О.А.Гей содержит публикацию новых погребений второй половины IV в., открытых автором на могильнике Раковец Тернопольской области. Могильник расположен в еще мало изученном районе, где протекали сложные процессы взаимодействия разных культур - пшеворской, черняховской, вельбарской. Полученные автором данные представляют значительный интерес и проливают дополнительный свет на выяснение исторической обстановки этого времени на Западной Волыни.

Сложный состав пшеворской культуры (III в. до н.э. - IV в.н.э.) рассматривается в статье И.П.Русановой. По особенностям керамики, ее корреляции с вещевым инвентарем, деталями погребального обряда, чертами домостроительства автор выделяет три группы комплексов, входивших в состав пшеворской культуры. Аналогии с более ранними культурами и с материалами соседних синхронных культур позволили связать эти группы комплексов с разным населением. Первая группа продолжает местные традиции населения подклешевой культуры (V-II вв. до н.э.) и в дальнейшем на основе этой группы складывается раннесредневековая славянская культура пражского типа. Вторая группа, по мнению автора, связывается с продвижением

ем на территорию междуречья Одера и Вислы кельтского населения, а третья группа комплексов появилась в результате нескольких волн германского заселения.

Социальной сущности одного из уникальных раннеславянских памятников - Зимновского городища посвящена статья Б.А. Тимощука. Автор рассматривает этот памятник в системе социальной типологии городищ, разработанной им на обширных археологических материалах и по строго выделенным критериям. Зимновское городище по имеющимся данным рассматривается Б.А. Тимощуком как убежище, представлявшее собой один из наиболее ранних общинных центров такого рода.

В статье Г.Н.Пронина ставится вопрос о неоднородности памятников, объединяемых обычно в научной литературе под названием сопок. Отсутствие четкости в определении этих памятников приводит исследователей к противоречивым оценкам этого явления и препятствует решению вопроса об этнической принадлежности сопок.

Рассматриваемые в статьях вопросы: уточнение хронологии и периодизации памятников, правильность выделения археологических культур, выяснение их сущности и путей развития - входят в состав тех наиболее актуальных проблем, без решения которых невозможно плодотворное изучение истории ранних славян.

Периодизация и характер развития зарубинецкого керамического комплекса
Чаплинского могильника

Чаплинский могильник представляет собой единственный почти полностью раскопанный погребальный памятник зарубинецкой культуры. Ю.В. Кухаренко, исследовавший его в 1951-1953 гг., и Л.Д.Поболь, проводивший раскопки памятника в 1956-57 гг., вскрыли здесь 282 погребения, подавляющее большинство которых относится к классическому периоду существования этой археологической общности. Чаплинский могильник обладает всеми необходимыми чертами эталонного памятника: он функционировал достаточно долго, зарубинецкие материалы представлены в его погребениях массовыми сериями. Периодизация памятника, по этой причине может быть положена в основу относительной хронологии зарубинецких древностей всего верхнеднепровского региона.

Первую схему относительной хронологии могильника, основанную на комплексном изучении всего имеющегося материалы, предложил Л.Д. Поболь. Им были выделены три стадии развития памятника. Начальная датировалась серединой III - серединой II в. до н.э., последующая - серединой II - серединой I в. до н.э., заключительная - серединой I в. до н.э. - началом II в. н.э. Первая стадия, по мнению Л.Д. Поболя, характеризуется отсутствием фибул, мило-градскими и скифскими чертами керамического комплекса. Ко второй относятся погребения с фибулами среднелатенской схемы, большим количеством стеклянных античных бус, округлободыми гру-болепными, а также лощеными горшками и мисками. Культура второй стадии находится под кельтским влиянием. В третьем периоде употребляются фибулы позднелатенской конструкции, преимущественно лощеная ребристая посуда (как горшки, так и миски), кельтское влияние и торговые контакты с античным миром становятся слабее.

Периодизация Л.Д.Поболя была подвергнута всестороннему критическому разбору К.В.Каспаровой, Д.А.Мачинским и М.Б.Щукиным, в их совместной рецензии. Основные положения рецензентов заключа-

ются в следующем. Практически, все характерные вещи первой стадии ("округлобокие миски II отдела", груболепные горшки, сьюль-гамы небольшого размера) встречены с фибулами и, поэтому, не могут диагностировать выделение "дофибульного периода", который, таким образом, оказывается фикцией. Вещи первой стадии могильника, появляющиеся по мнению Л.Д.Побоя вследствие скифского влияния ("миски без выраженной шейки", железные дротники, сьюльгамы), распространены широко и могли попасть на территорию Верхнего Поднепровья не обязательно от скифов. Выделение второй и третьей стадий, по мнению авторов рецензии, противоречит современному состоянию хронологии латенских фибул, так как фибулы среднелатенской и позднелатенской схемы на территориях собственно культуры Латен и латенизированных культур Европы, в том числе и зарубинецкой, сосуществуют в течение длительного времени.

Аргументы рецензентов Л.Д.Побоя вполне убедительны. Поскольку критика направлена против фундамента его построений, то и саму предложенную им схему внутреннего хронологического членения могильника в целом следует признать ошибочной. По этой причине необходимо пересмотреть материалы памятника и создать новую периодизацию его древностей.

Исследование, предлагаемое вниманию читателей, посвящено хронологии наиболее массовой категории находок на могильнике, т.е. лепной посуды. Степень точности датирования любой группы вещей во многом зависит от их классификации. Результаты построения системы типологии керамики Чаплинского могильника опубликованы в особой статье автора настоящей работы. С целью удобства изложения напомним основные ее моменты. Для каждой из двух категорий сосудов Чаплина (отдельно для горшков и мисок) были составлены четыре самостоятельные системы классификации: по форме, пропорциям, размерам и декору. В основу типологии формы было положено описание контуров профилей сосудов, состав, составленное по единому набору признаков. Итог описания выражен в форме кода. Классификация форм является трехступенчатой. Типы выделены по характеру перегиба профиля, варианты - по общей его форме, разновидности (внутри отдельных вариантов) - по некоторым деталям профилировки. Схема деления формы сосуда на элементы приведена на рис. 1, образцы горшков и мисок всех вариантов и разновидностей даны на рис. 2,3.

При классификации пропорций использованы соотношения диа-

метров и высот только верхних частей сосудов. Произведенные расчеты показали, что пропорции нижних частей горшков и мисок Чаплина не являются типобразующими. Для каждого из основных пропорциональных соотношений ($D_1 : H_2$; $D_2 : H_2$; $D_3 : H_2$)⁸ выделено (отдельно для горшков и мисок) несколько стандартов значений ("групп пропорций") - Тип пропорций сосудов представлял собой набор ряда устойчивых комбинаций групп. Выделялись также и варианты пропорций. Сосуды варианта "а" внутри каждого типа - закрытые, то есть D_1 у них меньше или равен D_3 , сосуды варианта "б" - открытые (у них D_1 больше D_3).

Классификация мисок по размерам производилась на основе расчета "полезного объема" сосуда, который упрощенно можно представить себе в виде суммы объемов двух усеченных конусов (рис. I В). Размеры горшков Чаплина типологизировать не удалось из-за сравнительно малого количества форм и большого "разброса" конкретных значений объемов.

В типологии декара учитывалась не только орнаментация, но и характер обработки поверхности, создающий "эстетический образ" сосуда. Необходимость составления четырех классификаций керамики могильника возникла в связи с тем, что было установлено отсутствие прямого соответствия формы, пропорции, объема и декора сосудов. Иными словами, миски одной и той же формы могут иметь разный объем, декор и пропорции. То же самое справедливо и для горшков. Вполне вероятно, также, что "скорость" и характер изменения во времени каждой из четырех перечисленных традиций различны. По этой причине хронологию форм, пропорций, объема и декора сосудов следует рассматривать отдельно.

Хронология форм сосудов. Периодизация керамики Чаплинского могильника может быть установлена по взаимовстречаемости в комплексах сосудов разных типов и фибул - единственного надежного датирующего материала, на памятнике. В погребениях обнаружены фибулы с треугольными щитками на ножках вариантов I, II и переходного от II к III, а также проволочные и узкопластинчатые средне-латенской схемы вариантов Г 2 и Д, позднелатенской схемы вариантов Л, М, Н, О, П/Р, С и "подвзанные" варианта ф. Классификации и хронологии фибул этих типов посвящены особые работы автора. Абсолютные датировки их приводятся в табл. I, однако они определены по закрытым комплексам зарубинецкой культуры в целом, без учета локальной специфики. Горизонтальная стратиграфия Чаплина дает возможность уточнить даты фибул для территории Верхнего

Поднепровья.

На плане могильника можно выделить зоны распространения погребений с различными вариантами фибул (рис. 4). Захоронения, содержавшие фибулы с треугольными щитками, занимают центральную часть памятника. На его периферии находятся погребения с наиболее поздними фибулами вариантов Н, О, П/Р, С, Ф. Эти две большие зоны частично накладываются друг на друга, но области перекрытия невелики и зафиксированы лишь по краям "зоны фибул с треугольными щитками". Кроме того, особое положение занимают погребения с фибулами варианта Г2, которые находятся в западной и южной частях могильника. Полоса этих захоронений в значительной части накладывается на "зону фибул с треугольными щитками" и лишь на очень небольшом участке перекрывается "зоной поздних фибул". В целом, погребения с фибулами Г2 находятся ближе к центру, чем погребения с "поздними" фибулами. Захоронения с фибулами Д и М "попадают" как в "зону фибул Г2", так и в "зону поздних фибул".

Расположение погребений с фибулами на могильнике (рис.4) соответствует их положению на шкале относительной хронологии, полученной по данным закрытых комплексов. Если верно предположение о концентрическом росте памятника, то погребения с фибулами с треугольными щитками I и II варианты являются наиболее ранними. Фибулы Г2 некоторое время сосуществуют с ними. Фибулы Н, О, П/Р, С и Ф - наиболее поздние. Фибулы М и Д сосуществуют как с Г2, так и с поздними (табл. 1). Фибулы Г2 синхронны Н, О, П/Р, С, Ф только в начальном периоде существования всей поздней группы этой категории украшений.

На основании относительной хронологии фибул весь зарубинецкий период Чаплинского могильника можно подразделить на три фазы. К первой относятся все фибулы с треугольными щитками и ранние экземпляры варианта Г2, ко второй, имеющей промежуточное положение, фибулы Г2 и Л, а также некоторые комплексы с фибулами Д и М, в основном употреблявшимися позже. Третья фаза характеризуется появлением фибул Н, О, П/Р, С и Ф. Допустимо в ее начале существование фибул Г2. Первая фаза синхронизируется с латеном С и начальным периодом позднего латена, а вторая и третья, соответственно, со вторым и третьим периодами позднего латена. Из-за неопределенности начальной даты фибул с треугольными щитками на ножке не до конца ясно, охватывает ли ранняя фаза могильника весь латен С или какой-то отрезок времени ближе к его финалу.

Разумеется, все выводы о горизонтальной стратиграфии памятника сделанные по распространению погребений с фибулами, могут быть признаны справедливыми, если будет доказано первоначальное предположение о концентрическом росте могильника. Доказанным оно может считаться в том случае, если ареалы наиболее ранних типов сосудов совпадут с "зоной фибул с треугольными щитками", а поздних - с "зоной" фибул Н, О, П/Р, С, Ф. Корреляция фибул и вариантов форм сосудов приведена в табл. II.

Наиболее общие хронологические закономерности прослеживаются на уровне типов сосудов. Миски типа I (округлобокие, вариантов "а" - "з") ни разу не встречены с фибулами, характерными для третьей фазы могильника (Н, О, П/Р, С, Ф), но, в то же время, часто встречаются с ранними фибулами (с треугольными щитками вариантов I и II). Миски третьего типа (острореберные, вариантов "с" - "х"), напротив, коррелируются с фибулами, появляющимися в третьей фазе, а также с характерными только для второй фазы (вариант Л) и продолжающими существовать во II фазе, но появляющимися раньше (вариант Г2), и, кроме того, возникающими во II фазе, но существовавшими и позже (вариант М). Миски второго типа (с сглаженным ребром в месте наибольшего расширения тулова, вариантов "и" - "п") могут встречаться с фибулами всех периодов относительной хронологии могильника. Таким образом, миски I типа, видимо, не доживают до третьей фазы Чаплина, миски второго типа в целом имеют "сквозную" датировку, а основная масса мисок третьего типа появляется не на первой фазе, а позже и существует до конца функционирования памятника. Варианты мисок могут датироваться по-разному, но внутри пределов, очерченных для типов.

На рис. 5-7 приведены планы Чаплинского могильника с указанием распространения погребений с мисками различных типов. Миски типа I концентрируются в границах (ареалов) погребений с фибулами с треугольными щитками и Г2 (рис. 5). В пределы "зоны поздних фибул" (Н, О, П/Р, С, Ф) они попадают только в тех местах, где она накладывается на более ранние участки могильника. Миски типа II равномерно распределены по всей площади памятника (рис. 6). Миски третьего типа концентрируются в пределах "зоны поздних фибул", довольно часто встречаются они и в "ареале фибул Г2". И лишь в двух случаях (погребения 70 и 90) обнаружены в средней части "зоны фибул с треугольными щитками". Однако в

двух погребениях найдены миски варианта "ф", которые достоверно существуют уже во II фазе могильника (в погребении 89 встречены с фибулами Л - табл. II). Видимо, миски "Ф" возникают несколько раньше, чем остальные варианты мисок III типа - еще в конце I фазы.

Итак, в целом, распространение погребений с мисками разных типов на могильнике соответствует данным корреляции. Этот факт подтверждает и первоначальное предположение о концентрическом росте памятника, т.е. наиболее ранние по корреляции миски (типа I), в основном, "ложатся" в центр могильника, а более поздние (типа III), как правило, на его края. В этом случае ареал погребений, содержавших фибулы с треугольными щитками, соответствует первой фазе могильника, а "зона наиболее поздних фибул" - третьей. Погребения без фибул, расположенные на территории этих участков, также относятся к первой или третьей фазам.

Очень сложно выделить область II фазы. Как уже указывалось, она является промежуточной, поскольку, практически нет фибул, характерных только для нее. Фибул варианта Л всего две и найдены они в одном погребении (89). Фибулы Г2 относятся преимущественно к I-II фазам, фибулы М и Д - ко II-III фазам. По этой причине в "зоне Г2" смешаны погребения, из которых происходят фибулы с треугольными щитками, а также Л, Д, М (рис.4). Захоронения, находящиеся на северном и северо-западном участках "зоны Г2", где она накладывается большей частью своей площади на "ареал фибул с треугольными щитками", вероятнее всего, относятся к I-II фазам, а в местах наложения "зоны Г2" на "зону поздних фибул" и "область погребений с фибулами с треугольными щитками" захоронения могут датироваться как I, так и II и III фазами. При этом конкретизировать их относительную хронологию довольно трудно.

Учитывая все эти обстоятельства, рассмотрим расположение погребений с различными вариантами форм сосудов на плане могильника, сопоставляя его с данными корреляции.

Миски "м" существуют в I-III фазах: они встречаются в погребениях вместе с фибулами с треугольными щитками первого варианта, фибулами Г2 и М и с наиболее поздними вариантами П/Р и С. Аналогично датируются миски "н" (обнаружены с "ранними фибулами" с треугольными щитками и варианта П, и с "поздними" вариантами П/Р), а также горшки варианта "г", найденные в погребениях с фибулами с треугольными щитками переходного от второго к третьему варианту и фибулами вариантов М и П/Р. Распространение по-

гребений со всеми этими сосудами подтверждает данные корреляции захоронения с ними "разбросаны" по всем "фибульным зонам" (рис. 6,8).

Для мисок варианта "а" корреляцией зафиксировано существование в I фазе (в погребении 72 найдена с фибулой с треугольным щитком). Погребений с мисками этого варианта всего II. Десять из них "ложатся" в "зону фибул с треугольными щитками", либо в места перекрывания ее "зоной Г2". Лишь одно из них (216) находится достаточно далеко от границ "ареала самых ранних фибул" внутри "зоны Г2" (рис.5). Учитывая эти данные, можно сделать вывод, что период существования мисок "а" охватывает, преимущественно, первую фазу, а также, возможно, начало второй.

Горшки варианта "в" достоверно существуют во II-III фазах, так как встречены с фибулами Л, М, О, П/Р. Погребения с этими сосудами находятся преимущественно в "зонах" фибул Г2 и "поздних" (рис.8), что совпадает с данными корреляции. Тем не менее, весьма вероятно, что горшки варианта "в" появились раньше и не попали во внутренние пространства "зоны фибул с треугольными щитками" случайно: они имеют широко распространенную во многих культурах железного века форму.

Миски варианта "п" (всего четыре) встречены только с фибулами с треугольными щитками. Все погребения с этими мисками концентрируются в месте наложения "зоны поздних фибул" на "зону фибул с треугольными щитками" в северо-восточной части могильника, либо в непосредственной близости от этой области (рис б). Учитывая данные корреляции, можно утверждать, что миски варианта "п" существуют в первой фазе, но верхняя хронологическая граница их довольно расплывчата.

Мисок варианта "г" - шесть. Они встречены в погребениях с фибулами с треугольными щитками I варианта, то есть корреляция фиксирует их появление в I фазе могильника. Эти миски могли существовать и позже, так как они найдены в комплексах с фибулами Г2 (табл. II). На территории могильника, исключая погребения, где эти миски обнаружены с фибулами с треугольными щитками, поскольку их датировка ясна (I фаза), погребения с мисками "г" распределяются следующим образом: "зона фибул Г2" - погребение 10; погребение 212 - в месте наложения "зоны поздних фибул" на "зону Г2"; погребения 110 и 221 - почти на границе "зон" Г2, фибул с треугольными щитками и "поздних" (рис.5). Поскольку ни

одна из мисок не попадает в бесспорно поздние области могильника а по корреляции они связаны с фибулами с треугольными щитками и Г2, то наиболее вероятная датировка этих мисок - I-II фазы.

В погребениях Чаплинского могильника обнаружено семь мисок варианта "е", которые найдены вместе с фибулами с треугольными щитками и Г2. Захоронения с этими мисками (без фибул) расположены в зоне Г2, в том числе и в местах наложения ее на "зону фибул с треугольными щитками". Лишь одно погребение (30) попадает в "область поздних фибул", но в этом месте она накладывается на "ареал фибул с треугольными щитками" (рис. 5). Следовательно, миски варианта "е" могут относиться лишь к I-II фазам, т.е. корреляция фиксирует и существование в I фазе, а расположение погребений с ними на плане могильника не дает "жестких" оснований датировать их более поздним временем.

Миски варианта "д" достоверно существуют в I фазе (с ними найдены фибулы с треугольными щитками первого и второго вариантов), но бытуют и позже, т.к. встречены с фибулами Г2 и М (табл. II). Эти сосуды происходят из 16 захоронений, из них 14 ложатся в "зону фибул с треугольными щитками", "зону Г2" и места перекрывания этих областей друг другом. В "зоне поздних фибул" погребения с мисками "д" зафиксированы лишь в местах наложения ее на более ранние участки могильника (погребения 27,194, 203, рис. 5). Следовательно, датируются эти миски I-II фазами.

В погребениях с горшками "а" и мисками "с" обнаружены фибулы М, О, П/Р (табл. III). Все захоронения концентрируются в зоне поздних фибул" (рис.7,8). В "область фибул с треугольными щитками" они попадают лишь в местах наложения на нее "ареала поздних фибул". Эти формы сосудов относятся к III фазе (учитывая данные корреляции и горизонтальной стратиграфии).

Миски варианта "х" встречены в погребениях с фибулами Г2, М, О, П/Р, Ф, миски варианта "т" - с фибулами Г2 и П/Р, горшки варианта "е" - с фибулами Г2, Н, О (табл. II), т.е. по данным корреляции эти формы сосудов существуют в III фазе, хотя появляются и раньше (о чем свидетельствуют факты совместных встреч их с фибулами Г2). Расположение погребений с этимигоршками и мисками на плане могильника обнаруживает одну и ту же закономерность Большинство из них находится в "зоне поздних фибул", меньшая часть "ложится" в пределы "зоны Г2" или в места наложения ее на "область фибул с треугольными щитками". Вне этих пространств ни

одно захоронение не попадает в "зону фибул с треугольными щитками" (рис. 7,8). Таким образом, оснований для отнесения времени возникновения этих форм к I фазе нет. Сосуды датируются II-III фазами.

Миски варианта "к" происходят из погребений, в которых встречены фибулы Г2 и 0 (табл. II), т.е. они достоверно существовали на третьей фазе могильника при довольно неопределенной нижней дате. На памятнике погребения с мисками этого варианта распределяются следующим образом: два из них ложатся в "зону поздних фибул", погребения 31, 267 и 276 - в "зону фибул Г2", погребение 89 находится в центре "зоны фибул с треугольными щитками" (рис. 6). Наиболее вероятная дата этих мисок - I-III фазы.

Миски варианта "и" встречены с фибулами Н и 0, то есть зафиксированы корреляцией только в поздней фазе. Семь из десяти погребений с этими сосудами попадают в "зону поздних фибул" или находятся у ее границ. Два погребения (94 и 111) расположены в области наложения "зоны фибул Г2" на "ареал фибул с треугольными щитками", а еще одно (280) - в "зоне Г2" вне ее пограничных участков (рис.6). Ни одно из погребений с мисками "и" не попадает в "зону фибул с треугольными щитками" вне мест наложения на нее "области фибул Г2". Следовательно, миски варианта "и", скорее всего, датируются II-III фазами. Для отнесения начала их изготовления к I фазе нет достаточных оснований.

Горшки варианта "д" коррелируются с фибулами Г2 и Н, то есть явно существуют в III фазе, а возникают в первой или во второй. Погребений с ними всего четыре. Два из них находятся в "зоне поздних фибул", остальные расположены: одно (210) в месте наложения этой области на "зону Г2" и "фибул с треугольными щитками"» Другое - на границе "зоны Г2" и "зоны поздних фибул". По своему положению на плане могильника, погребение 210 могло бы датироваться широко. Однако, из него происходит фибула варианта Н (табл. II), следовательно, оно относится к III фазе. Учитывая данные корреляции горшки варианта "д" следует датировать II-III фазами.

Миски варианта "ф" (23 экземпляра) являются наиболее многочисленной формой сосудов могильника. Корреляция отмечает их существование во II и III фазах (они встречены с фибулами Л, М, О и П/Р: табл. II). Почти все погребения с мисками "ф" распространены по "зонам фибул Г2 и поздних" (рис. 7). Следовательно, основной период употребления этих мисок - II-III фазы. Как уже отмечалось выше, по горизонтальной стратиграфии появляются они, скорее всего, в

конце I фазы.

Мисок варианта "о" всего шесть. Они коррелируются с "поздними" фибулами варианта Н (табл. II). Четыре погребения "попадают" в "зону поздних фибул", а два погребения (95 и 119) в область наложения "зоны Г2" на "зону фибул треугольными щитками" (рис. 6). Следовательно, миски варианта "о" распространены, в основном в III фазе, но появляются, видимо, во второй.

Сосуды нескольких вариантов ни разу не встречены с фибулами, т.е. данные для определения их хронологии отсутствуют. Это миски вариантов "б", "в", "ж", "л", "у". Закономерности распределения по участкам могильника удастся проследить для двух, более или менее массовых форм: "б" (6 шт.) и "л" (5 шт.). Ни одно из захоронений с мисками варианта "б" не расположено во "внутреннем пространстве зоны поздних фибул" (рис. 5). Погребение 9 с такой миской находится на границе "поздней зоны" в месте ее наложения на край "ареала фибул с треугольными щитками". Прочие погребения распространены в "зонах фибул с треугольными щитками и Г2", включая области наложения их друг на друга. Исходя из расположения погребений с мисками "б" на плане могильника, их следует относить к I-II фазам.

Ни одно из захоронений с мисками варианта "л" не попадает во "внутренние области зоны поздних фибул". Погребения 184, 193, 20 расположены на границе этой зоны в местах наложения ее на "ареал фибул с треугольными щитками", (рис. 6). Вероятнее всего, миски варианта "л" относятся к I-II фазам. Единственная миска варианта "р" обнаружена в погребении 25 с фибулами П/Р и Ф. (табл. II).

В результате хронология форм сосудов будет выглядеть следующим образом: к первой фазе относятся миски "а", "п", в этот период появляются миски "б", "г", "е", "д", "к", "л", "м", "н", а также горшки варианта "г" и, вероятно, "в". В конце фазы начинают употребляться миски варианта "ф".

Во второй фазе существуют миски "ф", появляются миски "о", "и", "т", "х", горшки вариантов "д", "е". Продолжают использоваться миски "б", "г", "д", "е", "к", "л", "м", "н", а также горшки "в", "г".

В третьей фазе появляются горшки "а", миски "с", с этим периодом связана основная масса мисок "о", "и", "х", горшков "д", "е". Продолжают существовать миски "к", "т", "ф", "м", и "н", а также горшки "в" и "г".

Абсолютные даты фаз устанавливаются на основе хронологии фибул. Начало первой фазы соответствует нижней дате фибул с треугольными щитками первого варианта, которые появляются не позднее конца II в. до н.э., а ее конец - финальной дате фибул с треугольными щитками I и II вариантов, которые прекращают употребляться в начале I в. до н.э. Третья фаза относится к концу I в. до н.э. - концу I в. н.э. (по дате фибул вариантов Н, О, П/Р, С, Ф). Вторая фаза охватывает промежуток времени между ними в рамках, приблизительно, второй четверти I в. до н.э. (нижняя дата фибул Д и М) - третьей четверти того же столетия.

Хронология пропорций, объема и декора сосудов. Корреляция типов пропорций мисок с фибулами приведена в табл. IV. Очевидно, что "сквозную" датировку имеют миски типа 2 и 3. Они встречены как с наиболее ранними фибулами могильника (с треугольными щитками I варианта), так и с наиболее поздними, диагностирующими III фазу (вариантов Н, О, П/Р, С и Ф). Миски с пропорциями типа I по корреляции фиксируются только в I фазе могильника (в погр. 23 такая миска встречена с фибулой с треугольным щитком на ножке), а типа 4 - в первой и второй. Последние были найдены в захоронениях с фибулами с треугольными щитками переходного от второго к третьему варианту, а также с проволочной варианта Д (табл. V). Единственная датированная миска типа 5 относится к III фазе могильника: в погр. 25 она найдена с фибулами вариантов П/Р и Ф.

Попытаемся уточнить хронологию типов пропорций мисок по горизонтальной стратиграфии могильника. Распределение погребений с различными типами сосудов по "зонам вариантов фибул", включая и участки наложения этих зон друг на друга, показано в табл. V. В таблицу включены захоронения без фибул, а также с фибулами, которые не относятся к какой-то одной фазе. Здесь же даются датировки погребений по горизонтальной стратиграфии могильника. Из табл. У следует, что миски типа I существуют не только в первой фазе, но и вплоть до третьей включительно. Большинство погребений с мисками четвертого типа попадает в области наложения различных "зон фибул" друг на друга. По этой причине их хронология менее отчетлива. Дополняя свидетельства корреляции данными горизонтальной стратиграфии по табл. У можно утверждать, что эти миски употреблялись на I и II фазах могильника. Период исчезновения их не до конца ясен: с равной степенью вероятности он может относиться ко II или III фазе.

Мисок пятого типа пропорций всего три. Они происходят из по-

гребений 25, 259, 271. Судя по горизонтальной стратиграфии, они могли появиться в первой или во второй фазе могильника. По корре ляции эти сосуды достоверно существуют в третьей фазе. Следовательно, можно сделать вывод, что период бытования мисок типа 5 охватывает II-III фазы могильника, но, возможно, они начали употреб ляться раньше.

В табл. VI дается корреляция типов пропорций горшков с фибулами. По этой таблице на протяжении I-III фаз могильника употреблялись горшки первого типа: они встречены в погребениях как с фибулами с треугольными щитками, так и с характерными для третьей фазы фибулами вариантов Н, О, П/Р. Горшки второго типа относятся ко II-III фазам могильника, они происходят из комплексов с фибулами Л, Н, и П/Р. Горшки третьего типа коррелируются лишь с фибулами Г2, то есть могут относиться к I, II или даже к началу III фазы

При уточнении этих сведений по горизонтальной стратиграфии могильника выясняется следующее. Погребения с горшками третьего типа разбросаны по всем "зонам фибул" (табл. V). Следовательно, как и горшки типа I пропорций, они имеют "сквозное" хронологическое положение. По-иному на плане могильника распределяются по-гребения с горшками типа II. Захоронения без фибул концентрируются в "зоне Г2" и "области поздних фибул". Из девяти погребений, отку-да происходят такие горшки, ни одно не попадает в "зону фибул с треугольными щитками" вне мест наложения на нее "зоны поздних фи-бул". Практически, для горшков второго типа данные горизонталь-ной стратиграфии и корреляции совпадают. Наиболее вероятная их датировка - II-III фазы могильника.

Таким образом, пропорции сосудов оказываются гораздо менее "подвижными", во времени чем их форма. С определенностью можно го-ворить лишь об одном изменении пропорций: во II фазе могильника появляются горшки второго типа, которые, видимо, ранее не были известны. Пропорции мисок довольно стабильны. Даже если сосуды четвертого типа исчезают во второй фазе могильника, а миски типа 5 не существуют в первой, серьезных изменений в пропорциях мисок Чаплина не происходит. Миски типов 4 и 5 составляют всего 6% от общего числа сосудов этой категории, пригодных для классификации по пропорциям.

Обратимся к анализу хронологии объемов мисок.

Корреляция типов мисок и фибул показывает, что "сквозными" являются сосуды типов 3 и 4 (табл. VII). Миски типа 3 встречены в

погребениях с треугольными щитками, существовавшими на I фазе могильника, и с фибулами П/Р и Ф, которые относятся к последней его фазе. Миски типа 4 также коррелируются с фибулами с треугольными щитками. Верхняя дата их (III фаза) определяется по погребению 33, где найдена фибула, которую можно отнести к варианту О или П/Р. Для сосудов первого типа объема корреляцией отмечено существование на первой фазе (совместное нахождение с фибулой с треугольным щитком варианта I) и на второй или третьей (комплекс погребения I, в состав которого входит фибула варианта М или Н). Аналогично датируются миски второго типа (по случаям взаимовстречаемости с фибулами с треугольными щитками первого варианта и проволочной варианта Д). Миски 5 типа происходят из погребений второй и третьей фаз (найжены в комплексах с фибулами Л и Н). Миски шестого типа с фибулами не встречены ни разу.

Данные по планиграфии захоронений с мисками различных типов объема приводятся в табл. УШ. На основании горизонтальной стратиграфии миски типа 2 относятся к I-II фазам, что, в принципе, соответствует наблюдениям за их корреляцией с фибулами. Существование мисок второго типа в третьей фазе могильника остается под вопросом: ни одно погребение с ними не попадает в "зону поздних фибул" вне областей наложения ее на ареалы фибул более ранних. Тем не менее, употребление этих сосудов на заключительном этапе могильника вполне вероятно: в погр. 221 объем второго типа имеет миска варианта "с", формы, характерной для третьей фазы (см. выше).

Миски пятого типа по горизонтальной стратиграфии относятся к II-III фазам (табл. VIII). Скорее всего, существовали они и раньше, т. к. в погр. 218 этот тип объема имеет миска варианта "а" (по классификации формы).

Аналогично датируются и миски типа I. Горизонтальная стратиграфия показывает, что они достоверно существуют на II-III фазах могильника. Учитывая сведения корреляционной таблицы, их следует относить к I-III фазам.

Погребения с мисками шестого типа "разбросаны" по "зоне фибул Г2" (включая места наложения ее на "зону фибул с треугольными щитками" и пограничный район с "областью поздних фибул") и участкам наложения "зоны поздних фибул с треугольными щитками" (табл. VIII). Строго говоря, миски типа б нужно относить ко II-III фазам могильника, но уверенности в том, что они не появляются раньше нет: горизонтальная стратиграфия предполагает эту возможность.

Таким образом, объем мисок является в такой же степени консервативным, как и их пропорции. Достоверные изменения в объеме не зафиксированы.

Развитие декора сосудов Чаплинского могильника, в принципе, соответствует наблюдениям Л.Д.Поболя: к концу существования памятника процент лощеной посуды в погребениях возрастает. Рассмотрим рис. 9. Здесь представлены гистограммы процентного соотношения первого (лощенные неорнаментированные сосуды) и второго (сосуды с заглаженной поверхностью без дополнительной орнаментации) типов декора на I и III фазах могильника.

При вычислении процентов декора для каждой из двух фаз отобраны погребения с фибулами, диагностирующими фазу, а также погребения, происходящие из "зон фибул с треугольными щитками и поздних" вне мест наложения их на другие "ареалы". На графиках показано, что если на I фазе процент сосудов первого и второго типов декора, примерно, равен, то на III фазе лощеные горшки и миски резко преобладают.

Характер развития керамического комплекса. Как выяснилось, наиболее "подвижны во времени" формы сосудов. Для определения характера изменения керамики могильника необходимо ответить на вопрос: на какой основе возникают новые формы, продолжают ли они местные керамические традиции? Для этого следует определить истоки этих форм, найти их прототипы. Прототипами сосуда являются сосуды других форм, по большинству элементов схожие с ним, однако, возникающие раньше. Исходя из принципов, на которых построена типология формы, близкими могут считаться сосуды, большинство признаков которых совпадает. Допускается различие в 1-2 признака.

Второе условие, которому должен соответствовать прототип по сравнению с дериватом - это более ранний период возникновения. При этом необходимо отметить, что прототип не обязательно должен исчезать к моменту появления последнего. В комплексах зарубинец-кой культуры наблюдается иногда их сосуществование. Примером могут служить фибулы с треугольными щитками. Некоторые экземпляры II варианта синхронны фибулам III варианта, которые, в свою очередь, иногда встречаются в комплексах с фибулами четвертого. Вполне вероятно, что сосуществование прототипов и дериватов характерно и для керамики.

На рис. 10, 11 показано, что все формы мисок, появляющиеся на II или III фазе могильника, имеют прототипы в погребениях более ран

них периодов того же памятника.

Несколько иная картина получается при анализе форм горшков (рис. 12). Сосуды, начинающие употребляться во второй фазе (вариантов "д" и "е") минимум по трем признакам отличаются от горшков первой фазы (вариантов "в" и "г"). Это отчетливо видно при сравнении кодов: код варианта "в" - 111312 или 110312, варианта "г" - 121112, варианта "д" - 221212, варианта "е" - 211111 или 231111. Главное отличие сосудов "д", "е" от "в", "г" состоит в том, что в основу формы первых положена идея соединения двух усеченных конусов, с прямыми (для "е"), или изогнутыми стенками (для "д") и ребристым перегибом между II и III частями профиля. Тер риториально наиболее близкие аналогии биконическим сосудам варианта "е" происходят из могильников Припятского Полесья. Это - горшки из погр. 54, 77, 91 могильника Отвержичи, 5, 36, 86 могильника Велемичи II, 25, 51, 62, 67, 53, 73, 83 из могильника Велемичи I и 22, 40, - из могильника Воронине. Применительно к могильнику Велемичи II К.В.Каспарова объединяет эти сосуды в "VI тип".

Биконические горшки появляются в Припятском Полесье раньше, чем на территории верхнеднепровского варианта: в погр. 25 могильника Велемичи I с таким сосудом найдена фибула с треугольным щитком II варианта, в погребении 77 Отвержичей обнаружена фибула с очень маленьким щитком, которая может относиться к I или II варианту. Близкие к варианту "е" сосуды встречаются и на могильниках Среднего Поднепровья (Корчеватое, погр. 37, Пирогов, неопубликованные материалы А.И. Кубышева), но здесь они крайне редки и хронология их неопределенна. Биконические горшки получают в Верхнем Поднепровье собственную линию развития. Сосуды варианта "а" формируются на основе разновидности I горшков варианта "е" (рис. 12).

Таким образом, большинство форм сосудов Чаплинского могильника, появляющиеся во второй и третьей фазах его существования, возникают на местной основе. Целый ряд форм существует на протяжении всех трех фаз (горшки варианта "а", "г", вероятно, "в", миски вариантов "к", "м", "н"). Весьма консервативны традиции их пропорций и объема. Изменения в декоре сосудов не являются качественными, а сводятся к относительному увеличению от начального до заключительного этапа могильника числа лощенных горшков и мисок. В общем, учитывая эти факты, можно говорить об эволюционном развитии керамического комплекса. Появление в Чаплине на второй фазе могильника биконических горшков, видимо, свидетель-

ствует о начавшемся влиянии со стороны зарубинецкой культуры Припятского Полесья.

Характер изменения во времени керамики Чаплинского могильника не дает оснований для утверждения о притоке на территорию Верхнего Поднепровья значительных масс инородного населения в классический период зарубинецкой культуры.

Таблица I

Датировки фибул Чаплинского могильника по общезарубинецкой шкале

Тип и вариант фибулы	Датировка
С треугольным щитком варианта I	II в. до н.э. (не позже конца столетия) – первая четверть I в. до н.э.
– " – варианта П	конец II в. до н.э. – начало I в. до н.э.
Тип 2 вариант Г2	конец II в. до н.э. – конец I в. н.э.
– " – вариант Д	2-ая четверть I в. до н.э. – ко- нец I в. н.э.
Тип 3 вариант Л	середина I в. до н.э.
– " – вариант М	середина I в. до н.э. – конец I в. н.э.
– " – варианты Н, О, П/Р	конец I в. до н.э. – конец I в. н.э.
– " – вариант С	I в. н.э.
Тип 4 вариант Ф	I в. н.э.

Таблица III

Относительная хронология форм сосудов

Варианты формы	Фазы		
	I	II	III
горшки "в"	?		
горшки "г"			
миски "к"			
миски "м"			
миски "н"			
миски "а"			
миски "п"		?	
миски "б"			
миски "г"			
миски "д"			
миски "е"			
миски "л"			
миски "ф"			
миски "о"			
миски "и"			
миски "т"			
миски "х"			
горшки "д"			
горшки "е"			
горшки "а"			
миски "с"			

Таблица IV

Корреляция типов пропорций мисок и вариантов фибул

№ погребения	Типы сосудов					Варианты фибул											
	1	2	3	4	5	Тр-1	Тр-П	Г2	Д	Л	М	О	Н	П/Р	Ф	С	
23	+																
103		+				+											
27		+															
123		+								+							
142		+								+							
1		+															
210		+															
226		+														+	
56		+														+	
152		+	+														+
16			+			+											
72			+														
76			+														
109			+							+							
201			+			+											
212			+							+							
34			+							+							
105			+							+							
267			+							+							
266			+							+							
144			+							+							
241			+							+							
69			+										+				
165			+												+		
222			+												+		
248			+												+		
131			+												+		
192			+												+		+
143			+												+		
159			+														+
148			+														+
137			+														+
146			+														+

Таблица IV
(продолжение)

№ погребения	Типы сосудов					Варианты фибул										
	I	2	3	4	5	Тр-I	Тр-II	Г2	Д	Л	М	О	Н	П/Р	Ф	С
38				+												+
14А					+		+									
7				+					+							
25					+										+	+

Таблица V

Распространение погребений с сосудами различных типов пропорций на плане Чаплинского могильника

Категория и тип сосуда	"Зона фибул" или ее участок	№ погребений	Дата по горизонтальной стратиграфии
I	2	3	4
Миски, тип I	Область наложения "зоны фибул Г2" на "зону фибул с треугольными щитками"	75, 100, 112	I-П фазы
	"Зона фибул Г2" вне областей наложения,	10, 14	П фаза
	"Зона поздних фибул" вне областей наложения	149	Ш фаза
Тип 4	Граница всех трех "зон".	121, 221	I-Ш фазы
	Область наложения "зоны поздних фибул" на "зону фибул с треугольными щитками".	12, 20, 50	I, Ш фазы
Тип 5	Область наложения "зоны фибул Г2" на "зону фибул с треугольными щитками".	32, 258	I-П фазы
	Область наложения "зоны фибул Г2" на "зону фибул с треугольными щитками".	259	I-П фазы
	"Зона фибул Г2" вне областей наложения	271	П фаза
Горшки, Тип 2	"Зона фибул Г2" вне областей наложения.	14	П фаза
	Область наложения "зоны поздних фибул" на "зону фибул с треугольными щитками".	18	I, Ш фазы
Тип 3	"Зона поздних фибул" вне областей наложения.	150, 179	Ш фаза
	"Зона фибул с треугольными щитками" вне областей наложения	200	I фаза

Таблица V
(продолжение)

1	2	3	4
"Зона фибул Г2" вне областей наложения	8	II фаза	
Граница трех "зон"	197	I-III фазы	
"Зона поздних фибул" вне об- ластей наложения	232	III фаза	

Таблица VI

Корреляция типов пропорций горшков и вариантов фибул
Чаплинского могильника

№ погребения	Типы сосудов			Варианты фибул						
	I	2	3	TR-П, TR-П/Ш	Г2	Л	М	Н	О	П/Р
260	+			+						
56	+						+			
86	+						+			
211	+						+/0-?/			
266	+						+			
101	+						+			
143	+							+		
29	+								+	
214	+								+	
6	+									+
159	+									+
227	+									+
89		+				+				
115		+						+		
37		+						+		+
133		+								+
144			+		+					

Таблица VII

Корреляция типов объема мисок и вариантов фибул Чаплинского
могильника

№ погре- бения	Типы объема					Варианты фибул									
	I	2	3	4	5	TR-I	TR-П, TR-П/Ш	Г2	Л	Д	М	Н	О	П/Р	Ф
16	+					+									
I	+														
103		+				+									
7		+										+			
23			+												
76			+												
34			+						+						
123			+						+						
128			+											+	
25			+											+	+
27				+											
56				+										+	
33				+											
210				+										+	/M-?/
89					+					+					
143					+								+		

Таблица VIII

Распространение погребений с мисками различных типов объема на

Тип объема	"Зона фибул" или ее участок	№ погребений	Дата по горизонтальной стратиграфии
I	2	3	4
I	Область наложения "зоны фибул Г2" на "зону фибул с треугольными щитками"	94, 110	I-П фазы
	Область наложения "зоны поздних фибул" на "зону фибул с треугольными щитками"	20	I, III фазы
	"Зона поздних фибул" вне областей наложения	I	III фаза
2	Область наложения "зоны фибул Г2" на "зону фибул с треугольными щитками".	259	I-П фазы
	"Зона фибул Г2" вне областей наложения	7, 190	II фаза
	Граница "зоны Г2" и "поздних фибул"	237	II-III фазы
	Область наложения трех "зон"	203, 205 221	I-III фазы
5	"Зона фибул Г2" вне областей наложения	265	II фаза
	Область наложения "зоны поздних фибул" на "зону фибул с треугольными щитками"	15, 24	I, III фазы
	Область наложения всех трех "зон"	196, 218	I-III фазы
	"Зона поздних фибул" вне областей наложения	147	III фаза
6	Область наложения "зоны фибул Г2" на "зону фибул с треугольными щитками"	17, 32	I-II фазы

Таблица VIII
(продолжение)

1	2	3	4
Граница "зоны фибул Г2" и "зоны поздних фибул"		250	II-III фазы
Область наложения "зоны поздних фибул" на "зону фибул с треугольными щитками"		30,36	I, III фазы
"Зона поздних фибул" вне областей наложения		169	III фаза

1. Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии. Т. I. Минск: "Наука и техника", 1971. С.74.
2. Там же. С.174, 175.
3. Там же. С.165-173.
4. Каспарова К.В., Мачинский Д.А., Щукин М.Б. Реи. на: Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии. Т. I-III. Минск: "Наука и техника", 1971-1974 // СА. 1976. № 4. С. 243, 244, 246.
5. Там же. С. 244-246.
6. Там же. С. 248, 249.
7. Обломский А.М. Классификация керамики верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры (по материалам Чаплинского могильника) // СА. 1985. № 1.
8. Схема расположения основных измерений сосуда показана на рис. 1Б.
9. Пример одной из комбинаций: I П I - группа I соотношения Д1: Н2; группа II соотношения Д2:Н2; группа I соотношения Д3: Н2. Миски данной комбинации групп пропорций входят в тип I, но кроме них в тип I включены и сосуды, имеющие некоторые другие комбинации групп пропорций.
10. Обломский А.М. О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры // СА. 1983. № 1. Его же. К вопросу о классификации и хронологии фибул с треугольным щитком на ножке // КСИА, в печати.
11. Поболь Л.Д. Славянские древности ... Т. I. С.172.
12. Изредка на могильнике встречаются сосуды с заглаженной нелощеной поверхностью, орнаментированные по венчику защипами и насечками. Целые формы с такой орнаментацией происходят из погребений 18 (Кухаренко Ю.В. Чаплинский могильник // МИА. 1959. № 70. Табл. V, № 23), 93 и 115 (Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии. Т. II. Минск: "Наука и техника", 1973. Рис. 32 № 20; 38 № 6). Обломки подобных горшков известны еще в нескольких погребениях. Сосуды с аналогичной орнаментацией в массе представлены среди зарубинецких материалов Чаплинского городища (Третьяков П.Н. Чаплинское городище // МИА. 1959. № 70. С. 150), они характерны для зарубинецких поселений Верхнего Поднепровья. Среди керамики Чаплинского могильника являются, видимо, исключением.
13. Каспарова К.В. Могильник и поселение у дер. Отвержичи // МИА, 1969. № 160. Рис. 9 № 9. Ее же. Новые материалы могиль-

- ника Отвержичи и [некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья // АСбГЭ. 1976. № 17. Рис. 7 №» 3,8.
14. Кухаренко Ю.В. Памятники железного века на территории Полесья // САИ. Вып. Д1-29. М., 1961. Табл. 28 № 10; Каспарова К.В. Зарубинецкий могильник Велемичи П // АСбГЭ. 1972. № 14. Рис. 14 №№ 1, 3.
15. Кухаренко Ю.В. Памятники ... Табл. 15 № I; 17 № 31, 34; 18 № 21; 19 № 4, 13; 20 № 18; 40 № 3; 41 № 19.
16. Там же. Табл. 15 № 2.
17. Каспарова К.В. Новые материалы ... Рис. II № 7.
18. Самойловский И.М. Корчеватовский могильник // МИА. 1959. № 70. Табл. V № 109.

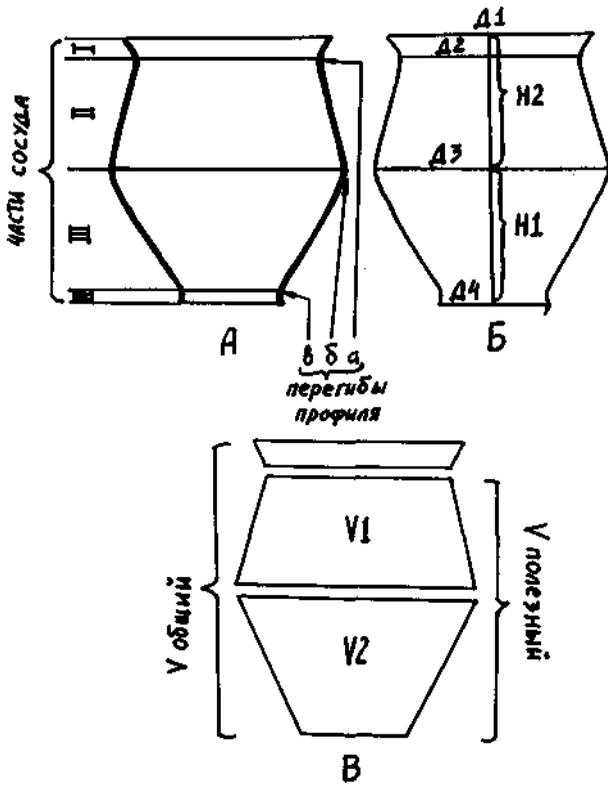

Рис.1.

Схема выделения элементов сосуда.
 А - для описания формы, Б - для расчета пропорций,
 В - для расчета объема.

Рис.2.

Формы мисок Чаплинского могильника.
 1-вариант "а", разновидность 1; 2-вариант "а", разновидность 2; 3-
 вариант "б", разновидность 1; 4-вариант "б", разновидность 2; 5-
 вариант "в"; 6-вариант "г"; 7-вариант "д", разновидность 1; 8-
 вариант "д", разновидность 2; 9-вариант "е"; 10-вариант "ж";
 11-вариант "з", разновидность 1; 12-вариант "з", разновидность 2;
 13-вариант "и"; 14-вариант "к"; 15-вариант "л"; 16-вариант "м"; 17-
 вариант "о"; 18-вариант "н"; 19-вариант "и", разновидность 1; 20-
 вариант "п", разновидность 2; 21-вариант "р".
 1-погр.84; 2-погр.218; 3-погр.9; 4-погр.63; 5-погр.259; 6-
 погр.10; 7-погр.14; 8-погр.99; 9-погр.30; 10-погр.17; 11-
 погр.189; 12-погр.190; 13-погр.111; 14-погр.31; 15-погр.20;
 16-погр.24; 17-погр.1; 18-погр.15; 19-погр.28; 20-погр.23; 21-
 погр.25.

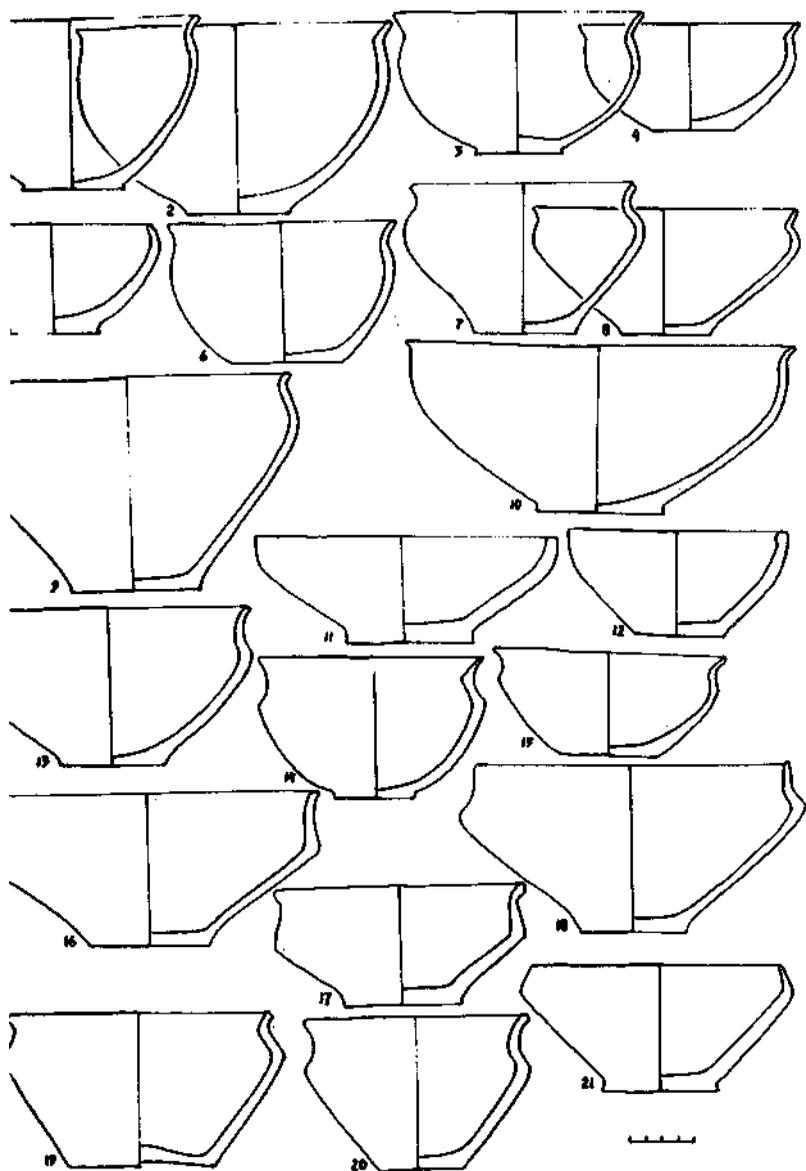

рис.2

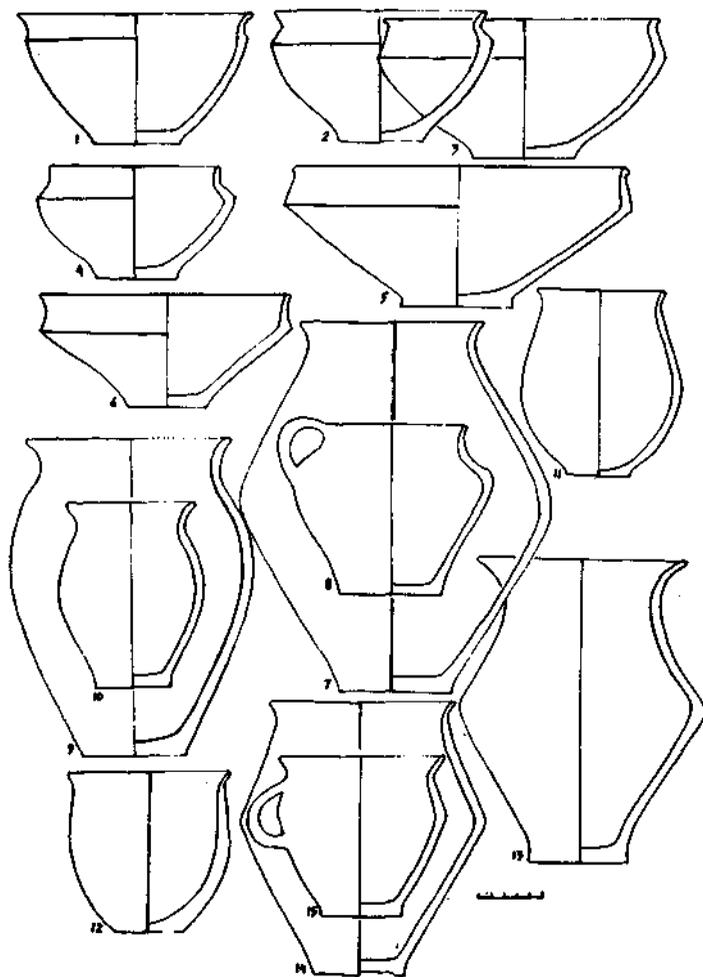

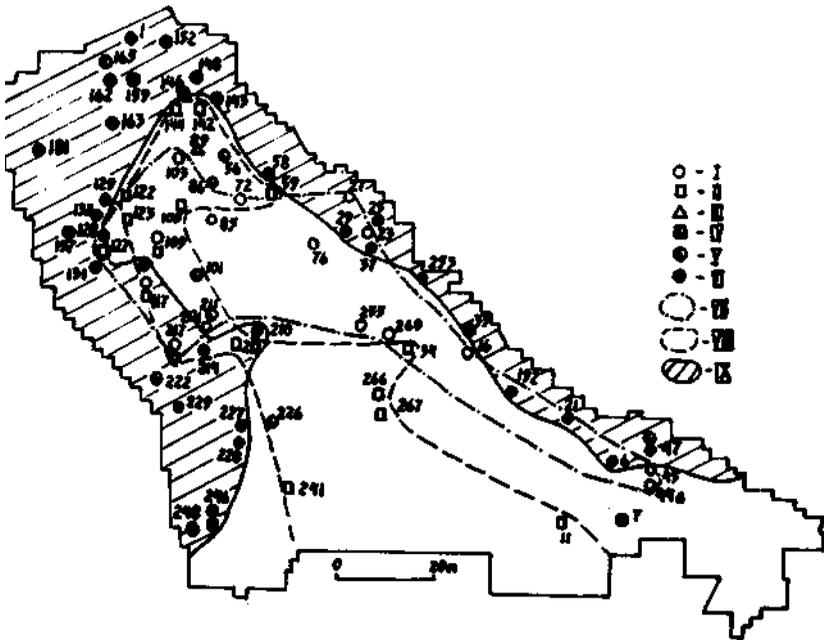
Рис.3.

Формы сосудов Чаплинского могильника. 1-6 - миски; 7-15 - горшки;

1-вариант "с"; 2-вариант "г", разновидность 2; 3-вариант "г", разновидность 1; 4-вариант "у"; 5-вариант "х"; 6-вариант "ф"; 7-вариант "а"; 8-вариант "б"; 9-вариант "в", разновидность 2; 10-вариант "в", разновидность 1; 11-вариант "г", разновидность 1; 12-вариант "г", разновидность 2; 13-вариант "д"; 14-вариант "е", разновидность 1; 15-вариант "е", разновидность 2.
 1-погр.277; 2-погр.34; 3-погр.250; 4-погр.256; 5-погр.18; 6-погр.19; 7-погр.6; 8-погр.200; 9-погр.36; 10-погр.43; 11-погр.179; 12-погр.8; 13-погр.156; 14-погр.143; 15-погр.144

Рис. 4.

Распространение погребений с фибулами на плане могильника. 1-фибулы с треугольным щитком на ножке; II-фибулы Г 2; III-Фибулы Л; IV-фибулы Д; У-фибулы М; VI-фибулы Н, О, П/Р, С, Ф; VII-зона распространения погребений с фибулами с треугольными щитками на ножках; VIII-зона распространения погребений с фибулами 12; IX-зона погребений с "поздними фибулами".

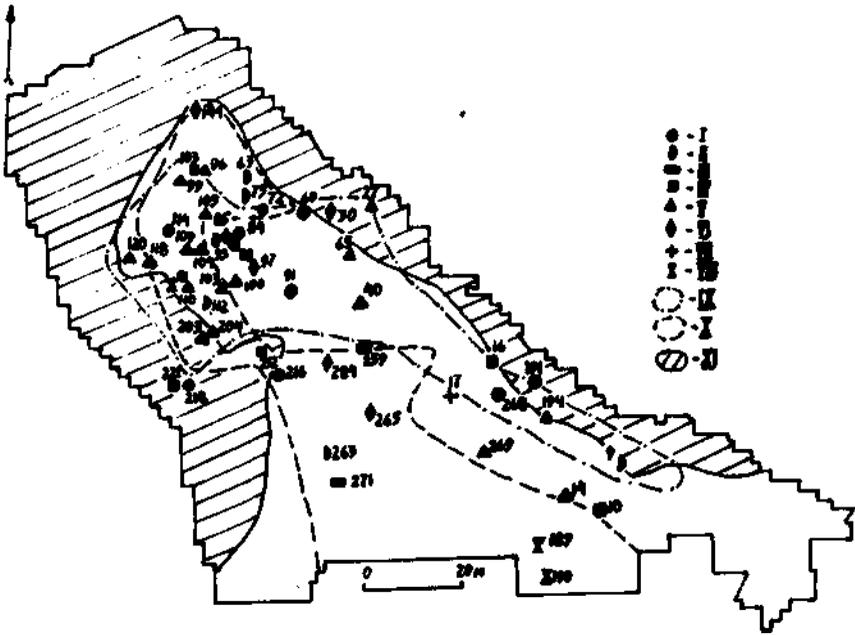

Рис. 5.

Распространение погребений с мисками I типа формы на плане могильника.

I-вариант "а"; II-вариант "б"; III-вариант "в"; инвариант "г"; V-вариант "д"; VI-вариант "е"; VII-вариант "ж"; VIII-вариант "з"; IX-"зона фибул с треугольными щитками"; X-"зона фибул 12"; XI - "зона поздних фибул".

Рис. 6.

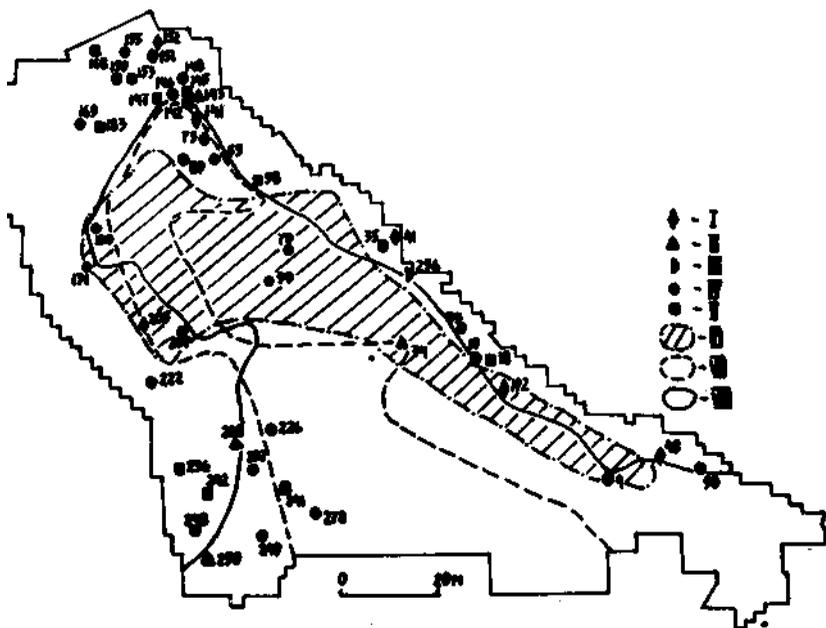
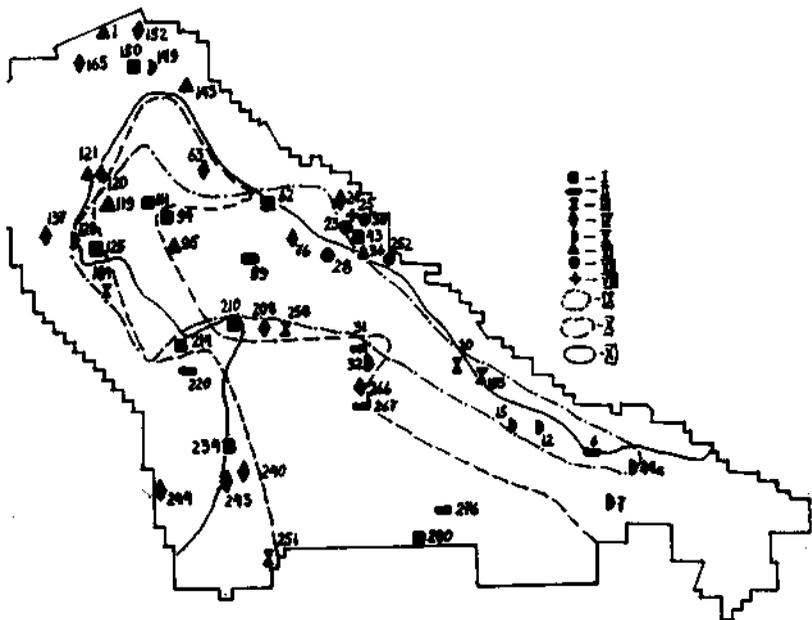
Распространение погребений с мисками II типа формы на плане могильника.

I-вариант "и"; II-вариант "к"; III-вариант "л"; IV-вариант "м"; V-вариант "н"; VI-вариант "о"; VII-вариант "п"; VIII-вариант "р"; IX-"зона фибул с треугольным щитком на ножке"; X-"зона фибул 12"; X-зона поздних фибул.

Рис. 7.

Распространение погребений с мисками III типа формы на плане могильника.

I-вариант "с"; II-вариант "т"; III-вариант "у"; IV-вариант "ф"; V-вариант "х"; VI-"зона фибул с треугольными щитками"; VII-"зона фибул 12"; VIII-"зона поздних фибул".

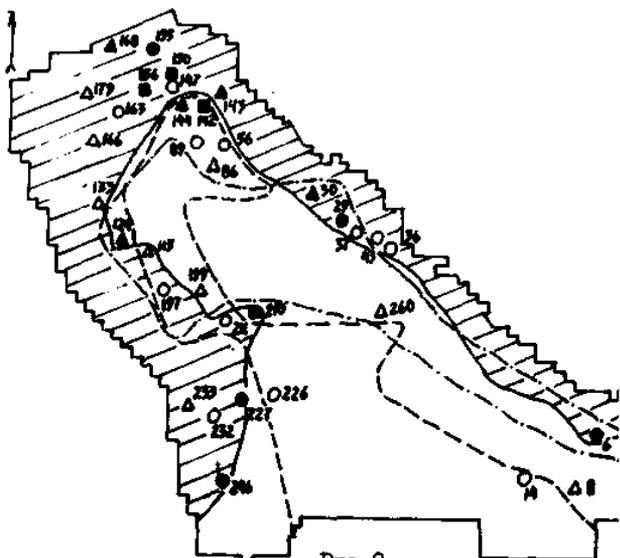

Рис. 8.

Распространение погребений с горшками на плане I-вариант "а"; II-вариант "б"; III-вариант "г"; 3 V-вариант "е"; VI-"зона фибул с треугольными и "зона фибул Г2"; VIII-"зона поздних фибул".

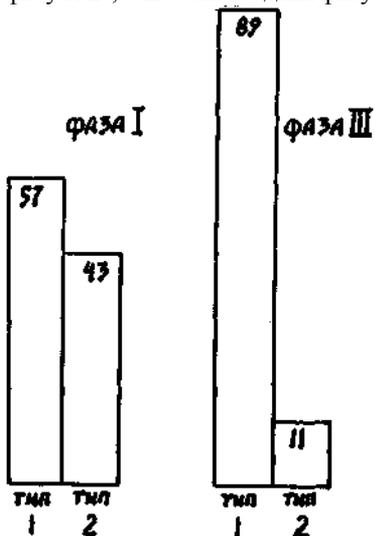

Рис.9. Гистограммы процентного соотношения сосудов декора I и III фаз Чаплинского могильника

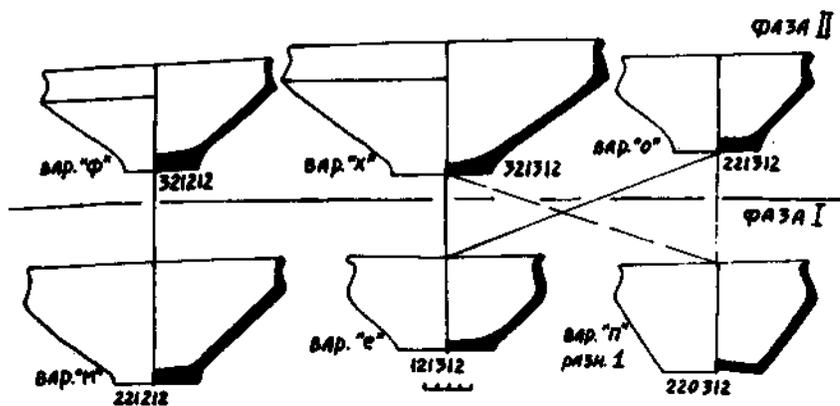

Рис.10. Эволюция форм мисок Чаплинского могильника.

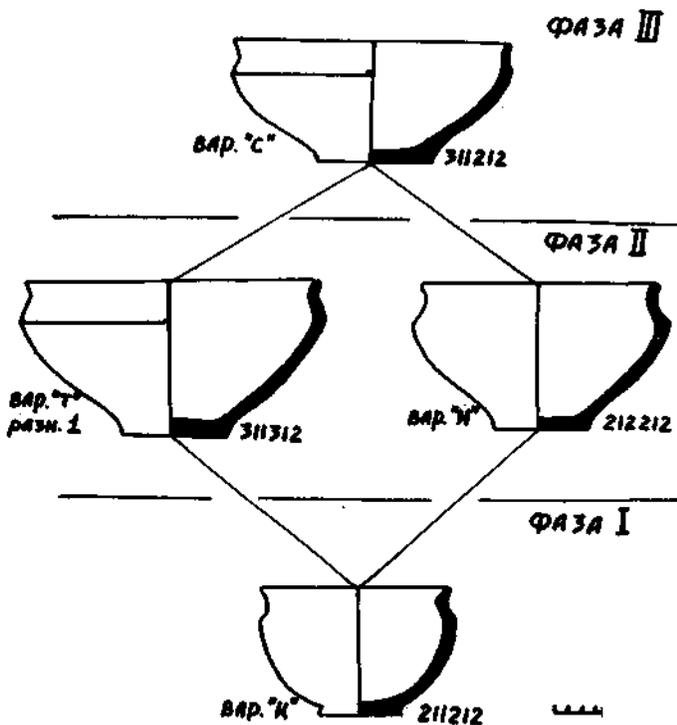

Рис.11. Эволюция форм мисок Чаплинского могильника /продолжение/.

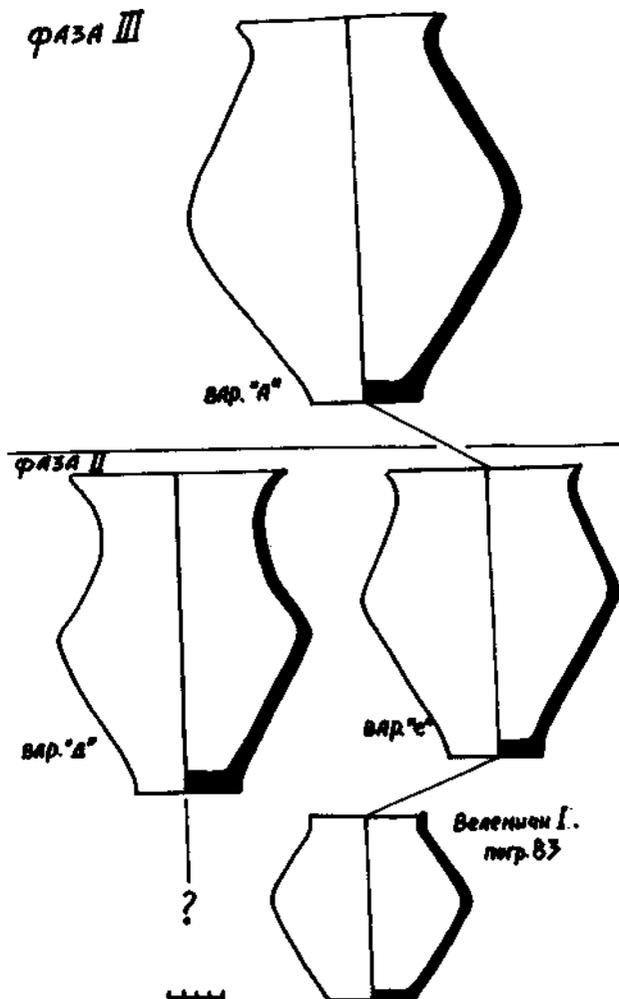

Рис.12. Эволюция форм горшков Чаплинского могильника.

Р.В.Терпиловский

Поселение I тысячелетия н.э. у с.Роище на Черниговщине

Памятник расположен в 20 км к северу от г.Чернигова в бассейне р. Стрижень (правый приток Десны) в 1,5 км к северо-востоку от центра с.Роище Черниговского р-на и обл., в урочище Логи. Поселение открыто в ходе разведок начала 70-х гг., проводимых археологической секцией Черниговского областного общества охраны памятников истории и культуры под руководством Г.А.Кузнецова и А.В. Шекуна. В 1975-1978 гг. на поселении были проведены раскопки Среднеднепровской раннеславянской экспедицией Института археологии АН УССР под руководством Е.В.Максимова и автора настоящей публикации, в результате чего была исследована площадь 2170 кв.м, на которой обнаружены культурные напластования различных эпох. Здесь изучены четыре безынвентарных труположения эпохи бронзы, два труположения милоградской культуры, пять жилищ, шесть хозяйственных построек и около 230 ям киевской культуры, два колочинских жилища, пять жилищ и несколько хозяйственных ям волынцевской культуры. Рассмотрению древностей I тыс. н.э. и посвящена данная работа.

Поселение занимает участок в пределах лессового острова в болотистых верховьях рр. Стрижня и Белоуса. Плодородные черноземы этих мест, необычные для Полесья, видимо, постоянно привлекали древних земледельцев, в результате чего хронологические рамки существования поселения охватывают полтысячи лет без значительных перерывов. Судя по характеру культурного слоя и распространению подъемного материала, поселение занимало около 2 га. Главная его часть, где был разбит раскоп I, размещалась на низком мысообразном выступе берега ручья, ныне представляющего собой заболоченную балку (рис. 1). Здесь исследовано большинство объектов. Ряд комплексов киевской культуры и волынцевское жилище были обнаружены и на противоположном берегу ручья, где был разбит раскоп II.

Раскоп I площадью 1970 кв.м ориентирован по странам света

(рис.2). С востока к нему примыкают три траншеи. В раскопе вскрыт гумусный слой, подтверждающийся распашке: в верхней части он гомогенный черный; начиная с глубины 0,25-0,3 м, до которой доходит вспашка, идет непотревоженный культурный слой. Материк (желтый лессовидный суглинок) начинается на глубине 0,4-0,5 м. На периферии поселения, в северной и западной частях раскопа I, культурный слой распашан почти на всю глубину. Из культурного слоя происходят практически только находки киевской культуры, несколько фрагментов волынцевской керамики обнаружены лишь над соответствующими жилищами. Не исключено, что слои второй половины I тыс н.э. полностью уничтожены. В раскопе I исследовано четыре жилища, четыре хозяйственных постройки и около 220 ям киевской культуры, оба колочинских жилища, а также четыре жилища и несколько ям волынцевской культуры. Отметим также, что указанные слои отличаются не только по характеру материала, но и стратиграфически: колочинские жилища 10,17*, а также жилища 9, 13, 16 и яма 53 (волынцевская культура) перекрывают ряд ям и постройку II с находками киевской культуры. В свою очередь, в трех случаях хозяйственные ямы киевской культуры перерезали погребения эпохи бронзы.

Раскопом II вскрыто около 200 кв.м (рис.2). Культурный слой здесь почти полностью совмещен с пахотным. Видимо, раскоп II захватил периферию поселения. Раскоп удален на 40 м от раскопа I и ориентирован вдоль склона балки. В раскопе II исследовано жилище, две хозяйственных постройки и 14 обособленных хозяйственных ям киевской культуры, а также волынцевское жилище. Последнее частично перекрывает хозяйственные ямы 12, 13 с материалами киевской культуры.

Рассмотрим наиболее ранний (нижний) слой, относящийся к киевской культуре.** Жилища, исследованные в раскопе I, удалены на

* Нумерация построек сквозная по полевой документации. Нумерация хозяйственных ям дана отдельно по раскопам.

** Недостающие в настоящей статье данные по материалам киевской культуры приведены в нашей монографии, специально посвященной киевским памятникам Подесенья (Терпиловский Р.В., Ранние славяне Подесенья III-IV вв. К.: Наук.думка, 1964). Там же, в частности, помещены рисунки материалов из всех объектов киевской культуры и культурного слоя Роища (табл. 14-22), а также из жилищ 10 и 17 (рис. 33,34)

расстояние от 13 до 24 м одно от другого.

Жилище 2 обнаружено в юго-восточной части раскопа I. Почти прямоугольная в плане яма котлована (3,2 x 2,6), приблизительно ориентированная по странам света, была углублена на 1,2 м *** (0,6 м от уровня материка). Полукруглые ямки в центре южной и западной стен, вероятно, остались от столбов, поддерживавших кровлю. Оползень материкового грунта по периметру жилища, вероятно, является следами насыпи кровли или подсыпки стен. Пол сравнительно ровный, место очага определить не удалось. В заполнении обнаружено свыше 300 фрагментов лепных сосудов и два обломка мисок черняховской культуры, изготовленных на гончарном круге, и фрагмент амфоры. Встречены также куски жерновов ручных мельниц, два тупика (струга из ребер животных), кочедык и пряслице.

Жилище 4 расположено в южной части раскопа I, в 22 м от предыдущего. Прямоугольное в плане (3,8 x 3,4), ориентировано по странам света с небольшим отклонением, пол углублен на 0,8-0,85 м (рис. 3). В центре - ступенчатая в разрезе столбовая яма диаметром 0,35 м и глубиной 0,3 м от уровня пола. Пол ровный со следами глиняной подмазки. Место очага не установлено. Вероятно, в тот же хозяйственный комплекс входила примыкавшая к жилищу с запада яма 13. Она прямоугольная в плане (0,95 x 0,75 м), имеет вертикальные стенки и дно на глубине 1,45 м. В заполнении жилища встречено 78 фрагментов лепной киевской посуды, два обломка Черняховских сосудов, костяной тупик, пряслице, черенок железного ножа, а также фрагментированная бронзовая трапециевидная подвеска. В заполнении ямы обнаружено 97 фрагментов лепной керамики, обломок Черняховского сосуда, пряслице и костяной тупик.

Жилище 12 находится в западной части раскопа I в II м от предыдущего. Прямоугольное в плане (4,1 x 3,7 м) с закругленными углами, ориентировано по странам света. Пол углублен на 0,6 -0,7 м и выровнен с учетом наклона местности. Сохранились следы подмазки пола, отстоящие от стен котлована на 0,5-0,6 м. В центре - ступенчатая в разрезе столбовая яма глубиной 0,65 м. По длинной оси жилища у стен расположены еще две столбовые ямы. Такая же ямка отмечена у центра северной стены. Узкие ямки от кольев имеются между центральной столбовой ямой и южной стеной. Сле-

***Глубины указаны от уровня современной поверхности за исключением особо оговоренных

ды очага не обнаружены. Почти в центре восточной стены - небольшой выступ (место входа?). В заполнении встречено около 120 фрагментов лепной киевской керамики, четыре тупика, целое и обломок пряслица, кости животных.

Жилище 14 расположено в восточной части раскопа I в 30 м от предыдущего. Основание его прямоугольное в плане (3,4 x 3,3 м) с закругленными углами, ориентированное по странам света. Южная стенка прослежена плохо, так как пол здесь углублен в материк не значительно и плавно переходит к стенкам (рис.3). Глубина 0,65-0,8 м. У западной стены отмечен ряд углублений неправильной формы. Пол неровный - в центре он углублен сильнее, чем по краям. Восточная часть углублена меньше - возможно, здесь размещался настил-полати. Почти по всей площади основание перекрыто слоем глиняной обмазки стен или кровли толщиной 0,03-0,06 м. Вероятно, глиной был обмазан столб, яма которого имела диаметр 0,3 м и глубину 0,35 м. В пределах жилища обнаружено еще несколько ям: у северной стены яма размером 0,5 x 0,45 м и глубиной 0,3 м, в юго-восточном углу - овальная яма, в 0,5 м от ямы центрального столба - ямка от кола. К северной стене жилища снаружи примыкает яма размером 1,1 x 1,0 м. Рядом, в ту же стенку врезано основание печи. Под размером 0,8 x 0,6 м и толщиной 0,1 м обращен устьем на юг. Его конструкция (сверху вниз): слой глиняной обмазки, вымостка из 62 фрагментов нескольких горшков киевской культуры и четырех обломков Черняховского гончарного сосуда, прослойка материкового грунта, слой глиняной обмазки, вымостка из 22 фрагментов Черняховского горшка и 14 черепков крупного биконического горшка киевской культуры. В устье лода имеется неглубокая ямка, вероятно, для установки в печи горшка. Свод печи разрушен пахотой, очевидно, он был глиняным. В заполнении жилища обнаружено около 40 фрагментов лепной киевской керамики, несколько обломков черняховской посуды и амфоры с рифленой поверхностью, костяные стиль и тупики. Несколько фрагментов керамики из жилища и верхнего слоя вымостки пода относятся к одному и тому же лепному сосуду. К одним горшкам относятся и черепки из верхнего и нижнего слоев пода, что указывает на его одноразовое сооружение. В примыкающей к жилищу с востока яме 135 встречен костяной гребень.

В раскопе I исследованы также остатки четырех хозяйственных построек, расположенных между жилищами (рис.2).

Постройка I расположена в южной части раскопа I в 7 м от жю»

лица 4. В плане имеет неправильную форму размером около 5 x 4 м. Длинной осью сооружение ориентировано по линии север-юг. Образована несколькими перекрывающимися одна другую хозяйственными ямами. Большинство их круглые в плане диаметром 1,0-1,4 м и глубиной до 1,25 м с вертикальными или расширяющимися ко дну стенками. Северная часть постройки на глубине 0,4-0,6 м была перекрыта завалом сильно пережеванной глиняной обмазки. На кусках обмазки сохранились следы тонких прутьев, кольев и расколотых плах. Обмазка со следами сглаживания пальцами содержит примесь соломы. Завал обмазки, вероятно, является остатками стен или кровли наземного сооружения типа сарая, построенного над ямами. В заполнении постройки встречено около 350 фрагментов лепной киевской керамики. Среди 56 обломков черняховской гончарной посуды преобладают обломки столовых сосудов типа мисок и ваз. Обнаружен фрагмент светлоглиняной амфоры. Здесь же найдена пластина костяного гребня с двумя заклепками, восемь тупиков, пряслице, фрагмент проволочного бронзового браслета и перегнутая пополам железная полоса.

Постройка 11 находится в западной части раскопа I в 0,6 м к югу от жилища 12, к хозяйственному комплексу которого она, очевидно, и относится. Форма постройки почти прямоугольная в плане (2,9 x 2,5 м) с выступом в северо-восточной стене. Сооружение ориентировано углами по странам света. Неровный пол углублен на 0,9-1,0 м. В западной части постройка перекрыта ямой 53, содержащей материалы вольтнецовской культуры. В заполнении постройки встречено 25 фрагментов киевской керамики, обомок Черняховского горшка, куски глиняной обмазки со следами плах и кости животных. Постройка 15 расположена в северо-восточной части раскопа I в 7 м от жилища 14. Почти прямоугольная в плане (2,6 x 2,2 м) глубиной 0,95 м. Ее дно неровное, почти по всей площади котлован перекрыт кусками обожженной глиняной обмазки. С юго-востока к ней примыкает яма 165 (диаметр 1,2 м, глубина 0,95), имеющая в разрезе колоколовидную форму. В заполнении постройки и вокруг нее на уровне материка встречено 34 фрагмента киевской керамики и обломок черняховской чернолощенной миски.

Постройка 18 обнаружена в восточной траншее 3 и 15 м от жилища 14. Она представляет собой несколько ям, вписывающихся в общие подпрямоугольные очертания размером 2,8 x 2,3 м. Постройка ориентирована углами по странам света. Неровный пол углублен на 0,6-0,75 м. К северо-западной части постройки примыкает под оча-

га или печи в яме 225. Ее диаметр 1,1 м, глубина 0,6 м, стенки обожжены до кирпичного цвета. Под подмазан глиной и вымощен черепками киевских сосудов. В заполнении постройки встречены около 170 фрагментов лепной киевской посуды, обомки жерновов, два обломка черняховских гончарных сосудов и многочисленные куски обожженной глиняной обмазки.

Кроме построек, в пределах раскопа I обнаружены две площадки, где, вероятно, производились различные работы на открытом воздухе (рис.2). Первая из них, расположенная в западной части раскопа, фиксировалась по плотно утоптанному материка и повышенной концентрации находок (размеры ее около 24 кв. м). Здесь на уровне материка встречены развалы лепных горшков киевской культуры, пряслица, тупики, обломок костяного кочедыка и каменная сферическая зернотерка. Вероятно, эта площадка принадлежит к комплексу жилища 12, расположенного в 5 м от нее. Аналогичная площадка, но меньших размеров, расположена в юго-восточной части раскопа I.

На территории раскопа I выявлено около 230 ям, сосредоточенных преимущественно в центральной части раскопа (рис.2). Лишь в девятке из них встречены материалы эпохи бронзы или вольтнецевской культуры. Около 80 ям содержит характерные материалы киевской культуры. Вероятно, и большинство остальных ям, не давших выразительных находок, также относится к этому периоду.

Очевидно, такое значительное количество хозяйственных ям не использовалось одновременно. Об этом же говорят и сравнительно частые случаи их перекрывания, а также отсутствие находок в большей части погребов. Численно преобладают округлые ямы (165 из 220 с диаметром верхней части 1,0-1,4 м и глубиной 0,6-1,2 м. Стенки обычно расширяются к ровному дну и иногда подмазаны глиной. Незначительное число ям имеет прямоугольную или овальную форму. Некоторые погребя (ямы 18, 45, 65, 109) имели вырезанные в материке ступеньки. Обращают на себя внимание узкие глубокие ямы 28, 124, 137, 139, 169. Их длина 2-3 м, ширина 0,7-1,2 м, глубина до стигает 1,3 м. Судя по необычной для погребов форме и находке в яме 28 железного скобеля, можно предположить, что указанные ямы являются остатками каких-то производственных сооружений, связанных с деревообработкой.

В большинстве ям найдены только единичные кости животных, мелкие обломки лепной керамики, не дающие представления о формах сосудов. Более или менее выразительные развалы происходят из ям

12, 16, 18, 168. В заполнении ям встречены также железное шило (яма 25), серп (яма 160), долота (ямы 164, 197), пряжка (яма 196), ножи (ямы 14, 106, 138), костяные "коньки" (ямы 54, 116), тупики, а также каменные оселки и куски жерновов, пряслица и обломки глиняных грузил, Кости домашних животных обнаружены в ямах 62 69, 230. В заполнении многих хозяйственных ям встречены куски обожженной глиняной обмазки со следами прутьев и кольев. Вероятно, по крайней мере часть погребов перекрывалась сооружениями типа шалашей или крышками.

Как своеобразные следы производственной деятельности можно рассматривать встреченные в юго-ападной и центральной частях раскопа I (около ям 16, 17) скопления специально заготовленной для лепки сосудов глиняной массы с примесью шамота. Различные находки киевской культуры встречены и в неповрежденной пахотой нижней части культурного слоя, достигающей в центре раскопа I мощности 0,25 м и выклинивающейся на периферии. Среди них около 1000 фрагментов лепной посуды (в том числе несколько развалов), свыше 30 обломков черняховской гончарной керамики, пряслица, обломки жерновов, кости животных и т.д. Особое место среди находок из культурного слоя занимает клад серебряных украшений, встреченный на глубине 0,3 м недалеко от постройки 11.

Переходим к описанию киевских объектов, исследованных в раскопе II (рис.2). Жилище 3 расположено в северной части раскопа. Его основание имеет квадратную в плане форму (4,1 x 3,9 м) и глубину 0,55-0,65 м. Пол выровнен с учетом склона (рис.3). Жилище ориентировано соответственно берегу балки. В центре - ступенчатая столбовая яма глубиной 0,55 м. Кроме того, в северной части жилища имеются две столбовые ямки. К юго-западу от ямы центрального столба находится неглубокая яма, заполненная углистым грунтом (место очага?). Вдоль стен котлована прослежены следы уплотненной подсыпки, на которую, очевидно, опирался нижний венец сруба. В юго-западную часть жилища врезана узкая хозяйственная яма (2,4 x 0,9 м) глубиной 0,98 м. В выступающей наружу части ямы встречено значительное количество глиняной обмазки с отпечатками плах - остатки перекрытия. В жилище встречено около 450 фрагментов лепной керамики, в том числе фрагмент подлощенного ребристого сосуда. Обнаружено также два обломка черняховских со-судов, фрагменты жерновов, 10 тупиков, "конек" из плюсневой кости лошади, восемь пряслиц (целых и в обломках), фрагменты тиглей брусина синего стекла, обломок серебряного браслета, железные нож

и бритва, фрагмент пряжки, обломок оселка и куски шлаков.

Кроме жилища 3, в пределах раскопа II обнаружены два хозяйственных сооружения, конструктивно близких исследованным в раскопе I. Постройка 5 расположена в западной части раскопа в 5,5 ц от жилища 3. Представляет собой скопление хозяйственных ям различных размеров. Общие размеры сооружения 5,5 x 3 м, глубина ям 0,5-1,1 м. Длинная ось постройки ориентирована по линии север-юг. В юго-западной части сооружения зафиксирован слой обожженной глиняной обмазки толщиной 0,1-0,15 м с отпечатками прутьев и плах, а также следами сторевших деревянных конструкций. В заполнении постройки встречено около 190 фрагментов лепной киевской керамики, фрагмент черняховского гончарного сосуда и обломок стенки амфоры с рифленой поверхностью. Постройка 7 почти примыкает к предыдущей и удалена на 0,7 м от жилища 3. Состоит из четырех хозяйственных ям различных форм и размеров. Приблизительно ориентирована длинной осью по линии север-юг. Общие размеры постройки 4,5 x 2,6 м, глубина ям 0,75-1,0 м. В заполнении постройки встречено 11 фрагментов керамики киевской культуры и обломок чер-няховского сосуда.

Кроме того, в раскопе II исследовано 14 обособленных ям. Почти все они имеют округлую в плане форму (диаметр до 1,4 м), вертикальные или слегка расширяющиеся ко дну стенки и ровное дно. Глубина их 0,8-1,35 м. В заполнении часто встречаются куски обожженной глиняной обмазки. Их было особенно много в заполнении и вокруг крупной прямоугольной ямы 15. Ее размеры 2,2 x 1,2 м, с юга к ней примыкает широкая ступенька, также заваленная обмазкой. Очевидно, яма была перекрыта шалашом, обмазанным глиной. Крупная удлиненная яма 14 (3,8 x 1,2 м, глубина 1,1 м), вероятно, как и подобные ямы в раскопе I, является остатками производственного сооружения. В заполнении ям встречено несколько десятков фрагментов лепной киевской керамики и несколько обломков черняховских гончарных сосудов. Концентрация находок в культурном слое раскопа II значительно меньше, чем в раскопе I. Практически все они представлены фрагментами керамики киевской культуры.

Подводя итоги, отметим, что на этапе киевской культуры поселение Роище, судя по раскопанным участкам, состояло примерно из десятка жилищ. Все жилища представлены одним типом - почти квадратной полуземлянкой небольших размеров. Длинной осью жилищ* ориентированы по линии восток-запад. Все они, кроме жилища 2, имеют центральный столб (рис.3). Дополнительные столбы, как пра-

вило, расположены бессистемно. Только в жилище 3 столбовые ямки у середины противоположных стен лежат на одной линии с ямой центрального столба, что, очевидно, предполагает наличие здесь двускатной кровли. Подсыпка по периметру котлована того же жилища 3 позволяет предположить, что конструкция жилищ была скорее всего срубной, опущенной внутрь котлована. Исключение, возможно, составляет жилище 14, имевшее пологие стенки и врезанный в одну из них под печи, выступавший за общий план. Вероятно, в этом случае стены были возведены за пределами котлована (рис. 3). Описанные полуземлянки с центральным столбом и открытым очагом имеют ближайшие аналогии в памятниках типа Почепа, киевской культуре По-десенья, а также в колочинской и пеньковской культурах V-VII вв. Жилище 14 принадлежит к более редкому типу, однако подобные ему встречены как в киевской культуре (Белгородка), так и среди некоторых северных черняховских памятников (Демьянов, Журавка).

Хозяйственные постройки каркасной конструкции с глиняной обмазкой, кроме Роища, известны в киевской культуре пока только на поселении Ульяновка, также расположенном вблизи Чернигова. В целом такие сооружения более типичны для черняховской культуры. Наличие значительного количества ям-погребов характерно для нескольких культур Поднепровья: зарубинецкой, киевской и пеньковской. Очевидно, пользовались ими, судя по материалам Роища, где на каждое жилище приходится около 40 ям, сравнительно недолго, после чего выкапывали новые.

Среди находок киевской культуры на поселении Роище главное место занимает лепная посуда (свыше 3000 фрагментов). Ряд обломков днищ имеет концентрические следы подсыпки (половы, шамота или песка), указывающие, что в некоторых случаях при формовке сосудов употреблялась вращающаяся подставка (РФК-1 по А.А.Бобрин-скому). В качестве отошающей примеси к глине использовался шамот (нередко очень крупный), реже - дресва или песок. Поверхность сосудов имеет обычно отчетливые следы сглаживания, большинство днищ по периметру имеют закраину. Керамика лишена орнамента за исключением двух сосудов с налепными валиками под венчиками. В одном случае на стенке сосуда по сырой глине процарапан знак. В верхних частях четырех сосудов просверлены отверстия - очевидно, следа ремонта. Лишь отдельные сосуды имеют тщательно сглаженную, чуть подлощенную поверхность. Цвет поверхности - от желтого до темно-серого или бурого. Черепок в изломе обычно одноцветный.

34 сосуда можно реконструировать полностью или восстановить

их верхнюю часть до максимального расширения тулова. Почти все обломки принадлежат горшкам и корчагам (рис.4: 1-5, 7-11), лепные миски представлены тремя сосудами (рис.4: 12, 13), а диски (крышки и сковородки) - семью обломками (рис.4: 6). Судя по диаметрам венчиков и днищ, подавляющее большинство горшков было средних размеров, то есть имело диаметр венчиков 11-24 см (65%) и диаметр днищ 9-11 см (47,8%). Количество миниатюрных сосудов и корчаг приблизительно равно.

Используя разработанную Е.А.Горюновым и несколько измененную нами типологию деснинской керамики⁸, горшковидные сосуды из Роища можно разделить на виды и варианты по особенностям профилировки верхних частей горшков. Из них к виду I (широкогордые сосуды с максимальным расширением тулова в верхней части) относится девять сосудов (13% определимых горшков - рис.4: 1,2) К виду II (округлобокие горшки, суженные к горлу, с максимальным расширением в средней части) принадлежат II горшков (16% - рис. 4: 3). Тюльпановидные горшки вида III представлены 12 сосудами (17,4% - рис.4: 4,5). Наиболее распространены ребристые бикони-ческие горшки вида IV - 34 сосуда (50,3% - рис.4: 7-10). Близкие к ним по деталям оформления единичные цилиндро-конические горшки (вид V) представлены только тремя ребристыми изделиями (3,3% -рис.4: 11). Взаимовстречаемость различных видов и категорий керамики в различных объектах в сочетании с датирующими находками приведена ниже.

В целом можно отметить, что керамический комплекс киевской культуры из Роища по распределению форм горшков, ассортименту различных категорий сосудов, характеру обработки поверхности и орнаментации сосудов находит ближайшие аналогии с посудой таких поселений киевской культуры Черниговского Подесенья как Ульянов ка, Киселевка 2, Выбли. Вместе с тем, керамика этих памятников (в том числе и Роища) характеризуется отдельными чертами, типичными для керамических комплексов культур раннего средневековья колочинской и пеньковской.

Наряду с грубой посудой местной работы в Рошце встречено около 200 фрагментов сосудов черняховской культуры, изготовленных на гончарном круге. Такие находки в объектах единичны, толь ко в постройке 1 их число составляло около 15% по отношению ко всей керамике. Во всех случаях обломки принадлежат сосудам сравнительно небольших размеров, среди которых отсутствуют пифосы и крупные трехручные вазы (рис.4: 14,15).

Таблица

горшки и корчаги (виды и варианты)						Миски Диска		Чернях. гончар. керамика	Датирую- щие вещи				
I		II		III		IV	V						
I	2	3	I	2	3	I	2						
-	-	-	I	I	-	3	-	-	56	бр.про- волочн. браслет, фр-т греб ня типа Ш фр-т ам- форы			
I	I	-	I	I	-	-	I	4	-	2	Фр-т амфо- ры		
-	-	-	-	-	-	-	4	I	I	-	2	стекл.бу- сина, фр-т жел.пряжки фр-т сере- бр.браслет	
-	-	3	-	I	I	-	-	3	I	-	I	2	бр.трапе- циевидн. подвеска фр-т ам- форы
-	-	-	-	-	-	-	I	-	3	-	-	I	фр-т ам- форы
-	-	-	-	-	-	-	I	-	3	-	-	-	-
-	-	I	-	I	I	I	-	6	-	-	-	18	фр-ты ам- форы типа Е, гребен типа Ш
I	I	I	I	I	I	I	4	I	7	-	2	6	мн. клад се- ребр.ук- рашений, жел.пряж- ка (я.196 фр-ты ам- форы типа Е

В Подесенье поступали также позднеримские амфоры - в комплексах и культурном слое Роцца встречено около 20 их фрагментов. Опираясь на находки верхней части горла, ручек и нижней части корпуса, можно установить, что одна из амфор (ее обломки встречены и в жилище 14) относится к типу E по классификации, предложенной для светлоглиняных амфор Д.Б.Шеловым. Амфоры типа E предлагают датировать концом IV - началом V в., опираясь на находки в хорошо датированных комплексах Танаиса, Херсонеса, Пан-тикапея.

В объектах и культурном слое киевской культуры Роицца встречено 19 предметов из черного металла. Большинство из них является орудиями труда. Это три целых и четыре фрагментированных ножа с прямой или дуговидной спинкой, шило, крупный серп с крючком на конце пятки и кольцом для крепления рукояти, два долота, скобель с двумя рукоятями, расширяющимися при переходе к лезвию, а также обломок сверла с перовидной рабочей частью (рис.3: 8-11, 13, 16). К бытовым предметам можно отнести бритву с прямым клинком и стержневидной рукоятью и 2 крупные удлиненные пряжки (рис. 3: 12, 14). Аналогичные вещи встречаются в комплексах добродзеньского типа второй половины IV - первой половины V вв. Известны они и в черняховской культуре. Характерно, что среди материалов поселения Каменево 2 в районе Курска, имеющего много общего с роищенскими, присутствуют такие бритвы и пряжка.

Железным предметам значительно уступают по численности и разнообразию ассортимента изделия из цветных металлов. Кроме трг пецевидной подвески и двух небольших обломков проволочных браслетов из бронзы и серебра, к ним относится упомянутый выше кла; серебряных украшений из культурного слоя раскопа I. Он состоял из 3 проволочных колец с незамкнутыми концами и 5 лунниц из тонкого листа. Подвески имеют простую луновидную форму с плавным выступом в середине основания (рис.3: 7). В верхней части каждой подвески были приклепаны железные ушки, в которые и продевались кольца. Длина лунниц 90-98 мм, высота 39-50 мм. Диаметр колец 38-40 мм. Общий вес находки около 56 г. Судя по крупным размерам и простой форме - это конское нагрудное украшение. Подобную форму, но меньшие размеры, имели подвески, входившие в состав ожерелья и встреченные в черняховских и провинциально-римских комплексах. Такие находки в основном укладываются в рамки IV вн.э.¹³

Из глины, кроме посуды, вырабатывались тигли, грузила и пр: лица. Фрагменты тиглей встречены только в жилище 3, что в целом

соответствует незначительному распространению изделий из цветных металлов (рис.3: 15). Среди грузил преобладают конусообразные (7) и пирамидальные (2). Изделия из ямы 8 в отличие от остальных не были обожжены. Однако заготовками их считать нельзя -вокруг отверстий сохранились следы веревок. Вероятно, грузила применялись как оттяжки нитей основы вертикального ткацкого станка. Из 35 типичных пряслиц киевской культуры восемь фрагментировано. Все они уплощенные биконические (диаметр большинства 24-30 мм, высота 10-17 мм) со сравнительно крупными отверстиями (11-17 мм) и сглаженной поверхностью (рис. 3: 5). Два изделия орнаментированы процарапанными зигзагами или волной, кроме того на одном из них имеются насечки по граням.

Из кости изготовлены орудия, необходимые при различных домашних ремеслах, прежде всего кожевенном. Наиболее распространены тупики из ребер для очистки кож от жира и мездры. Например, в жилище 3 встречено свыше десятка таких находок. Так называемых "коньков" из плюсовых или пястных костей лошади найдено 6 экземпляров. Три кочедыка для плетения сетей или лаптей выполнены из ребер козы или овцы. Две проколки имеют веретенообразную форму и отполированную поверхность.

Особенно интересны костяные гребни из ямы 135 при жилище 14 и из постройки 1. Первый из них хорошо сохранился - он трехслойный многочастный с прямыми плечиками и высокой арочной спинкой (рис. 3: 4). Аналогичному изделию принадлежит и средняя пластина плечика, где сохранились две железных заклепки. Гребни с прямыми плечиками и полукруглой спинкой относятся по типологии С.Томас к варианту I типа III, а по Г.Ф.Никитиной - к типу 4 группы IV¹⁴. Эти находки типичны для второй половины IV - начала V в. Учитывая многочисленность таких гребней в черняховской культуре, находки из Роща следует рассматривать как импорт.

Из камня, главным образом песчаника, изготовлено несколько точильных брусков и сферическая зернотерка. Встречено также 18 обломков жерновов ручных мельниц, причем крупные фрагменты происходят из ям 14 и 73. Последний изготовлен из гранита, а остальные - из вулканического туфа, выходы которого в Подесенье не известны. Поэтому можно предположить, что жернова являются привозными из ареала черняховской культуры, для которой туфовые изделия обычны.

На поселении встречены две стеклянных бусины: округлая синяя в жилище 3 и крупная черная с орнаментом в виде четырех глад-

ких красных полос и белого зигзага (рис.3: 6). Последняя по классификации Е.М.Алексеевой может датироваться IV в.н.э.

Значительное число разнообразных Черняховских материалов наталкивает на мысль о синхронности киевских комплексов Роища и Черняховских древностей Левобережья, которые датируются не ранее IV в.н.э. Уточняют датировку памятника находки в объектах таких вещей как костяные гребни, фрагменты амфоры, узкие железные пряжки и др. Следует также учитывать полихромную бусину и серебряные лунницы из культурного слоя. Некоторые из этих вещей, как показано выше, датируются IV в.н.э. Вместе с тем, амфоры типа Е, гребни с высокой арочной спинкой и узкие пряжки известны в причерноморских и средневропейских комплексах гуннского времени, включающих и первую половину V в.н.э. Таким образом, нижний слой поселения вполне надежно датируется второй половиной IV - первой половиной V в. Ближайшей аналогией вышеописанным материалам является поселение Ульяновка, существование которого в конце IV и в первой половине V в. подтверждается находкой в одном из жилищ браслета с утолщенными концами и фрагмента гуннского зеркала.

Находки колочинской культуры по сравнению с киевскими гораздо менее обильны. Выразительных материалов этого периода не встречено ни в культурном слое, ни в хозяйственных ямах. Оба колочинских жилища расположены в пределах раскопа I в 56 м одно от другого (рис.2).

Жилище 10 находится в юго-западной части раскопа. Форма постройки прямоугольная в плане (4,8 - 4,4), пол углублен на 0,45-0,7 м и выровнен с учетом склона. Постройка приблизительно ориентирована по странам света. В ровном полу отмечен ряд столбовых ям: самая глубокая (0,7 м) расположена в центре, более мелкие - в северо-западном и юго-западном углах, а также в центре южной, западной и северной стен. Пол, сохранивший местами следы глиняной подмазки, был нарушен пятью хозяйственными ямами (41-45) различных размеров, относящимися, судя по находкам, к киевской культуре. В заполнении жилища обнаружено около 200 фрагментов лепной керамики, в тесте которой преобладает примесь шамота. Это обломки кухонных округлобочных или слабопрофилированных горшков средних размеров, а также часть диска-крышки (рис.5 : 6, 9, 11, 13-15). Кроме керамики, встречено лезвие железного ножа с прямой спинкой и семь тупиков, а также четыре пряслица. Одно из них, найденное на полу, изготовлено из стенки красноглиняной амфоры (рис.5:)

Жилище 17 обнаружено в северо-восточной части раскопа. Котлован почти квадратный в плане (5,1 x 4,7 м), углубленный на 0,7 -0,85 м. Пол в центральной части хорошо утоптан и подмазан глиной. Жилище ориентировано по странам света. В центре его - ступенчатая столбовая яма глубиной 0,5 м. Другая столбовая ямка меньших размеров размещалась в центре северной стены. Примерно посередине между ними был расположен открытый очаг - сохранился обожженный участок пола около 0,6 м в диаметре. В западной части северной стены имеется ниша, небольшие продолговатые ямы примыкают ко всем стенкам, кроме западной. Светлая глиняная обмазка пола перекрывает более раннюю яму 230, в которой обнаружены скелеты двух собак и фрагменты лепной киевской керамики. В заполнении жилища встречены обломки лепной посуды, представленной в основном фрагментами округлобких приземистых горшков с примесью в керамической массе шамота и дресвы (рис.5: 7,10,12,16-18). Также найдены железный нож с прямой спинкой, тупик, четыре пряслица (рис. 5: 5, 6). Одно из них имеет орнамент в виде свастики и группы наколов.

В целом материал из заполнения этих жилищ, их конструктивные особенности и размеры однотипны (рис.5). Жилища во многом напоминают и постройки киевской культуры, с которыми их сближает наличие центрального столба и открытого очага. Вместе с тем, описанные жилища отличаются чуть более крупными размерами и более правильной формой. Они перекрывают хозяйственные ямы киевской культуры, относящиеся ко второй половине IV - первой половине V в. С другой стороны, находки из жилищ 10, 17 и их конструкция резко отличаются от пяти вольнцевских жилищ, о которых пойдет речь ниже. К тому же обе постройки занимают периферию поселения киевской культуры, так как, вероятно, в это время площадь памятника еще носила следы перекопов. Вольнцевские жилища располагаются уже непосредственно поверх киевских объектов. Таким образом, время существования жилищ 10,17 может быть ограничено рамками V-VII вв. Отсутствие соответствующих материалов в культурном слое и немногочисленность объектов этого периода заставляют думать, что поселение не было долговременным.

Хотя данные материалы и немногочисленны, все же заметно, что в керамическом комплексе V-VII вв. преобладают в первую очередь приземистые округлобкие горшки с максимальным расширением тулова около середины высоты и небольшой отогнутой наружу шейкой (рис. 5: 10, 11, 13-15). Керамика такого рода не типична для коло-

чинской культуры, в ареал которой включают и Подесенье, но вполне обычна для пеньковских памятников. При этом напомним, что домостроительство этих культур на раннем этапе практически не отличается, как и некоторые категории инвентаря: пряслица, ножи и др. Формы раннесредневековых пряслиц из Роища и орнамент на них имеют, в частности, аналогии на пеньковских памятниках Приднепровья. Очевидно, слой V-VII вв. поселения Роище является одной из наиболее северных точек, ограничивающих обширную маргинальную зону, существовавшую между пеньковскими и колочинскими древностями. В связи с этим, средний слой поселения можно назвать "колочинским" чисто условно.

Переходим к описанию материалов волынцевской культуры из верхнего слоя памятника. В пределах раскопа I исследовано четыре таких жилища, удаленных одно от другого на 9-27 м (рис. 2, 6).

Жилище 8 расположено в юго-западной части раскопа I. Полуземлянка имеет четкую прямоугольную форму (3,2 x 2,7 м) и ориентацию по странам света. Пол, подмазанный глиной, углублен на 0,6 м. В центре каждой стены и в северо-восточном углу выявлены столбовые ямки, некоторые из них удлинённые, глубина их 0,3-0,6 м (рис.6). Кроме того, у северной и южной стен обнаружены неглубокие (0,1-0,15 м) ямы больших размеров. Небольшая глинобитная печь располагалась в северо-восточном углу. Она отстоит от стен на 0,4 м и занимает площадь около 0,7 x 0,6 м. Стенки толщиной около 0,15 м сохранились на высоту 0,2 м. Под глинобитный (0,45 x 0,3 м, толщина 5-6 см), сооружен на уровне пола жилища. Устье печи обращено на юг. Пол перед устьем печи обожжен. В заполнении жилища встречено 18 фрагментов лепных округло-боких горшков, целое и фрагментированное высокие биконические пряслица и отполированная заячья фаланга с отверстием для подвешивания (рис.7: 2-4).

Жилище 9 находится в западной части раскопа в 9 м от предыдущего. Размеры прямоугольного котлована 5,4 x 4,7 м, ровный пол углублен на 0,8-0,85 м. Жилище приблизительно ориентировано по странам света. Столбовые ямы размещались в центре восточной и западной стен, а также во всех углах, кроме северо-восточного. Вертикальные столбы в угловых ямах (судя по обгоревшим остаткам конструкции) удерживали горизонтальные бревна. Два столба в удлинённых ямах у восточной и западной стен, вероятно, подпирали конек крыши и представляли собой расколотые пополам бревна. Столбовые ямы отстоят от стен котлована на 0,3-0,5 м, их глубина 0,2-

0,25 м. Реальные размеры постройки ограничены столбовыми ямами, следовательно площадь жилища 4,6 x 3,7 м. Пространство между стенами постройки и котлована было заполнено мешаной землей. При выборке заполнения жилища в центральной его части было обнаружены следы сгоревших перекрытий кровли в виде тонких шестов и материковой насыпи крыши. В северо-восточном углу находилась крупная глинобитная печь, отстоявшая, как и столбовые ямы, на 0,4 м от стен котлована (рис.6). Печь занимала площадь 1,5 x 1,2 м и сохранилась на высоту 0,5 м. Основание печи глинобитное, свод сложен из обожженных глиняных вальков. Толщина стенок печи до 0,7 м. Устье обращено к югу. Под глиняный, приподнят на 0,05-0,1 м над уровнем пола, размеры пода - 0,6 x 0,35 м, толщина - 0,07 м. Рядом с печью расположена хозяйственная яма диаметром и глубиной 0,6 м. Ее стенки слегка расширяются ко дну. Жилище частично перекрывает ямы 25,38,39 с материалами киевской культуры. В заполнении постройки (в основном на уровне пола и около печи) найден характерный материал волынцевской культуры: свыше 60 фрагментов лепной керамики, массивная нижняя часть крупного лепного горшка, обломок гончарного сосуда и шаровидное пряслице (рис.7: 5,7,16).

Жилище 13 расположено в центральной части раскопа в 27 м от предыдущего. Имеет квадратную в плане форму (3,6 x 3,6), ориентировано по странам света с небольшим отклонением (рис.6). Пол углублен на 0,6-0,9 м. Печь расположена в северо-восточном углу, ее устье обращено на юг. Размеры печи 0,8 x 0,7 м, топки - 0,6 x 0,3 м. Под расположен на уровне пола, его толщина 0,03-0,04 м. Основание печи глинобитное, свод был сложен из глиняных вальков. Следы свода сохранились слабо. Печь отстоит от стен на 0,4-0,5 м. Внутри жилища расположено пять хозяйственных ям и четыре столбовых. Столбовые ямки размещены у центров западной, восточной и южной стен, а также сразу за печью у северной стены. В центре расположена хозяйственная яма 99 (глубина 0,45 м, диаметр 0,9 м, стенки слегка расширяются ко дну). В северо-западной части жилища исследованы две пустые ямы. В юго-западном углу располагалась овальная яма 93, юго-восточный угол жилища частично перекрыл более раннюю яму 94. Снаружи к западной стене примыкает яма 68 (диаметр 1,2 м, глубина 0,65 м). Ее ровное дно обмазано глиной и обожжено. Вероятно, это сооружение использовалось как жаровня. В заполнении жилища найдены несколько фрагментов лепной волынцевской керамики, обломок оселка, костяная подвеска, кости животных (рис.7: 1,9).

Обломки гончарного сосуда и лепного горшка с вдавлениями по венчику встречены в культурном слое над жилищем 13 (рис.7: 12). Яма 93 в юго-западном углу жилища содержала обломки лепных вольтинцевских горшков (рис.7: 13,14).

Жилище 16 обнаружено в северо-восточной части раскопа I в II м от предыдущего. Судя по северной его части и по расположению ям, жилище имело прямоугольную в плане форму (5 x 4 м). Ориентировано по странам света. Пол углублен на 0,7-0,85 м (рис.6). Печь расположена в северо-восточном углу, ее размеры 1,1 x 1 м, размеры топки 0,8 x 0,5 м. Печь сохранилась на высоту 0,35 м. Выложенный из вальков свод обрушился, устье печи обращено на юг. Под расположен на уровне пола жилища, его толщина 1-2 см. Столбовые ямы зафиксированы в юго-восточном углу, у центров восточной и западной стен, а также рядом с печью. Их глубина достигает 0,4 м. Ямка в северо-западной части, возможно, связана с конструкцией какой-то пристройки или входа. Внутри жилища расположены две хозяйственные ямы. Яма 192 примыкает к северной стенке, ее размеры 1,85 x 1,2 м, глубина 0,35 м от уровня пола. Яма 198 (диаметр 0,8 м, глубина 0,4 м) расположена в юго-восточном углу постройки. Жилище южной своей частью перекрывает ряд ям киевской культуры (194-197) и, возможно, хозяйственную постройку. Северная часть жилища задела более ранние ямы 193 и 199. В заполнении жилища встречены фрагменты лепной вольтинцевской посуды (найденны и на поду печи), куски глиняных вальков, кости животных (рис.7: 10,15,17). В яме 192 обнаружены куски вальков, уголь, куски обмазки и фрагменты лепных горшков (рис.7: II).

Недалеко от жилищ обнаружено несколько хозяйственных ям, не содержащих выразительных находок. С вольтинцевским слоем надежно могут быть связаны только две из них. Яма 53 имеет овальную в плане форму (1,8 x 1,05 м), глубина 1,25 м. Дно ровное, подмазанное глиной. В заполнении встречены куски вальков, сланцевый оселок и 2 фрагмента гончарной вольтинцевской керамики (рис.7: 6). Яма перекрывала постройку II (киевская культура) и, вероятно, принадлежала к комплексу жилища 9, расположенного в 3 м к западу. Яма 206 круглая в плане (диаметр 1,05 м), глубина ее 0,9 м. Стенки слегка расширяются к ровному дну. В заполнении встречены обломки вальков. Очевидно, яма относится к комплексу жилища 16, расположенного в 1,5 м к югу.

В центральной части раскопа II также исследовано вольтинцевское жилище, северо-западный угол которого нарушен хозяйственной

ямой 6, не содержащей находок (рис.6). Жилище б имеет прямо-угольную в плане форму (3,3 x 3,0 м), пол углублен на 0,6 м. Жилище четкой ориентации не имеет. В северо-западном углу постройки находилась печь, вырезанная в зеленоватой глине, которой был забит весь угол. Ее размеры 1,0 x 0,8 м, массив сохранился на высоту 0,2-0,25 м. Устье обращено на восток. Размеры глиняного пода 0,5 x 0,3 м, толщина 2-3 см. Свод печи частично был вырезан в глиняной забивке, от перекрытия сохранились лишь отдельные куски глиняной обмазки. К югу от печи располагалась небольшая ямка (0,45 x 0,35 м) глубиной 0,2 м. Жилище частично перекрывает ямы 12, 13 с находками киевской культуры. В заполнении жилища обнаружено шесть фрагментов лепной керамики, в том числе венчик округлобокого горшка со слабыми следами защипов и венчик крупной корчаги с наlepным треугольным в сечении валиком (рис.7: 8), а также железное шило.

Отметим, что от жилищ IV-V и V-VII вв. волынцевские полуземлянки отличаются наличием глинобитных печей (рис.65). Наиболее ранним, возможно, чем в остальных постройках. Печь расположена в северо-западном углу, а у остальных жилищ - в северо-восточном. Угол жилища слегка нарушен более поздней ямой. При этом напомним, что более поздних материалов, чем волынцевские, на поселении не обнаружено. Квадратный котлован жилища б в отличие от других построек не имеет столбовых ям. Кроме жилища б, остальные четыре полуземлянки относятся к наиболее распространенному типу волынцевских жилищ. Их в целом сближает расположение и конструкция печей, наличие столбовых ям вдоль стен, свидетельствующих о каркасной системе наземной части. Судя по расположению столбовых ям, все они были ориентированы коньками по линии восток-запад. Входы при этом, вероятно, находились в юго-западных частях построек. Вместе с тем, размеры как самих жилищ, так и размещенных в них печей, значительно варьируют. Из заполнения этих построек происходит гончарная и лепная

посуда при значительном преобладании последней, что типично для волынцевской культуры. Среди лепной керамики доминируют горшки средних размеров. Глиняная масса имеет примесь крупного и среднего шамота, поверхность сосудов слегка бугристая, цвет ее обычно серо-желтый. Два горшка имеют вдавления по венчику (рис.7: 12), крупная корчага украшена наlepным треугольным валиком под венчиком (рис.7: 8), остальные сосуды лишены орнамента. Судя по немногим реконструированным формам, преобладают горшки с высоким рас-

положением плеча, широкой горловиной и относительно узким дном. Шейки их высокие, отогнутые наружу (рис.7: 9-12,15,16). Два сосуда из ямы 93 в жилище 13 имеют подобную форму, но отличаются высокими вертикальными шейками (рис.7: 13,14). Закраины на днищах едва заметны или вообще отсутствуют. Дно крупного сосуда из жилища 9 имеет изнутри плавный переход к стенкам* Гончарная серолощенная керамика представлена всего четырьмя фрагментами, причем верхняя часть шаровидного горшка (рис.7: б) с короткой резко отогнутой наружу шейкой и небольшой обломок из ямы 53 не орнаментированы. Два других незначительных фрагмента украшены многорядной врезной волной (жилище 9 - рис.7: 7) и узкими пролощен-ными параллельными полосками (жилище 13), что вполне обычно для вольинцевских памятников.

Два высоких биконических пряслица из жилища 8 и шаровидное из жилища 9 изготовлены из глины, поверхность их сглажена (рис.7 3-5). Амулеты - подвески из кости (рис.7: 1,2) имеют широкий круг аналогий, в том числе и в салтовской культуре.

Исходя из этого скромного, но достаточно выразительного материала, можно предположить, что период существования верхнего слоя поселения скорее всего ограничивается УШ в.н.э. Очевидно, к началу этого срока относятся жилище б, отличающееся конструктивными особенностями, и небольшое жилище 8. Из этих построек происходит довольно архаичный материал, более типичный для пеньковской, чем для вольинцевской культуры. Речь идет о фрагменте корчаги с наlepным валиком (жилище б) и высоких биконических пряслицах (жилище 8). Конструкция жилища б и керамика из него и жилища 8 находят аналогии в материалах из верхнего слоя поселения Хитцы в лесостепном Левобережье. При этом вспоминается выдвинутая Е.А.Горюновым гипотеза, согласно которой возникновение вольинцевской культуры связано с продвижением на север пеньковских племен в конце VII - начале VIII в. В связи с этим представляется вполне вероятным, что материалы жилищ б и 8 отражают начальный этап формирования вольинцевской культуры в Подесенье. Отметим также, что Роище является одним из наиболее северо-западных вольинцевских памятников.

В заключение укажем, что поселение Роище дает уникальную возможность сопоставить между собой ряд последовательно существовавших на территории Подесенья археологических культур с целью установления их взаимосвязи. В течение I тыс.н.э. участок в урочище Логи был заселен трижды: во второй половине IУ - первой по-

ловине V в. (киевская культура), в V-VII вв. (колочинская культура) и в VIII в. (волынцевская культура). Вместе с тем, отрезок от IV до VIII вв., вероятно, не является сплошным, на что указывает отсутствие переходных комплексов. Скорее всего, в течение I тыс. н.э. жизнь на поселении несколько раз прерывалась, причем продолжительность разрывов, вероятно, составляла не менее нескольких десятков лет. Первая лакуна, очевидно, приходится на V в. н.э., так как киевская и колочинская культуры хоть и сближаются между собой особенностями домостроительства и отдельными формами керамики, все же по материалам данного поселения отчетливо разделяются. Второй перерыв в жизни поселения наступил, очевидно, в конце VII - начале VIII вв. и был связан с прекращением существования колочинского поселения и возникновением волынцевского. Несмотря на отмеченные лакуны между тремя представленными в Роище культурами, можно отметить и нечто общее для них. Это топография и небольшие размеры поселений, наличие у их обитателей в течение IV-VIII вв. прямоугольных полуземлянок приблизительно одинаковых размеров и ориентации, распространение лепной посуды в виде горшков и корчаг, при производстве которых использовались сходные технологические приемы. Цикличность жизни на поселении Роище позволяет предположить, что вышеописанные группы памятников в целом являются различными фазами развития материальной культуры местных племен. Скорее всего, носители различных слоев поселения Роище принадлежали к этнически родственным группировкам.

Характерной особенностью данного памятника является тесная и постоянная связь с югом. Во время существования здесь киевского поселения отчетливо ощущается влияние более южной черняховско-кой культуры, проявившееся в поступлении многочисленных импортов (вплоть до массивных туфовых жерновов), в подражании формам керамических и металлических изделий, в постройке хозяйственных сооружений с глиняной обмазкой. В VI-VII вв. контакты с пеньковской культурой настолько сильны, что соответствующий слой Роища приобретает смешанные колочинско-пеньковские черты. Возникновение здесь волынцевского поселения также, возможно, связано с процессами, протекавшими в пеньковско-колочинском пограничье. Кроме того, в объектах этого периода встречена гончарная серолощенная посуда и костяные амулеты, имеющие прямые аналогии в салтовской культуре.

Таким образом, можно отметить, что, судя по материалам мно-слойного поселения I тыс. н.э. у с. Роище на Черниговщине, процесс

сложения и дальнейшего развития ряда последовательно существовавших в этом регионе славянских культур протекал не изолированно, а постоянно подвергался воздействию со стороны как этнически родственных (пеньковская), так и полиэтнических (черняховская и сал-товская) культур лесостепи и степи.

1. Терпиловский Р.В. Новые памятники III-IV вв.н.э. в Черниговском Подесенье // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев; Наук.думка, 1977. С.134-136; Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья III-У вв. Киев; Наук.думка, 1964. С.87-68.
2. Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 1981. С.23-26; Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья ... С.13-14.
3. Данилеко В.М. Пізньозарубинецькі пам"ятки київського типу // Археологія. 1976. № 19. С.68.
4. Баран В.Д. Черняхівська культура. Київ: Наук.думка, 1981. С. 29-31.
5. Максимов Е.В., Терпиловский Р.В. Поселение киевского типа у с. Ульяновка на Десне // Славяне и Русь. Киев: Наук. думка, 1979. С. 23-25.
6. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 27.
7. Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян ... С. 17-19.
8. Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья ... С. 19-24.
9. Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья ... С. 74-80.
10. Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры // КСИА. 1978. № 158. С. 16-21. 11. Godlowski K. Materialy do poznania kultury przeworskiej na Gornim Slasku // Materialy starozytne i wczesnosredniowieczne, 1977, 4, s. 35-36, 92-94, T.XXXIV-8,12, XXVI-7.
12. Сымонович Э.А. Черняховская культура и памятники киевского и колочинского типов // СА. 1983. № I. С. 98-100.
13. Кухарская Е.М., Терпиловский Р.В. Некоторые типы лунниц III-Vвв. в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья, Киев: Наук. думка, 1981. С.77-79.

14. Thomas S. Studien zu den germanischen Kanmen der romischen Kaiserzeit // *Arbeits und Forechungberichte zur sachsichen Bodendenkmalpflege*, 1960, № 8, S. 112; Никитина Г.Ф. Гребни черняховской культуры // СА. 1969. № I. С.147-159.
15. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып.Г 1-12. С. 52.
16. Максимов Е.В., Терпиловский Р.В. Поселение киевского типа у с. Ульяновка ... С. 32-34.
17. Березовец Д.Т. Поселения уличей на р.Тясмине // МИА. 1963. № 106. Рис. 12, 13.
18. Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья ... С. 83.
19. Юренко С.П. Днепровское лесостепное Левобережье в VII-VIII вв. н.э. (волынцевская культура) // Автореф. дис. канд. ист. наук. Киев, 1983. С. 6.
20. Юренко С.П. Днепровское лесостепное Левобережье ... С.8-9.
21. Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья. Киев: Наук. думка, 1975. С.52-53.
22. Плетнева С.А. От кочевий к городам. М. : Наука, 1967. С. 172.
23. Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян ... С. 120,122-124, 125.
24. Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян... С. 87-88.
25. Терпиловский Р.В. Ранние **славяне** Подесенья ... С. 49, 65, 71-72.

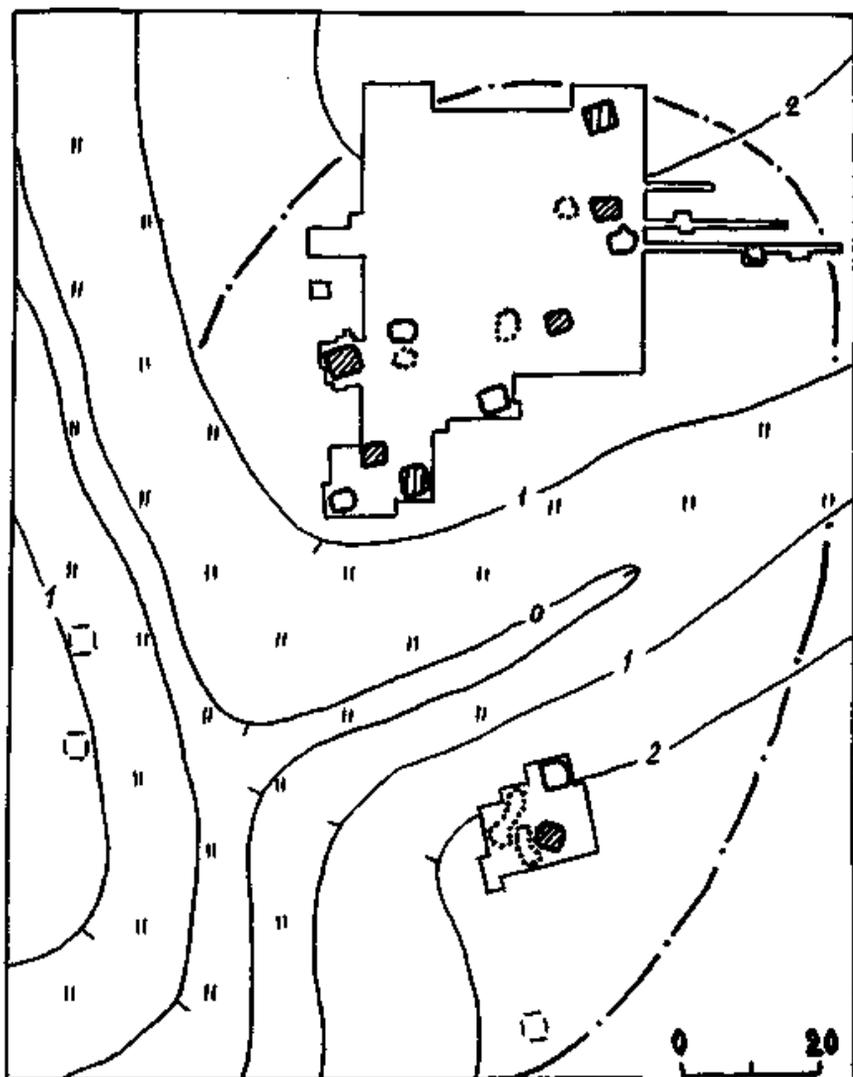

Рис.1. План поселения Роище.

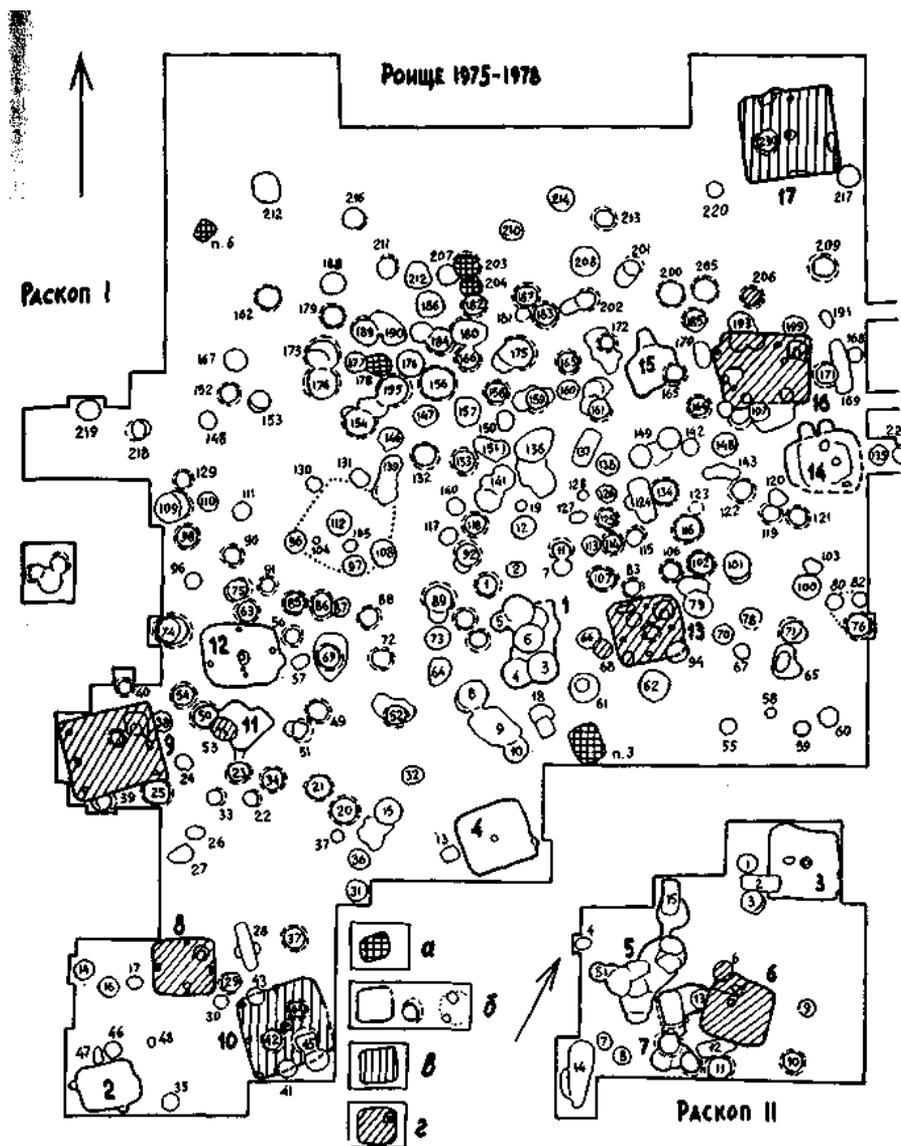

Рис.2. План раскопов I и II на поселении Роище.

а - объекты эпохи бронзы, б - постройки, хозяйственные ямы и рабочие площадки киевской культуры, в - жилища колочинской культуры, г - объекты волынцевской культуры.

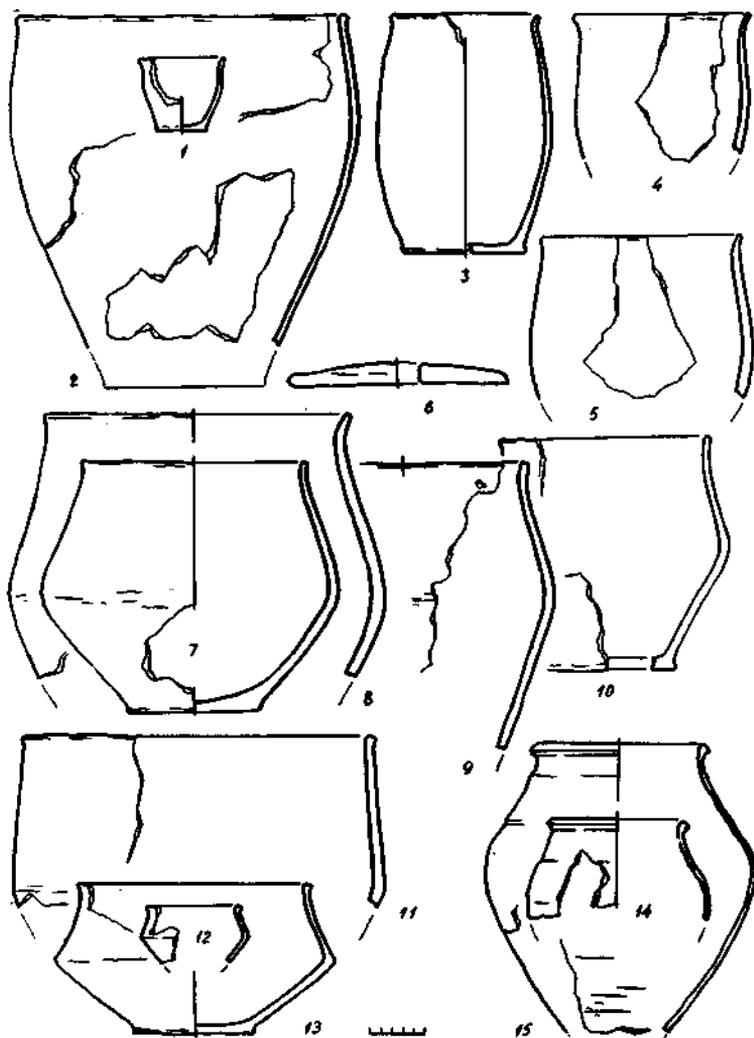

Рис. 4. Поселение Роище. Керамика из слоя киевской культуры (нижнего) .

1 - яма 50; 2 - яма 12; 3 - культурный слой; 4 - яма 31; 5 - постройка I; 6, II - жилище 4 (яма 13); 7, 9, 10 - жилище 2; 8, 14, 15 - жилище 14; 12 - яма 88; 13 - яма 168. 14, 15 - гончарная черняховская керамика, остальное - лепная посуда,

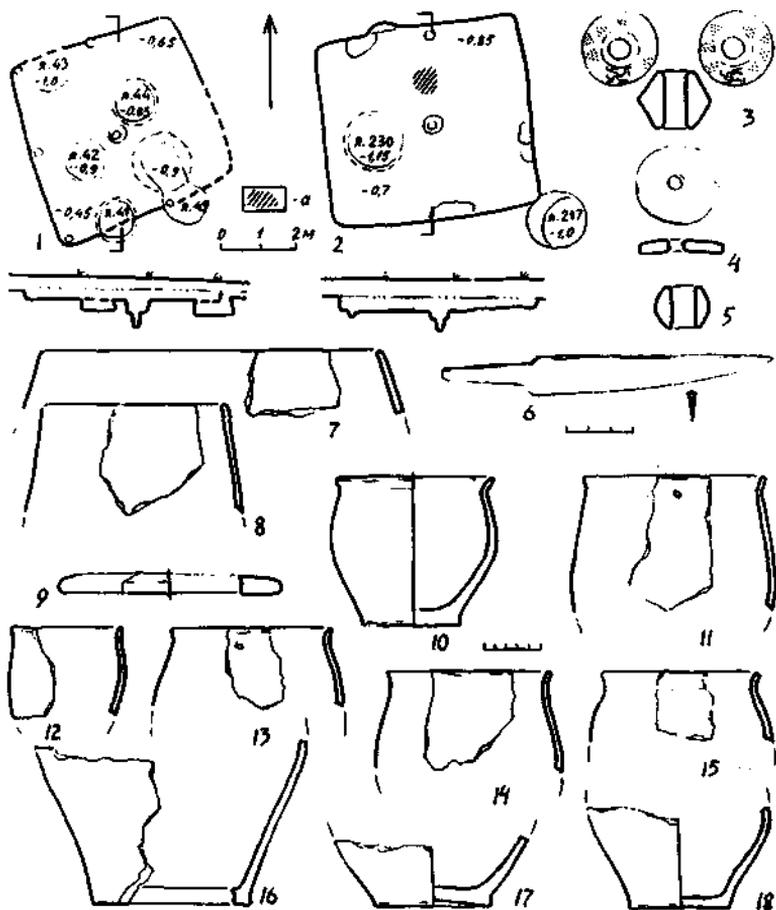

Рис. 5. Поселение Роище. Материалы из слоя колочинской культуры (среднего). а - обожженный участок пола. 1 - жилище 10; 2 - жилище 17: 3, 4, 8, 9, 11, 13-15 - жилище 10; 5-7, 10, 12, 16-18 - жилище 3-5 - глина, 6 - железо, остальное - лепная керамика.

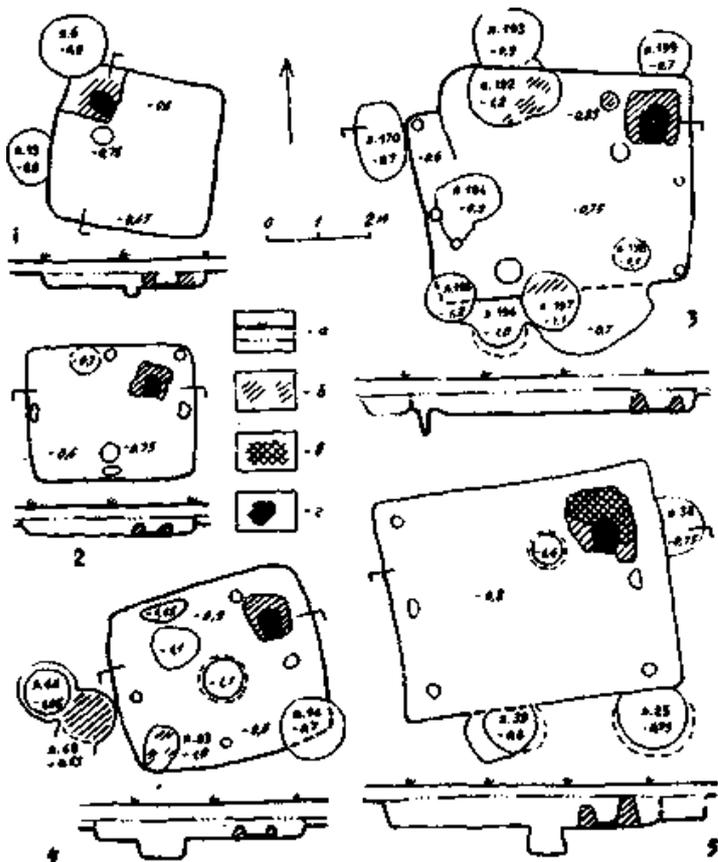
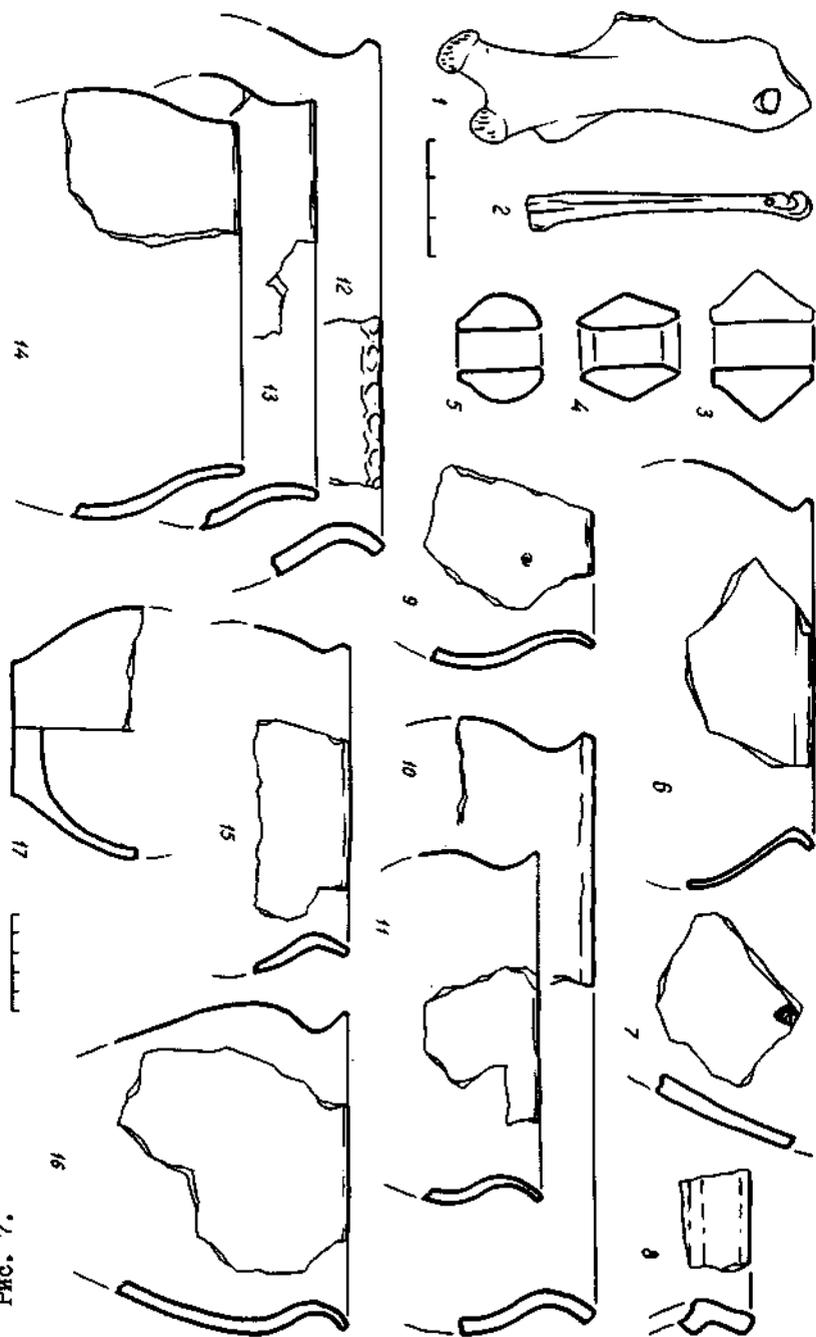

Рис. 6. Поселение Роище. Жилища из слоя волынцевской культуры (верхнего).
 1 - жилище 6; 2 - жилище 8; 3 - жилище 16; 4 - жилище 13; 5 - жилище 9. а - пахотный слой, б - обожженная глина, в - скопление глиняных вальков, г - под печи.

Рис. 7. Поселение Роище. Материалы из слоя волынцевской культуры (верхнего). Раскоп I :
 1, 9, 12 - жилище 13; 13, 14 - жилище 13 яма 93; 2-4 - жилище 8; 5, 7, 16 - жилище 9;
 10, 15, 17 - жилище 16; II - жилище 16 (яма 192); 6 - яма 53. Раскоп II: 8 - жилище 6. 1, 2 - кость, 3-5 - глина, 6, 7 - гончарная керамика, остальное - лепная керамика.

Рис. 7.

Новые данные о пеньковской культуре в Среднем
Поднепровье

С территорией Среднего Поднепровья связано открытие ранне-средневековых памятников, которые стали эталонными для целой группы древностей, распространенных на пограничье Восточноевропейской степи и лесостепи. Речь идет о материалах с поселений у С.Пеньковки в Потясминье, которые были добыты в результате работ Кременчукской новостроечной экспедиции в 1956-1959 гг.¹ Первооткрыватель и первый их интерпретатор Д.Т.Березовец все четыре памятника у С.Пеньковки (в ур.Молочарня, Луг I, Луг II и Макаров остров) рассматривал как звенья одного эволюционного развития пеньковской группы древностей, датированных им VII-IX вв.н.э. Для ранних тясминских памятников, по его мнению, характерна лепная неорнаментированная керамика. На более поздних поселениях преобладали изделия близкие к посуде культуры Луки-Райковецкой. По наблюдениям Д.Т.Березовца в Молочарне, где обнаружена исключительно лепная посуда, биконических горшков было больше всего, в ур. Луг I - меньше, на Луге II - лишь отдельные экземпляры, на поселении Макаров остров биконические горшки вообще отсутствовали. Для гончарной керамики отмечался противоположный процесс -увеличение ее числа на более поздних памятниках².

Однако материалы поселений у с. Пеньковки сопоставлялись суммарно, без учета индивидуальных особенностей посуды из отдельных строительных комплексов. Это привело к разноречивой интерпретации пеньковского археологического комплекса. Одни исследователи к пеньковским относят только ранние памятники с исключительно лепной посудой³, другие - как ранние, так и более поздние наборы с лепной и сформированной на ручном круге керамикой⁴, третьи пеньковскими считают только поздние комплексы, аналогичные обнаруженным на Луге I и Луге II. Появились даже попытки отрицать полуземляночный характер пеньковского домостроительства в Среднем Поднепровье.

В результате изучения археологических материалов из с. Пень-

ковки по объектам было установлено, что в Молочарне существует один, наиболее ранний слой, а на Макаровой острове представлены слои этапа Сахновки и Луки-Райковецкой. На Луге I и Луге II выделяется три строительных периода - этапов Луки-Райковецкой, Сахновки и Молочарни. Только наиболее ранние объекты, со специфической лепной керамикой мы причисляем к пеньковской культуре, поскольку верхние строительные комплексы по облику археологических материалов приближаются к памятникам Луки-Райковецкой. Они не обладают достаточным количеством специфических черт, которые позволили бы причислить их к пеньковским древностям или выделить в самостоятельную археологическую культуру.

Для проверки полученных результатов было предпринято раскопки раннесредневековых памятников Среднего Поднепровья у сс. Сах-новка, Вильховчик, Будище, Гута-Михайловская, которые подтвердили наблюдения, сделанные при работе над материалами группы поселений у с. Пеньковки⁷. В последующие годы Среднеднепровская славяно-русская экспедиция под руководством автора продолжала работы по изучению пеньковских древностей данного региона. Были предприняты новые раскопки не поселений в сс. Будище, Кочубеев-ка, Сушки, Беляевка, Завадовка, и проведены маршрутные разведки по рр. Россаве и Уманке и по их притокам. Кроме того, пеньковские объекты обнаружены при раскопках памятников других культур: но-востроечной экспедицией "Днепр-Донбасс" под руководством Д.Я.Телегина возле с.Осиповка в Поорелье, Историко-технической экспедицией под руководством В.И.Бидзиле у с.Завадовка в Нижнем Поро-сье, Белоцерковской экспедицией под руководством Р.С. Орлова в г. Белая Церковь на р. Рось. Разведками в Поорелье экспедицией "Днепр-Донбасс" обнаружен ряд новых пеньковских поселений.* В результате полевых работ в Среднем Поднепровье обнаружено 36 новых пеньковских поселений (рис.1).

Новые материалы подтверждают ранее сделанные наблюдения о характере пеньковских археологических комплексов. Это касается низинного расположения, небольших размеров и бессистемной планировки поселений, расположения их "гнездами" по 5-7 вместе, характера домостроительства и керамических комплексов. Исследования поселений на широких площадях у сс. Кочубеевка и Сушки пока-

*Автор выражает признательность Д.Я.Телегину, В.И.Бидзиле и Р.С.Орлову за предоставленную возможность использовать материалы их раскопок в данной статье.

Оали, что пеньковские жилища располагались бессистемно на удалении 15-40 м друг от друга (рис.2). Большинство из раскопанных домов представляли собой четырехугольные полуземлянки площадью 7,5 - 24 кв.м (рис.3; 4 : 1-6; 6: 1). Иногда они в плане имеют трапецевидные очертания (рис.4: 3,5). Лишь полуземлянка № 4 из Кочубеевки отличалась большими размерами - 34,7 кв.м (рис. 4: 6). Чаще всего котлованы жилищ ориентированы углами по сторонам света с небольшими отклонениями в ту или другую сторону. Лолы находились на глубине 0,9-1,6 м от современной поверхности. Земляные стены углублений полуземлянок вертикальные, углы котлованов прямые или закругление. В полуземлянках №№ 1, 3 из Кочубеевки и № 4 из Сушков по углам и центру противоположных стен расчищены ямки от деревянных вертикальных опор каркасных стен (рис.4: 2,3,5). Это следы вертикальных опор, поддерживавших коньковый прогон крыши.

Среди раннепеньковских жилищ доминирующее положение занимают полуземлянки с очагами и очажными пятнами. Они обнаружены в жилищах № 1,3,4 из Кочубеевки, № 4 из Сушков, № 3 из Беляевки, № 2 из Завадовки, № 3 из Осиповки (рис.4: 3,5,6; 3; 5: 1). Лишь в раннепеньковской полуземлянке № 2 из Кочубеевки расчищена каменная печь (рис.4: 4). Специфической деталью раннепеньковского домостроительства являются небольшие ямки, выкопанные в полу ближе к центру построек. Они обнаружены в жилищах № 1-3 из Кочубеевки и № 3 из Беляевки (рис.4: 3-5; 3). Принято считать, что такие **ямки** определяют место расположения центрального столба, усиливавшего коньковый прогон. Однако расчетами толщины несущих конструкций установлено, что такая опора в небольших полуземлянках не была нужна. Скорее всего, такая ямка не имеет никакого отношения к центральной опоре перекрытия. Она не всегда расположена строго в центре постройки, а несколько сдвинута в сторону очага.

На поздних этапах существования пеньковской культуры почти повсеместно произошла замена в жилищах очагов на печи-каменки. На второй фазе существования культуры очаги сохраняются иногда в южных районах Среднего Поднепровья (жилища № 1, 9 из Осиповки). В полуземлянках № 1-4 из Кочубеевки, и № 5 из Сушков и № 2 из Завадовки находились хозяйственные ямы овальной в плане формы, а в жилище № 3 из Беляевки в северо-восточном углу расчищена хозяйственная яма в подбье, выходящая за периметр постройки (рис.3)

Интересной деталью пеньковского домостроительства являются углубления, выступавшие за периметр котлованов. Они об-

наружены в жилищах № 2 из Кочубеевки, № 3 из Беляевки и № 3 из Осиповки (рис.3; 4: 4). Входы выкапывались до уровня пола (Ко-чубеевка, Осиповка) или имели несколько ступенек (Беляевка). В полуземлянке № 3 из Осиповки сохранились деревянные конструкции от облицовки входа.

Хозяйственные постройки, которые были исследованы на поселениях из Кочубеевки и Сушков, имели подпрямоугольную в плане форму с округленными углами размерами от 2,4 x 1,6 м до 3,9 x 2 м и глубиной ок. 1 м от современной поверхности. Пол у них плоский, земляные стены котлованов вертикальные. По-видимому, такие постройки использовались как сараи. Все хозяйственные ямы, которые исследовались на поселениях из Кочубеевки, Сушков и Беляевки были круглыми или овальными в плане диаметром от 0,8 до 1,9 м. Стенки у них вертикальные или слегка сужены к плоскому дну. Надворные очаги были глинобитными или выложенными из мелких камней. Вызывают интерес остатки глинобитного горна из Сушков, который располагался на северо-западной окраине поселения вблизи от воды.

В Кочубеевке прослежена планировка пеньковского домохозяйства состоящего из жилища № 2, четырех хозяйственных ям (№ 1-4), хозяйственной постройки № I и двух надворных очагов (№ 1,2), несколько удаленных от построек. По-видимому, эта группа построек входила в состав двора индивидуального домохозяйства (рис.2).

На пеньковских поселениях Среднего Поднепровья исследовались дома кочевнического облика. Это овальное, углубленное в грунт юртообразное жилище из Осиповки и большая подпрямоугольная полуземлянка из Будищ (рис.4: 1; 6: 1).* Своеобразной чертой юрты из Осиповки является вырытое в земле основание, что почти не

* Очень возможно, что остатками юрты является сооружение из Завадовки, где при исследованиях Черняховского поселения попадались пеньковские постройки. Исследованный объект представлял собой овальное сооружение наземного типа, от которого на глубине 0,3 м от современной поверхности сохранился замкнутый ровик, очерчивавший площадь размерами 7 x 10 м. Ширина ровика - 0,4 -0,45 м, глубина - 5-7 см от уровня материка. Одной стороной он перерезал развал глиняной обмазки, сопровождавшийся Черняховским керамическим материалом. В пределах оконтуренной площади находки не обнаружены.

встречается у настоящих кочевников. "По существу, - пишет С.А. Плетнева, - круглые в плане юрты-полуземлянки являются уже жилищами оседлого населения, освоившего основные принципы строительства постоянных жилищ. С юртами их сближает, во-первых, круглая в плане форма и, во-вторых, расположение очага в центре пола"⁹. Полуземлянка из Будищ по В.Д.Белецкому, занимавшемуся классификацией салтовских жилищ из Саркела, относится к бесстолбовым.¹⁰

В заполнении этих построек преобладала лепная пеньковская посуда (рис. 6: 2-10,13,14; 7: 1-4,6-17). Кроме того, в юрте из Осиповки найдены внутренние ручки от глиняных котлов (рис. 6: II, 12), а в полуземлянке из Будищ был развал гончарного кувшина кан-церского типа (рис. 7: 5). Характерной особенностью лепного керамического набора из построек кочевнического облика были органические примеси в глиняном тесте и наличие грубых насечек по краю венчика (рис. 6: 3; 7: 1-4,9). Эти признаки были очень характерными для кочевнического керамического производства I тысячелетия н.э.

Наличие домов кочевнического облика на пеньковских памятниках Среднего Поднепровья являются свидетельством существования в обществе пеньковских племен данного региона территориальной общины. Проникновение степного населения в земледельческую славянскую среду совершенно исключается при господстве родовых отношений и возможно лишь при наличии территориальной общины, в состав которой могли входить разноэтничные элементы. Вовлеченные в единый экономический процесс эти элементы быстро теряли свою культуру, растворяясь в более многочисленном этническом массиве.

При раскопках пеньковских памятников наиболее часто попадает лепная керамика со сглаженной или бугристой поверхностью. На севере Среднего Поднепровья в глиняном тесте пеньковской керамики преобладает дресва и песок, а на юге - шамот и органические примеси. Полученный при раскопках в Будищах, Кочубеевке, Сушках, Беляевке и других местах материал позволяет создать довольно полную типологию лепной пеньковской посуды. При ее разработке использованы принципы, выработанные И.П.Русановой для пражского керамического набора. Их суть заключается в определении пропорций и профилировки сосудов по четырем параметрам: соотношения высоты сосудов и высоты их наибольшего расширения, а также соотношения диаметра наибольшего расширения и диаметра горла¹¹. При работе с пеньковскими наборами важное значение приобретает профилировка изделий, в особенности наличие или отсутствие ребра на тулове.

На основании этих признаков всю пеньковскую керамику с территории Среднего Поднепровья можно разделить на 8 типов.

К первому типу относится биконическая посуда с острым или округленным переломом на середине или верхней трети тулова (30-38%). Округленный венчик у сосудов не выделен или отогнут наружу. Под венчиком бывает налипной валик (рис. 5: 2,5; 8: 2,5,7, 12; 9: 4,8,10; 10: 3; 11: 1,5,8,9,16; 12: 1,4,10,12). Вторым типом керамики составляют приземистые с округленным туловом горшки, имеющие максимальное расширение на середине высоты (26-43%), у них короткий венчик более или менее отогнут наружу (рис.8: 8, 11,13; 11: 3,4,11,14,15; 12: 2,3).

Третьим типом составляют горшки стройных пропорций с округленным, максимально расширенным туловом на середине высоты (9-13%). Венчик у них слегка отогнут наружу (рис.8: 4,9; 9: 11; 11: 10). Горшки стройных пропорций с максимальным расширением на верхней трети высоты, у которых хорошо выражены плечики, а венчик вертикальный или отогнут наружу, отнесены к четвертому типу (4-10%) (рис. 8: 1; 9: 1; 12: 5). К пятому типу отнесены сосуды тюльпановидных форм с открытой горловиной без плечиков и шейки, со слегка отогнутым наружу венчиком, а иногда с оттянутым валиком на середине высоты (3-6%) (Рис. 10: 1).

Шестым типом керамики представлены горшками различных пропорций с суженной придонной и расширенной верхней частью (3-5%). Невыделенный край у них загнут внутрь (рис.5: 3; 9: 6; 12 : 6). В комплекс пеньковского набора входят миски различных профилиро-вок, составляющие седьмой тип керамики (4-8%), (рис.8: 3; 9: 5; 10: 2,4). Восьмым типом - это небольшие кружковидные сосудики с почти вертикальными или слегка округленными стенками (3-4%). Венчик у них едва намечен или не выделен (рис. 5: 4; 9: 7, 12; 12: 7). Очень характерными для пеньковской культуры являются плоские диски и сковороды (рис.8: 14; 9: 14-16; 10: 5; 11: 2,12, 12: 8,9,13; 14-16). Диски бывают без закраинки и с небольшой закраинкой. У сковород бортик высотой 1-1,5 см вертикальный или слегка отогнут наружу.

Раннепеньковские наборы включают гончарную керамику черня-ховского облика (рис. 8: 6,10; 9: 9), а более поздние - пастырскую, канцерскую посуду (рис.7: 5). Иногда попадаются фрагменты амфор с густыми рифлениями по тулову.

Лепную пеньковскую посуду можно разделить на три неравноценные в количественном отношении группы. К первой относятся наиболее многочисленные формы керамики, составляющие традиционно-

но-бытовое ядро керамического комплекса (1-3 тип). Ко второй зачислены формы, заимствованные у контактирующих синхронных культурных массивов (4-5 тип). К третьей отнесены немногочисленные керамические формы, воспринятые от предшествующей черняховской культуры (6-8 тип).

Среди других керамических находок на пеньковских поселениях Среднего Поднепрорья следует отметить биконические или округлые пряслица (рис. 13: 10-14, 18-24). Из Будищ происходит керамический тигель со следами бронзы на внутренней поверхности. Изделия из камня представлены оселками (рис. 13: 16, 17). Из кости были изготовлены "лощила" и проколки (рис. 13: 8). На поселении Осиповка найден фрагмент фигурной костяной петли от колчана (рис. 13: 3). В Сушках и Осиповке обнаружены бусы из стекловидной пасты (рис. 14: 3, 8). Немногочисленными находками являются поделки из цветных металлов. Это обломок зооантропоморфной фибулы из Дежек, браслет с расширенными концами из Новоселии, перстень с завитыми концами и бронзовая пластина с приклепанными деталями (возможно обломок котла) из Сушков (рис. 14: 1, 2, 6). Изделия из черных металлов представлены небольшими ножами с прямой спинкой и плоским черенком (рис. 13: 5-7), фрагментом серпа с крючком и заклепкой для крепления к деревянной рукоятке из Ко-чубеевки (рис. 13: 2), стамеской из Сушков (рис. 13: 9), резцом из Будищ (рис. 13: 4).

Металлографическое изучение кузнечных изделий проводилось Г.А. Вознесенской. Для анализов были взяты образцы предметов из Кочубеевки, Сушков и Будищ. Исследования показали, что применение определенных технологических приемов не связано с какой-то категорией изделий. Одинаковую схему имеют различные по характеру проковки, а различный материал и способы изготовления могут иметь одинаковые типологические формы. В целом пеньковские кузнечные проковки отличаются простотой технологических характеристик. Почти все предметы откованы из кричного железа или неоднородной сырцової, преимущественно мягкой стали. Пакетную структуру имел серп из Кочубеевки.

Из технологических приемов, улучшающих рабочие качества орудий встречается термическая обработка. Иногда попадаются вещи, при изготовлении которых применена сварка железа со сталью и цементация.

Важные данные получены при изучении остеологического материала. Судя по костям животных, которые определил О.И. Журавлев,

основную часть пеньковского стада составлял крупный рогатый скот, второе место принадлежит свиньям, затем идут мелкий рогатый скот и лошадь (таблица 1). Такой состав домашних животных типичен для оседлого земледельческого хозяйства. Кости диких зверей и рыб встречаются значительно реже, что свидетельствует о второстепенной роли охоты и рыбной ловли в хозяйстве племен пеньковской культуры. Среди костей диких животных чаще встречаются остатки благородного оленя и кабана, затем косули и зайца.

Таблица I

Результаты изучения остеологического материала с поселений пеньковской культуры Среднего Поднепровья

Поселения	количество костей	Количество особей	Крупный рогатый скот		Свинья		Лошадь		Мелкий рогатый скот	
			Особей	%	Особей	%	Особей	%	Особей	%
Кочубеевка	161	17	9	53	4	23,5	1	5,9	3	17,6
Сушки	73	7	3	43	2	28,5	-	-	2	28,5
Завадовка	104	15	3	20	5	33	2	14	5	33
Беляевка	22	3	2	66,7	-	-	-	-	1	33,3

Данные о выращиваемых культурах племенами пеньковской культуры получены путем палеоботанических исследований отпечатков зерен злаков на керамике. На посуде, с поселений Кочубеевка и Осиповка Г.А.Пашкевич обнаружила отпечатки четырех видов пшеницы (карликовая, карликовая-мягкая, двухзернянка, мягкая), проса, двух видов ячменя (пленчатый и голозерный), овса, ржи. Находки среди злаковых культур разноциклических растений позволяет предполагать наличие севооборота. По-видимому, чередовались посевы озимых и яровых культур.

К важнейшим достижениям в изучении пеньковской культуры Среднего Поднепровья последних лет относится выделение раннего этапа ее существования. В предшествующее время наиболее массовыми являлись поздние материалы, которые характеризовались полуземлянками с печами-каменками, сравнительно однородным керамическим материалом, представленным грубыми биконическими и округлобкими горш-

нами, сковородами и в меньшей мере посудой пражского и колочинского облика. Такой комплекс сопровождался фрагментами пастырской и канцерской гончарной керамики, пальчатými, зооморфными, зооантропоморфными фибулами и предметами поясных наборов мартыновского типа. В целом вторая фаза пеньковской культуры датируется VI-VII вв. н.э.¹²

Среди II лучше сохранившихся полуземлянок из раскопок последних лет 8 принадлежат к раннему этапу существования культуры. Всем им присущи полуземлянки подквадратных очертаний с очагами или очажными пятнами, ямками, расположенными ближе к центру построек, и некоторой спецификой керамических наборов. Раннепеньковские биконические горшки чаще всего имеют стройные пропорции и четкое ребро на тулове. Признаком архаичности является присутствие среди лепной посуды изделий со сглаженной, а иногда и подлощенной поверхностью, наличие на верхней части горшков налипших шишечек и полумесяцев, присутствие дисков. К ранним заимствованиям из черняховских древностей относятся лепные горшки с загнутым внутрь краем и фрагменты серой гончарной керамики черняховского облика. Соотношения признаков первой и второй фаз пеньковской культуры приведены на корреляционной таблице II. При ее составлении использованы некоторые материалы предшествующих раскопок.

При определении хронологии раннепеньковских древностей важное место принадлежит стратиграфии поселений из Беляевки и Завадовки, где имелись случаи перерезания черняховских жилищ раннепеньковскими полуземлянками. Эти факты свидетельствуют о существовании объектов первой фазы пеньковской культуры в послечерняховское время, вплоть до появления пеньковских древностей развитого этапа. Для абсолютной их датировки также имеются необходимые материалы. К концу V в. н. э. относится перстень с завитыми концами из Сушков.¹³ По европейским аналогиям V в. н. э. датируется массивная серебряная пряжка из погребения № 4 на третьем могильнике из Большой Андрусовки. С других территорий происходит еще целый ряд вещей, датирующих первую фазу пеньковской культуры серединой I тысячелетия н. э. К IV-V вв. н. э. относится большая железная арбалетная фибула из раннепеньковского жилища на поселении Куна в Южном Побужье. По аналогии из Чми-Бригеттио к V в. н. э. можно относить бронзовое зеркало с солярным знаком и следами ушка с тыльной стороны, найденное на пеньковском поселении Ханска II в Молдавии¹⁶. Исходя из приведенных фактов, первую фазу пеньковской культуры можно датировать между первой половиной

Таблица II

Соотношение признаков первой и второй фаз
пеньковской культуры Среднего Поднепровья

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
Черняховская гончарная керамика	Керамика с налепами	Горшки с загнутым внутрь венчиком	Диски	Тюльпановидная керамика	Полуземлянки с ямкой в центре	Полуземлянки с очагом	Биконическая керамика	Округлобокая призмическая керамика	Округлобокая стройная керамика	Четырехугольные полуземлянки	Полуземлянки с печью-каменкой	Керамика пражского облика	Сковороды	Пастырская канцерская керамика	Поселения	Фазы
				x		x	x	x		x						Сушки, ж.5
x	x		x		x	x	x	x	x	x		x				Кочубеевка, ж.1
x			x		x		x	x		x	x	x				"-, ж.2
x			x		x	x	x	x	x	x						"-, ж.3
x	x	x	x	x		x	x	x	x	x						"-, ж.4
x			x		x	x	x	x		x						Беляевка, ж.3
x		x			x	x	x	x	x	x						Заводовка, ж.2
		x	x			x	x	x	x	x						Осиповка, ж.3
							x	x		x	x	x	x			Сушки, ж.4
						x	x	x	x	x				x		Осиповка, ж.1
						x	x	x		x		x	x			"-, ж.9

Таблица П
(продолжение)

I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
							х	х	х	х	х		х			Молочар- ня, ж. I
							х	х	х	х	х		х			Луг I, ж. I2
							х	х		х	х	х				"-, ж. I3
							х	х		х	х					Стенцов- ка, ж. 2
							х	х	х	х	х	х	х			"-, ж. 3
							х	х	х	х	х		х	х		"-, ж. 4
							х	х	х	х	х					"-, ж. 5
							х	х		х	х	х		х		"-, ж. 6
							х	х	х	х	х					Вильхов- чик, ж. I
							х	х	х	х	х			х		"-, ж. 2
							х	х	х	х	х					Будище, ж. I
							х	х		х	х		х			"-, ж. 2
							х	х		х	х	х				Креще- тик, ж. I

V - рубежом V-VI вв. н.э.

В ранней фазе существования пеньковской культуры Среднего Поднепровья наметились пути инфильтрации в местную культурную среду элементов смежных археологических массивов. Так, появление каменных печей в пеньковских полуземлянках можно связывать с влияниями со стороны культуры пражского типа, для которой печи-каменки являются традиционной деталью в домостроительстве. Этим же объясняется присутствие среди пеньковских керамических наборов горшков пражского облика (IV тип). Под влиянием колочинских древностей в Среднем Поднепровье появляются горшки тюльпановидных очертаний (V тип). Очень ощутимы влияния на население пеньковской культуры южных районов Среднего Поднепровья со стороны степняков, что проявляется в наличии на пеньковских поселениях домов кочевнического облика, керамики с органическими примесями в глиняном тесте и горшков, украшенных грубыми насечками по краю венчика.

Новые пеньковские поселения в Среднем Поднепровье

1, 2. с.Бабичи Каневского р-на Черкасской обл.. На первой воз-вышенной надпойме правого берега р. Россавы на площади 200 x 50 м в 1979 г. собрано большое количество лепной скифской и пеньков-ской керамики. Там же найдено биконическое прясло и несколько древнерусских черепков XII-XIII вв.

На территории северо-западной околицы села, на возвышении первой надпоймы правого берега Россавы, на площади 1000 x 100 м в 1979 г. собрана скифская керамика. В центре этого участка встречались лепные пеньковские черепки.

3. с. Байбаковка Царычанского р-на Днепропетровской обл. К западу от села, на левом берегу р.Орели, экспедицией Д.Я.Телегина в 1970 г. собрана лепная пеньковская керамика.

4. г. Белая Церковь Белоцерковского р-на Киевской обл. На Палиевой горе, расположенной на высоком левом берегу р.Рось, находится круглое в плане городище диаметром ок. 55 м. Разведова-евльными раскопками Белоцерковской экспедиции под руководством Р.С.Орлова в 1978 г., там обнаружены остатки полуземлянки шириной 3,7 м. В ее заполнении найдена лепная керамика и железная пряжка (рис. 11: 10-15; 13: 5).

5. с.Беляевка Александровского р-на Кировоградской обл. На поселении с черняховским и пеньковским культурными слоями, которое расположено в 250 м к юго-востоку от села, у истоков Беляев-ского яра, в 1982 г. проводились стационарные археологические раскопки. Кроме черняховских объектов, там исследованы остатки двух пеньковских полуземлянок и одной хозяйственной ямы.

Жилище №3 перекрывало черняховское наземное жилище №2. Оно представляло собой подквадратную в плане полуземлянку размерами 3,4 x 3 м и глубиной 1,3 м от современной поверхности. Постройка ориентирована стенами строго по сторонам света. Стенки земляного котлована были вертикальными, снивиленный пол подмазан глиной и хорошо утрамбован. Вдоль южной стенки находилось небольшое возвышение шириной до 0,4 м и высотой 0,2 м от уровня пола. Около юго-восточного угла, расчтен вход шириной 0,9 м, вы ступавший на 0,4 м за периметр углубления. Вход имел три материковых ступеньки шириной 0,3-0,35 м и высотой 0,2-0,3 м. Нижняя ступенька находилась внутри жилища, ее образовывало специально оставленное материковое возвышение. В центре пола постройки расчищена ямка диаметром 0,2 м и глубиной 0,2 м от уровня пола. Еще две ямки обнаружены по центру западной и восточной сторон, на

удалении 0,3-0,4 м от стен. Ямки овальные в плане диаметром ок. 0,25 м и глубиной 0,1 м от уровня пола. В северо-западном углу находилась овальная в плане яма, на 0,4 м выходящая за периметр постройки. Ее больший диаметр - 1,1 м, глубина от уровня пола - 0,6 м. В полуземлянке очаг отсутствовал, лишь вблизи хозяйственной ямы имелись очень слабые следы обожжения (рис. 3). В темном заполнении жилища № 3 найдены мелкие фрагменты лепной керамики (ребристые и округлобокие горшки, фрагменты дисков), мелкие фрагменты черняховской гончарной посуды. В яме обнаружен обломок железной пряжки.

Жилище № 4 в значительной мере было разрушено при земляных работах. Длина полуземлянки 3,6 м, ширина сохранившейся части - 0,9-1,1 м. Глубина постройки достигала 1,1 м от современной по-верхности. Судя по сохранившейся части, она имела четырехугольные очертания. В нижних слоях ее заполнения встречена округлобо-кая и ребристая лепная керамика, фрагменты сковородок (рис. 11: 1-4).

Яма № 6 находилась в 3 м к северо-западу от полуземлянки № 3. Она почти круглая в плане, со слегка суженными к плоскому дну стенками. Диаметр углубления - 1,1 м, глубина - 1 м от современной поверхности. В темном заполнении ямы были единичные фрагменты лепной пеньковской посуды.

6. г. Богуслав Богуславского р-на Киевской обл. На возвышении левого берега р. Рось, при впадении в нее ручья Карячевка на площади 50 х 50 м. А.П. Моця в 1982 г. собрал лепную пеньков-скую и гончарную древнерусскую керамику.

7. с. Будище Черкасского р-на Черкасской обл. В 1979 г. небольшие археологические раскопки были предприняты на поселении, где стационарные работы проводились в 1978 г. Расчищена полуземлянка № 3, подпрямоугольная в плане с округленными углами размерами 6 х 4,2 м и глубиной 0,8-0,9 м от современной поверхности (рис.4: 1). Постройка ориентирована углами почти по сторонам света. Стенки ее котлована были вертикальными, хорошо ут-рамбованный пол понижался к центру, где находился каменный очаг овальной в плане формы с диаметром 1,6 м. Крупные камни оцдга были забутованы в специально приготовленную яму глубиной 15-20 см. В северном, восточном и западном углах жилища находились круглые в плане ямы диаметром 1,3-1,8 м и глубиной 15-20 см от уровня пола. Около южного угла расчищен подпрямоугольный выступ шириной 1,6 м, выходящий на 0,7 м за периметр стен. По-видимому

это вход в жилище. В углистом заполнении полуземлянки обнаружено большое количество лепной керамики, развал гончарного узкогорлого кувшина канцерского типа, ножка светлоглиняной амфоры, фрагменты глиняного тигля с накипями бронзы, керамические пряслица, каменные оселки, железная пряжка, железный резец, серебряное кольцо (рис.7: 1-17; 13: 4,10, 13, 23)

8. с. Гамарня Каневского р-на Черкасской обл. В 0,5 км к западу от села, на возвышении первой террасы левого берега р. Россавы, в ур.Селюкове, на площади 300 x 50 м в 1979 г. собрана лепная пеньковская керамика.

9, 10. с. Геренженовка Уманского р-на Черкасской обл. На приусадебных участках западной околицы села, на первой надпойме левого берега р.Уманки (высота 4-5 м) на площади 200 x 50 м в 1979 г. найдена лепная пеньковская керамика.

На первой левобережной террасе р.Уманки, занятой приусадебными участками, возле моста и при впадении в реку безымянного ручья, на площади 200 x 40 м в 1979 г. собрана лепная пеньковская керамика.

11.с.Городецкое Уманского р-на Черкасской обл. В юго-восточной части села, на первой террасе правого берега р.Уманки, занятой приусадебными участками, в 1979 г. на площади 200 x 40м собраны фрагменты пеньковской керамики.

12. с. Гупаловка Магдалиновского р-на Днепропетровской обл. На северной стороне озера Переволока экспедицией Д.Я.Телегина в 1970 г. собраны обломки лепной пеньковской посуды.

13,14. с. Дахновка Черкасского р-на Черкасской обл. В окрестностях села, на низких участках правого берега р.Днепр, размываемых водами Каневского водохранилища, экспедиция Д.Я.Телегина в 1980 г. обнаружила два местонахождения с лепной керамикой пеньковского облика.

15. с. Дежки Богуславского р-на Киевской обл. В 2-2,5 км к юго-востоку от села, на правом берегу р. Рось в ур. Чернобаевка в 1960 г. Р.В.Забашта обнаружил поселение с Черняховскими и пеньковскими материалами. Среди находок выделяется обломок серебряной зооантропоморфной фибулы (рис. 13: 1).

16. с. Завадовка Корсунь-Шевченковского р-на Черкасской обл При исследованиях Черняховского поселения в 1978 г. Историко-технической экспедицией под руководством В.И. Бидзили была раскопана пеньковская полуземлянка № 2, которая юго-западной стороной перерезала черняховскую полуземлянку № 1. Пеньковская постройка

была подквадратной в плане с округленными углами размерами 3,7 x 3,5 м и глубиной 1,1 м от современной поверхности (рис.5: 1). Она ориентирована углами по сторонам света. Почти в центре пола находился круглый в плане очаг диаметром 0,5 м. Еще одно обожжение длиной 1 м прослежено в восточном углу. Между южной стенкой котлована и центральным очагом расчищена хозяйственная яма круглой в плане формы диаметром 0,7 м. У центра северо-восточной и юго-западной стен полуземлянки расчищены две круглые в плане ямки от столбов диаметром 10-20 см. В заполнении этого жилища найдена лепная пеньковская посуда (рис.5: 2-7).

17. с. Котовка Магдалиновского р-на Днепропетровской обл. На левом берегу р. Орели экспедицией Д.Я.Телегина в 1970 г прослежены следы пеньковского поселения в виде скоплений лепной толстостенной керамики.

18. с. Кочубеевка Уманского р-на Черкасской обл. Раннепеньковское поселение у с. Кочубеевка расположено на восточной окраине села, в ур. Левада. Оно занимает два возвышения первой над-поймы правого берега р. Уманки высотой до 5 м, полого спускающихся к заболоченной пойме реки. Подъемный материал в виде лепной керамики встречается на площади 500 x 100 м. В местах наибольшего скопления подъемного материала в 1979 г. были проведены стационарные раскопки, вследствие чего была вскрыта площадь ок. 1600 кв.м, на которой обнаружено 4 жилища, 3 хозяйственных сооружения, 8 хозяйственных ям и 3 очага вне построек (рис.2).

Жилище № 1 расчищено в северной части поселения, ближе к заболоченной пойме реки. Оно представляло собой подквадратную полуземлянку с округленными углами размерами 4,1 x 3,9 м и глубиной 1,1 м от современной поверхности. Стенки ее котлована вертикальные, плоский пол снивилован. Возле юго-восточной стены, ближе к восточному углу находился овальный глинобитный очаг с диаметром 0,8 м. Его поверхность местами ошлакована. По углам жилища и в центре каждой из стен расчищены овальные или круглые ямки от столбов диаметром 10-20 см. В центральной части полу землянки находилась такая же ямка диаметром 10 см и глубиной 20 см. В 0,6 м от юго-западной стенки котлована, расчищена овальная в плане хозяйственная яма диаметром 0,55 м и глубиной 0,25 м от уровня пола (рис.4: 3). В темном заполнении этого жилища найдено большое количество лепной керамики, фрагмент серолощенной черняховской гончарной миски, железный нож, железный серп, звено от медной цепочки, куски железных шлаков, костяное "лощило" (рис.

8: 7-15; 13)

Жилище № 2 находилось в 44 м к юго-востоку от полуземлянки № 1. Это была почти квадратная полуземлянка с округленными углами, размерами 3,8 x 3,7 м и глубиной 1,1 м от современной поверхности. Она ориентирована почти по сторонам света. Стенки котлована вертикальные, плоский пол тщательно снивилен. В восточном углу, на уровне пола находился развал печи-каменки с глинобитным подом. Около южного угла имелся овальный выступ, выкопанный до уровня пола размерами 1,3 x 0,2 м. В выступе находились крупные обожженные камни, по-видимому, от развала печи. В центральной части пола находилась круглая в плане ямка диаметром и глубиной до 20 см. Вблизи была расчищена хозяйственная яма диаметром 0,55 м и глубиной 0,25 м. Стенки ее вертикальные, дно плоское (рис.3: 4). Среди темного заполнения жилища № 2 была лепная пеньковская керамика, фрагмент гончарного доньшка от горлышка черняховского облика, костяная проколка, "лощила" из ребер крупных животных, железный предмет плохой сохранности (рис.8: 1-3, 5, 6)

Жилище № 3 обнаружено на расстоянии 22 м к югу от жилища № 2. Оно представляло собой подквадратную полуземлянку с округленными углами и несколько суженной западной стороной. Размеры постройки - 4,7 x 5,3 м, глубина - 1 м от современной поверхности. Жилище ориентировано почти по сторонам света. Стены его углубленной части были вертикальными, плоский пол снивилен и хорошо утрамбован. В центральной части постройки, ближе к северо-восточному углу, на уровне пола прослежен глинобитный очаг неправильных в плане очертаний размерами 0,6 x 0,55 м. Возле него найдено несколько обожженных камней. По углам котлована и по центру северной и южной стен находились ямки от вертикальных опор (диаметром и глубиной по 20-30 см). Почти в центре постройки расчищена такая же ямка диаметром и глубиной до 20 см. Ближе к юго-восточному углу прослежена хозяйственная яма овальных в плане очертаний с диаметром 0,95 м и глубиной 0,35 м от уровня пола. Стенки ее сужены к плоскому дну (рис.4: 4). Среди темного заполнения жилища № 3 найдено много лепной пеньковской керамики, венчик от гончарного сосуда черняховского облика, фрагмент жернового камня, два железных ножа, костяное "лощило" и т.д. (рис.8: 4; 9: 8, 9, 11, 12, 14-17; 13: 7, 8).

Жилище № 4 прослежено на расстоянии 44 м к западу от предыдущей постройки. Это была большая, близкая к квадрату полуземлянка-

ка с округленными углами размерами 6,2 x 5,6 м и глубиной 0,9-1 м от современной поверхности. Постройка ориентирована почти по сторонам света. Ее углубленная часть имела вертикальные стенки и плоский, хорошо утрамбованный пол. На уровне пола расчищено два глиняных очага. Первый находился ближе к северной, а второй - к южной стене. Они овальные в плане диаметром по 1,3 м. Между очагами, примерно в центре постройки находилась овальная в плане линзовидная яма диаметром 1,1 м и глубиной 15 см от уровня пола (рис.4: 6). В темном заполнении этого жилища было большое количество лепной пеньковской посуды, несколько глиняных бико-нических пряслиц, каменный оселок, "лощила" из ребер крупных животных (рис.9: 1-7, 10, 13, 15; 13)

Хозяйственное сооружение № I расчищено в 2,8 м к востоку от жилища № 2. Это углубленная подпрямоугольная в плане постройка с округленными углами размерами 2,4 x 1,6 м и глубиной 1 м от современной поверхности. Стенки ее котловина вертикальные, плоский пол снивирирован. Постройка ориентирована стенами по сторонам света. В светлом ее заполнении найдено несколько пеньковских черепков и костей животных. Хозяйственное сооружение № 2 находилось на расстоянии 12,5 м к западу от жилища № 2. Постройка прямоугольной формы с округленными углами размерами 3,9 x 2 м и глубиной 1 м. от современной поверхности. По длинной оси она ориентирована с севера на юг. Земляные стенки котлована были вертикальными, плоский пол понижался в южном направлении. В светлом заполнении этой постройки было несколько лепных черепков и кости животных. Хозяйственное сооружение № 3 обнаружено в 19,6 м к юго-востоку от жилища № 1. Оно подпрямоугольное с округленными углами размерами 2,6 x 2 м и глубиной 1 м. от современной поверхности. Стены его котлована вертикальные, дно плоское. Постройка ориентирована стенами по сторонам света. Среди ее темного заполнения найдено несколько лепных черепков. Хозяйственное сооружение № 4 располагалось на расстоянии 1,5 м к северу от жилища № 4. Оно представляло собой почти квадратную полуземлянку размерами 3,6 x 3,5 м и глубиной 0,9 м от современной поверхности. Стены ее котлована были вертикальными, пол плоский. В центральной части постройки расчищена небольшая ямка диаметром 20 см и глубиной 15 см. Хозяйственная яма находилась ближе к юго-восточному углу. Она овальная в плане с диаметром 0,6 м и глубиной 0,2 от уровня пола. Стенки ямы слегка сужены к плоскому дну. В светлом заполнении этого сооружения было несколько лепных че-

репков.

Яма № 1 расчищена на расстоянии 1,8 м к юго-востоку от южного угла жилища № 2. Она почти круглая в плане диаметром ок. 1 м и глубиной 1,3 м от современной поверхности. Стенки ее сужались к плоскому дну. В светлом заполнении этой ямы находки не обнаружены. Яма № 2 находилась на удалении 2 м от западного угла жилища № 2. Она овальная в плане с большим диаметром 1,35 м и глубиной 1 м от современной поверхности. Стенки углубления вертикальные, дно плоское. Среди ее светлого заполнения найден лепной черепок. Яма № 3 была на расстоянии 1,3 м от северного угла жилища № 2. Углубление почти круглое в плане диаметром 1,4 м и глубиной 1,4 м от современной поверхности. Стенки ямы сужались к плоскому дну. В ее светлом заполнении были лепные черепки и кости животных. Яма № 4 располагалась в 1,5 м от восточного угла жилища № 2. Она овальная в плане с диаметром 1,9 м и глубиной 1,6 м от современной поверхности. Стенки ее слегка сужены к плоскому дну. В светлом заполнении этой ямы найдены лепный черепки и кости животных. Яма № 5 находилась в 2 м к северо-востоку от хозяйственного сооружения № 2. Она почти круглая в плане диаметром 1,7 м и глубиной 1,2 м от современной поверхности. Стенки ямы слегка сужены к плоскому дну. Среди темного заполнения ямы были лепные черепки и кости животных. Яма № 6 обнаружена в 17 м к западу от жилища № 4. Она овальная в плане с диаметром 1,4 м и глубиной 1,3 м от современной поверхности. Ее стенки сужались к плоскому дну. В темном заполнении этого углубления найдено много лепной пеньковской керамики. Яма № 7 прослежена в 3 м к югу от хозяйственного сооружения № 3. Углубление круглое в плане диаметром 0,8 м и глубиной 0,9 м от современной поверхности. Его стенки сужены к плоскому дну. В яме найдено несколько лепных черепков. Яма № 8 находилась на расстоянии 14 м к юго-западу от ямы № 6. Она овальная в плане с диаметром 1,7 м и глубиной 0,6 м от современной поверхности. Стенки ее сужены к плоскому дну. В темном заполнении ямы найдена лепная пеньковская керамика и обломок гранитного жернова.

Очаг № 1 располагался в 11 м к северу от жилища № 2, на глубине 0,6 м от современной поверхности. Он представлял собой почти круглую вымостку из мелких камней диаметром ок. 0,8 м. На его поверхности была зола, угли и мелкие пеньковские черпки. Очаг № 2 расчищен на расстоянии 6 м к юго-востоку от жилища № 2, на глубине ок. 0,6 м от современной поверхности. Сделанная из мелких

каменной вымостка имела эллипсоидную в плане форму с большим ди-аметром 0,9 м, на которой были угли и фрагменты пеньковеккой керамики. Очаг № 3 обнаружен в 16,5 м к юго-востоку от жилища № 1, даа глубине 0,5 м от современной поверхности. Глиняная выгостка *была* овальной в плане с диаметром 0,9 м.

Древний ров шириной 0,8-1 м и глубиной 1,1 - 1,3 м от современной поверхности исследован на длинну более 30 м. Его стенки сужались книзу. В темном заполнении рва встречались отдельные пеньковские черепки. Скорее всего, что его выкопали жители пень-ковского поселения. Возможно, что он отделял домохозяйства № 1, 4 от домохозяйств №№ 2,3. Похожий ров был обнаружен нами при раскопках раннесредневекового поселения у с. Сахновки.

19. с. Краснополье Магдалиновского р-на Днепропетровской обл. К северо-востоку от села, на берегу озера Орелище экспедицией Д.Я.Телегина в 1970 г. найдена лепная керамика с примесью шамота в тесте.

20. с. Лимановка Зачепиловского р-на Харьковской обл. В селе над лиманом, на правом берегу р. Орели экспедицией Д.Я.Телегина в 1970 г. собрана грубая лепная керамика и древнерусские черепки.

21. с. Малый Ржавец Каневского р-на Черкасской обл. В центре села, на возвышении первой надпоймы левого берега р. Россавы в 1979 г. собрана лепная пеньковская керамика.

22. с. Михайловка Царичанского р-на Днепропетровской обл. В 500-800 м к западу от кургана Межевая могила экспедицией Д.Я. Телегина в 1970 г. собрана лепная славянская и скифская керамика и черепки эпохи бронзы.

23, 24. с. Новоселица Чигиринского р-на Черкасской обл. В окрестностях села В.П. Григорьев в 1981 г. открыл два метонахожде-ния с лепной пеньковеккой керамикой. Первое из них расположено в ур. Панское. Здесь найден бронзовый браслет с расширенными концами. Второе поселение находится на левом берегу р. Тясмин, в ур. Нечаево.

25. с. Носачов Городищенского р-на Черкасской обл. На пахот ном поле между сс.Носачов и Цветково И.П. Гуриенко собрал фрагменты лепной пеньковеккой посуды.

26. с. Осиповка Магдалиновского р-на Днепропетровской обл. В 1,5 км от села, на левом берегу р.Орели в ур. Пляж экспедицией Д.Я.Телегина в 1972-1974 гг., при раскопках поселения эпохи бронзы, исследовано три четырехугольных полуземлянки (№№ 1, 3, 9) и гортообразное жилище с лепным пеньковским материалом.

Полуземлянки были прямоугольными в плане площадью 8-13 кв.м и глубиной 1-1,6 м от современной поверхности. На уровне пола, ближе к центру построек находились каменные очаги (жилище № 3) или очажные пятна. В жилище № 9 прослежено 2 очажных пятна. Возле входного выступа жилища № 3 сохранились деревянные плахи, расположенные под прямым углом друг к другу. В заполнении этих объектов и в культурном слое надена лепная пеньковская керамика (рис. 12: 1-13).

Юрта представляла собой овальную, углубленную в грунт на 1,1 м от современной поверхности постройку размерами 4 x 2,8 м. В центре прослеживались следы очажного пятна (рис. 6: 1). Среди темного заполнения этого сооружения найдена лепная пеньковская керамика и внутренние ручки от глиняных котлов (рис. 6: 2-14).

27. с. Пилява Каневского р-на Черкасской обл. На территории села, на первой низкой надпойме правого берега р. Россавы, в ур. Церковиско в 1979 г. на площади 400 x 50 м собрана лепная пеньковская керамика и отдельные черепки древнерусского времени.

28-30. с. Полствин Каневского р-на Черкасской обл. В окрестностях чела в 1979 г. обнаружено три пеньковских поселения. На первом из них, расположенном на возвышении первой надпоймы правого берега Россавы возле моста, на площади 300 x 50 м собрана лепная пеньковская керамика. Вторая находится в 200 м вверх по течению от предыдущего пункта, на первой правобережной надпойме, занятой приусадебными участками. Там на площади 200 x 40 м собрана лепная пеньковская керамика. Третье расположено выше по течению реки, на правобережной надпойме, занятой приусадебными участками. На площади 100 x 50 м собрана пеньковская керамика.

31. с. Сушки Каневского р-на Черкасской обл. В 1960 г. были предприняты раскопки пеньковского селения у с. Сушки на Левобережье Днепра. Оно расположено в 1 км к югу от села, на правом берегу р. Ореховки, в ур. Козачий рог, где находится змиевой вал. Селище занимает первую надпойменную террасу реки высотой 0,7-1,5 м, постоянно подмывается рекой. Раскопками была вскрыта площадь ок. 150 кв.м, на которой обнаружены остатки 5 жилищ, хозяйственной постройки, 9 хозяйственных ям пеньковской культуры и ямы (№ 5) культуры киевского типа.

Жилище № 1. Частично сохранившиеся остатки полуземлянки прослежены в береговом обрыве под змиевым валом. Сохранился северный ее угол с размерами сторон 1,4 и 1,2 м, Пол, находившийся на глубине 1,4 м от современной высоты вала, был снивилован и подмазан

гдиной. На уровне пола найдена лепная пеньковская керамика (рис. 11: 5).

Жилище № 2 обнаружено на линии берегового обрыва в 110 м к востоку от полуземлянки № 1. Сохранилась его северная часть раз-мерами 3 x 2,25 м и глубиной ок. 1 м от современной поверхности. Сооружение ориентировано углами по сторонам света. Стенки котло-вана были вертикальными, пол плоский. В восточном углу расчищена цилиндрическая яма диаметром 1,5 м и глубиной 0,35 м от уровня пола. Вторая яма находилась ближе к центру жилища, на расстоянии 1 м от северного угла. Она овальная в плане с диаметром 0,6 м и глубиной 0,1 м от уровня пола. Стенки ее вертикальные, дно плоское. В темном заполнении этой постройки найдено большое количество лепной пеньковской керамики иногда с налепным валиком под венчи-ком. Среди других находок обращают на себя внимание железная ста-меска и керамическое прясло (рис. 11: 9; 13) Жилище № 3 обнаружено на линии берегового обреза в 19 м к востоку от полуземлянки № 2. Сохранилась ее северная часть раз-мерами 2,9 x 1,25 x 1,25 м, которая была ориентирована стенками по сторонам света. Сnivelированный, со следами глиняной подмазки пол находился на глубине 1,4 м от современной поверхности. В сохранившейся части постройки расчищено три хозяйственных ямы овальной в плане формы диаметром от 0,35 до 0,65 м и глубиной 0,1-0,25 м от уровня пола. На полу лежали крупные и мелкие обожженные камни, а вдоль северной стены котлована находилось углубление шириной 0,2 м. Возможно, что это след нижнего бревна срубных стен полуземлянки. В черном заполнении этой полуземлянки найдена лепная пеньковская керамика, керамические шлаки и бронзовый перстень с завитыми концами (рис. 11: 9; 13: 2).

Жилище № 4 обнаружено в восточной части поселения, отделенной недавно образовавшейся затокой. Полуземлянка четырехугольная в плане размерами 4,4 x 3,9 м и глубиной 0,9 м от современной поверхности. Она ориентирована углами по сторонам света. Пол сnivelирован и подмазан глиной. По углам и центру каждой из стен котлована расчищены ямки от деревянных опор каркасных стен. Они овальные или круглые в плане диаметром ок. 0,3 м и глубиной 0,1-0,6 м от уровня пола. В северо-восточной части постройки была хозяйственная яма круглой в плане формы диаметром 0,3 м и глубиной 0,15 м от уровня пола. Возле юго-западной стены, на уровне пола расчищен овальный в плане глинобитный подпечи диаметром 0,6 м. Камни от разобранной в древности печи разбросаны по полу (рис. 4: 2). В за-

полнении жилища № 4 была лепная пеньковская керамика и фрагмент круглой стеклянной "глазчатой" бусины (рис. 11: 6-8)

Жилище № 5 расчищено у основания вала, в 25 м к северо-западу от жилища № 1. Полуземлянка была квадратной в плане формы размерами 4 x 4 м и глубиной 1 м от современной поверхности. Ориентирована она стенами по сторонам света. В северо-восточном углу, в небольшом углублении зафиксирован глинобитный очаг с невысокими бортиками, овальной в плане с диаметром 1,1 м. Ближе к южной стороне постройки расчищена круглая в плане яма хозяйственного назначения диаметром 1,4 м и глубиной 0,1 м. Среди находок их этого жилища преобладала лепная раннепеньковская керамика (рис. 10: 1-5).

Хозяйственная постройка № 1 находилась в 12 м к западу от жилища № 2, на линии берегового обреза. Сохранилась только северная ее овальная сторона размерами 2 x 1,25 м. Пол, находившийся на глубине 1,35 м от современной поверхности, сnivelирован и слегка подмазан глиной. У западной стенки была круглая в плане хозяйственная яма диаметром 0,5 м и глубиной 0,3 м. Стенки ее вертикальные, дно плоское. На удалении 0,4 м от центра северной стороны котлована, находилась квадратная ямка от стоба размерами 0,2 и 0,2 м и глубиной 0,3 м от уровня пола. В заполнении постройки найдена лепная пеньковская керамика.

Яма № 1 раскопана на линии берегового обреза в 57 м к востоку от жилища № 1. Судя по сохранившейся части, она была круглой в плане диаметром 1,25 м и глубиной 1,4 м от современной поверхности. В темном заполнении этой ямы было несколько лепных черепков и кости животных. Яма № 2 расчищена на береговой линии в 19 м к востоку от ямы № 1. Углубление круглое в плане диаметром 1 м и глубиной 1,25 м от современной поверхности. Ее стенки слегка суживались к линзовидному дну. В заполнении найдено несколько лепных черепков. Яма № 3 обнаружена в 2 м к северу от жилища № 2. Она овальная в плане с большим диаметром 1,3 м и глубиной 1,5 м от современной поверхности. Стенки ее вертикальные, дно плоское. В заполнении найдены лепные черепки и кости животных. Яма № 4 находилась в 25 м к северо-востоку от жилища № 1. Она была цилиндрической формы диаметром 1 м и глубиной 1,4 м от современной поверхности. В заполнении обнаружено несколько лепных черепков. Яма № 6 обнаружена в 1,2 м к северо-востоку от ямы № 5. Она цилиндрическая, диаметром 1,6 м и глубиной 1,3 м от современного уровня. В заполнении были мелкие лепные черепки. Яма № 7 находилась в 0,6

м к северо-западу от ямы № 6. Углубление цилиндрической формы диаметром 1,3 м и глубиной 1,1 м от современной поверхности. В заполнении найдены мелкие лепные черепки. Яма № 8 располагалась с северной стороны жилища № 5. Она овальная в плане с большим диаметром 1,7 м и глубиной 1,1 м от современной поверхности. Углубление имело вертикальные стенки и плоское дно. В заполнении было несколько лепных черепков. Яма № 9 прослежена в 0,1 м восточнее ямы № 8. Она цилиндрическая в плане диаметром 1,7 м и глубиной 1,2 м от современной поверхности. На ее плоском полу лежало несколько лепных черепков. Яма № 10 обнаружена на расстоянии 2,7 м к востоку от ямы № 9. Углубление овальное в плане с большим диаметром 1,1 м и глубиной 1,25 м от современной поверхности. В заполнении обнаружено несколько лепных черепков.

Очаг № 1 был у самой воды, под дерновым слоем к востоку от жилища № 4. Овальная каменная вымостка диаметром ок. 1 м находилась на глубине 0,2 м от размытой поверхности.

Железоплавильный горн № 1 находился вблизи от вала, на линии берегового обреза в 22 м к северо-западу от жилища № 5. От него сохранились остатки ошлакованных глинобитных стенок и куски железных шлаков, которые были на глубине 0,3-0,5 м от современной поверхности. В центре развала, на глубине 0,5 м видны следы сильного обожжения грунта. Наиболее вероятно, что горн был разрушен при сооружении змиевого вала.

32. с. Трушки Белоцерковского р-на Киевской обл. В фондах Белоцерковского краеведческого музея хранится лепной биконический горшок с бугристой поверхностью и примесями дресвы в тесте (рис. 11: 16). Он найден местными жителями в окрестностях с. Трушки.

33, 34. г. Умань Уманского р-на Черкасской обл. В его окрестностях разведками 1979 года обнаружено два пеньковских поселения. Первое из них находится на территории Звенигородского предместья, на правом берегу р. Паленки при впадении в нее ручья Котломыевки, ур. Буток. На участке надпоймы высотой до 3 м, занятой приусадебными участками на площади 150 x 40 м собрана лепная пеньковская керамика. В 1,5 км к юго-востоку от Уманского щебневого завода, на правом берегу р. Уманки, примыкающему к заболоченному лугу, на площади 150 x 40 м встречается лепная пеньковская керамика. К пеньковскому поселению примыкает большое селище с материалами культуры Луки-Райковецкой.

35. с. Царычанка Царычанского р-на Днепропетровской обл. В 1 км к юго-востоку от нефтебазы, на правом берегу р. Орели экспедицией Д.Я.Телегина в 1960 г. при шурфовке местности найдена грубая

лепная славянская керамика.

36. с. Цыбли Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. На территории заброшенного села, по обе стороны от каменной церкви, в обрывах левого берега р.Днепр (высотой до 3 м) в 1980 г. собрано большое количество лепной пеньковской керамики.

1. Березовец Д.Т. Поселения уличей на р.Тясмине // МИА. № 108. 1963. С. 145-208; Линка Н.В., Шовкопляс А.М. Раннеславянское поселение на р.Тясмине // МИД. № 108. С. 234-242.
2. Березовец Д.Т. Указ.соч. С. 186-192.
3. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л., 1966. С.244-247; Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 119-133.
4. Сміленко А.Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II-XIII ст.) Київ, 1975. С.71-103.
5. Рутковская Л.М. О стратиграфии и хронологии древнего поселения около с. Стецовки на р.Тясмине // Раннесредневековые восточноевропейские древности. Л., 1974. С. 32-39.
6. Рутковская Л.М. Указ.соч. С. 22-39; Горюнов Е.А. Некоторые вопросы истории Днепровского лесостепного Левобережья в У - начале VIII вв. // СА. 1973. № 4. С. 99-112.
7. Приходнюк О.М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI-IX ст.н.е. Київ, 1960. С. 12-71.
8. Приходнюк О.М. Слов'яни на Поділлі (VI-VII ст.н.е.) Київ, 1975. С. 36.
9. Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967. С. 57.
10. Белецкий В.Д. Жилища Саркела - Белой Вежи. МИА. № 75. 1959. С. 41-42.
11. Русанова И.П. Славянские древности У1-УП вв. М., 1976. С.36.
12. Приходнюк О.М. Ук. Археологічні пам'ятки ... С.71.
13. Teuĝal J. **Morawa na sklonku** antiku.Praha, 1982, s. 90, tabl. 28:5.
14. Березовець Д.Т. Могильники уличів у долині р.Тясмина // Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969. С. 66. Рис. 2, 2; Bohme H.W. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts. Munchen, 1974, S. 81,Taf. 79: 13.
15. Хавлюк П.И. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.,

16. Рикман Э.А., Рафалович И.А., Хынку И.Г. Очерки истории культуры Молдавии. Кишинев, 1971. С. 64. Рис. 9, 6;

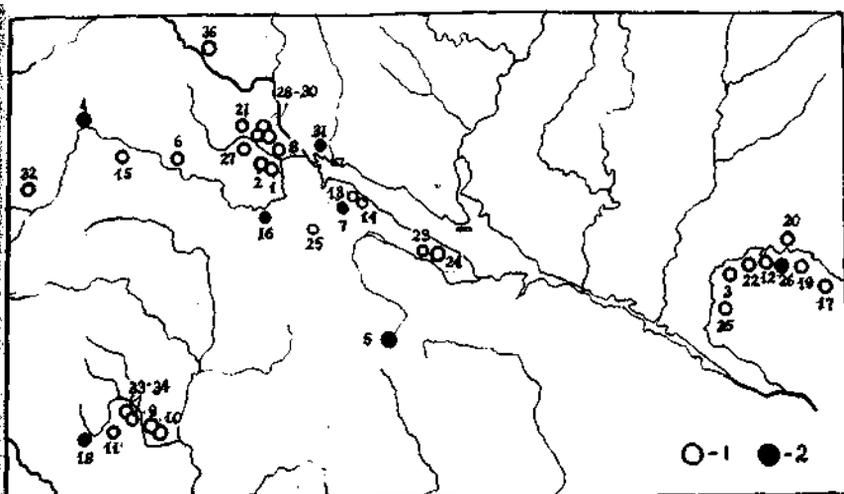

Рис. 1. Карта распространения новых пенковских памятников в Среднем Поднепръевье. 1 - поселения; 2 - поселения, подвергавшиеся раскопкам. Нумерация соответствует перечню памятников в тексте.

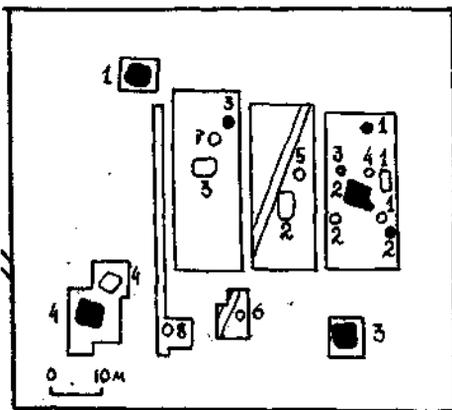

Рис. 2. План поселения у с.Кочубеевка. 1 - жилища; 2 - хозяйственные сооружения; 3 - ямы; 4 - очаги.

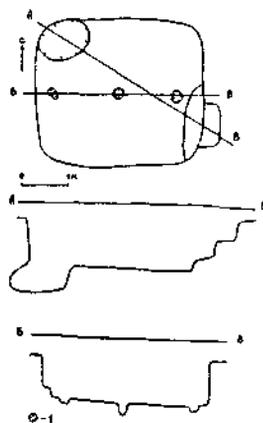

Рис. 3. План и разрез жилища № 3 из Беляевки. 1 - ямы.

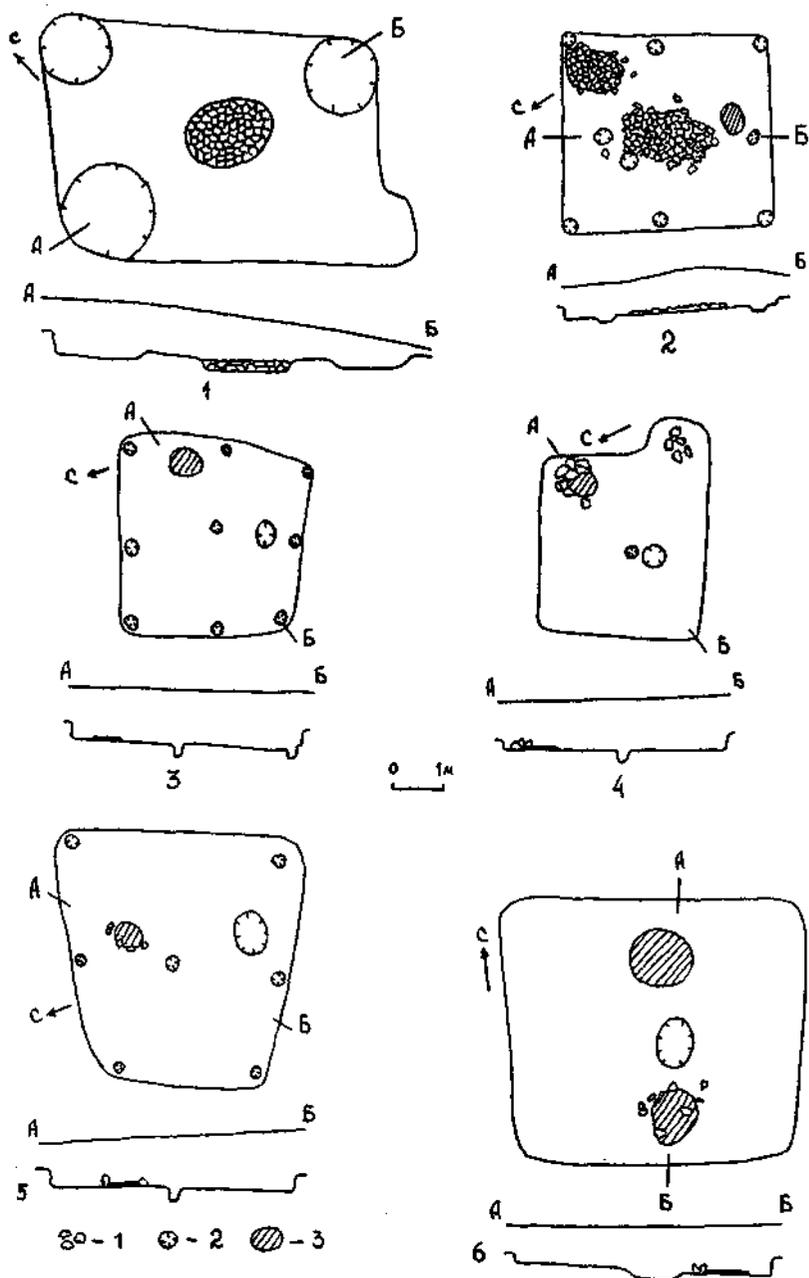

Рис. 4. Планы и разрезы жилищ. 1 - жилище 3 из Будиц; 2 - жилище 4 из Сушков; 3-6 - жилища 1-4 из Кочубеевки.

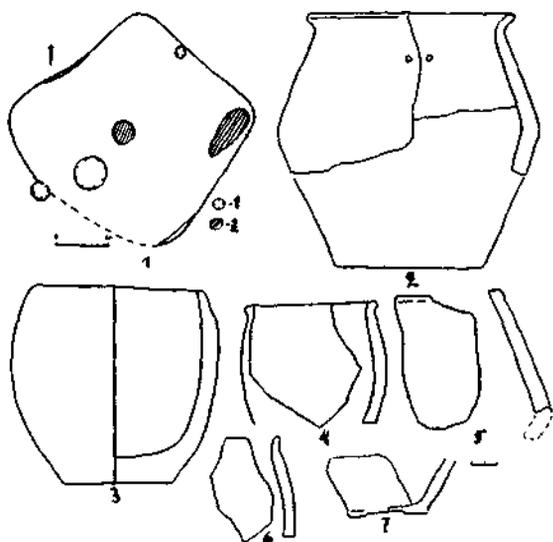

Рис. 5. Комплекс жилища 2 из Завадовки.

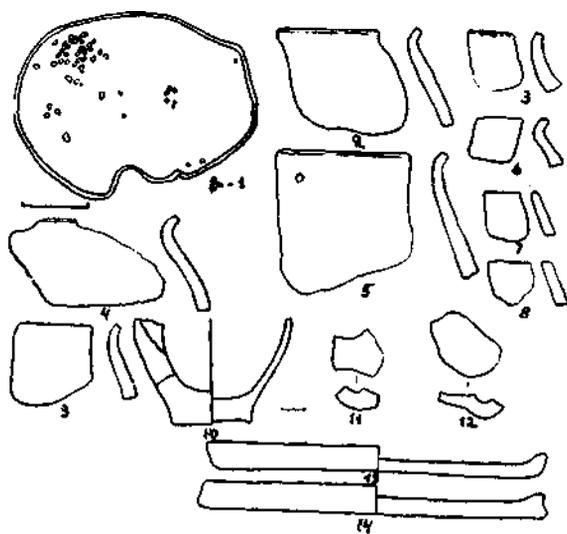

Рис. 6. Комплекс юртообразного жилища из Осиповки.

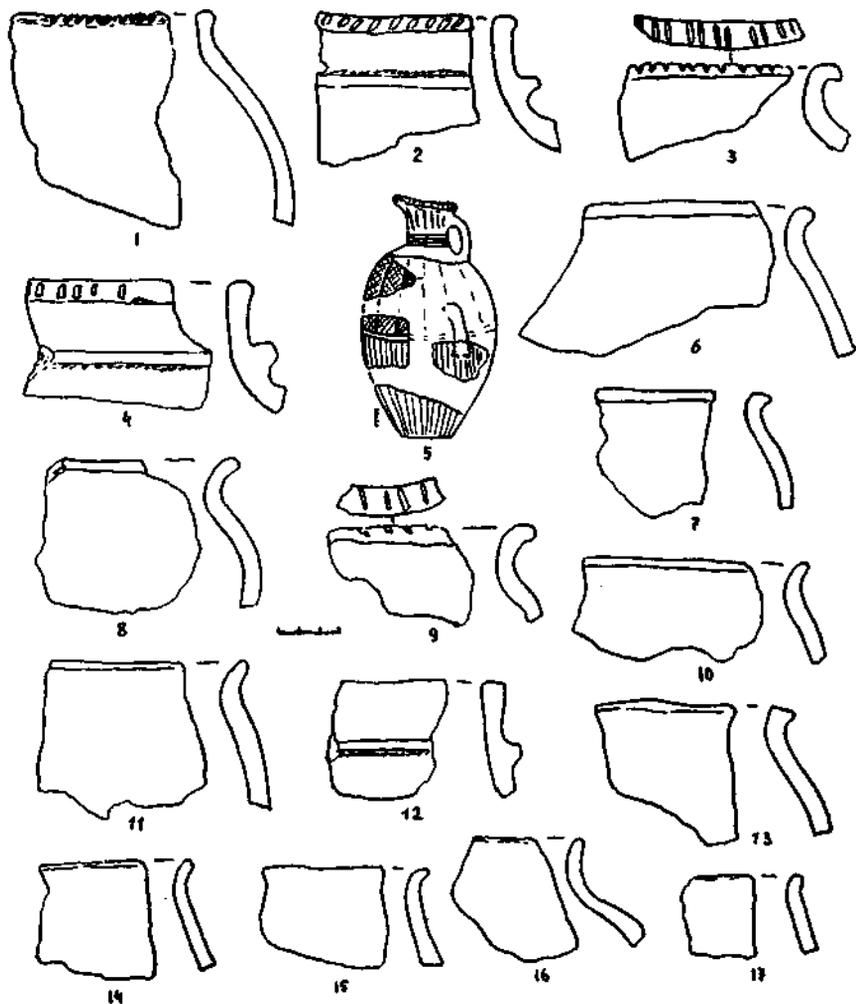

Рис. 7. Керамика жилища 3 из Будищ.

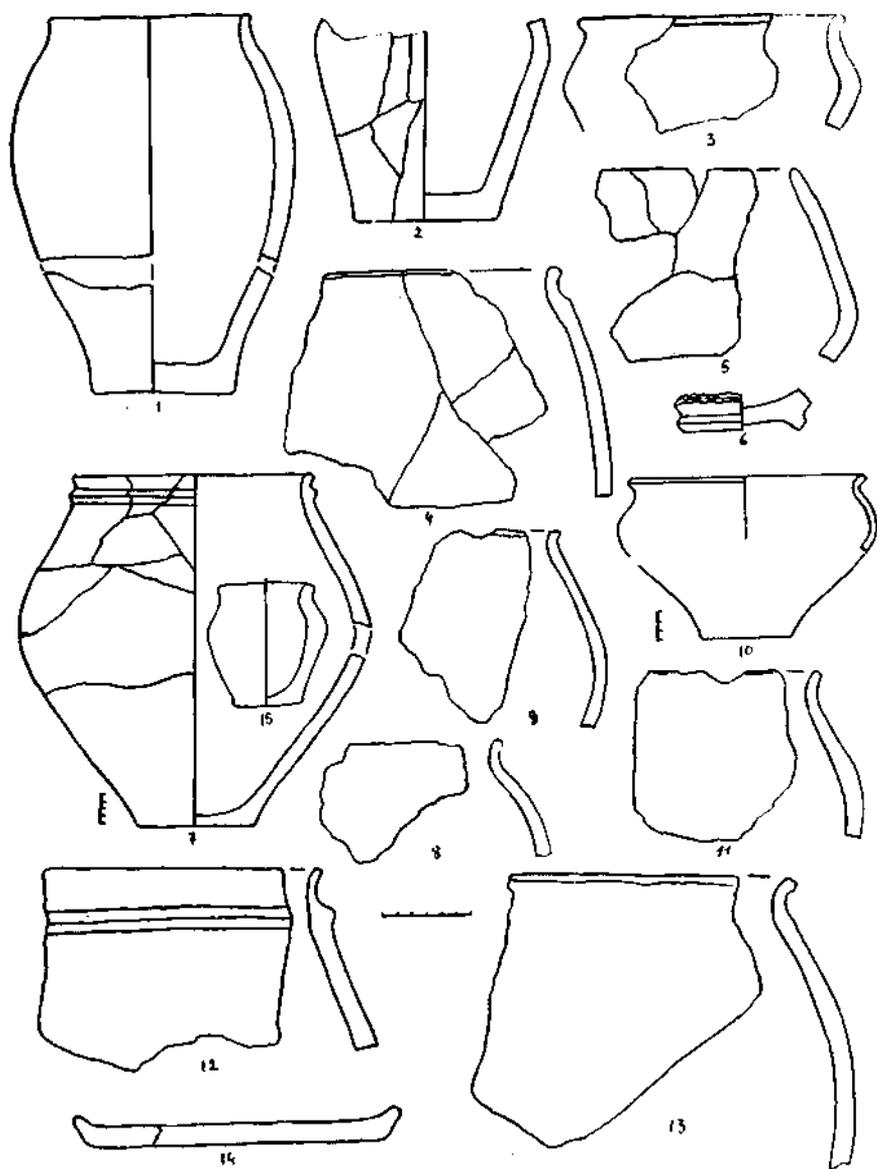

Рис. 8. Керамика из Кочубеевки. 1-3, 5, 6 - жилище 2; 4 - жилище 3; 7-15 - жилище 1.

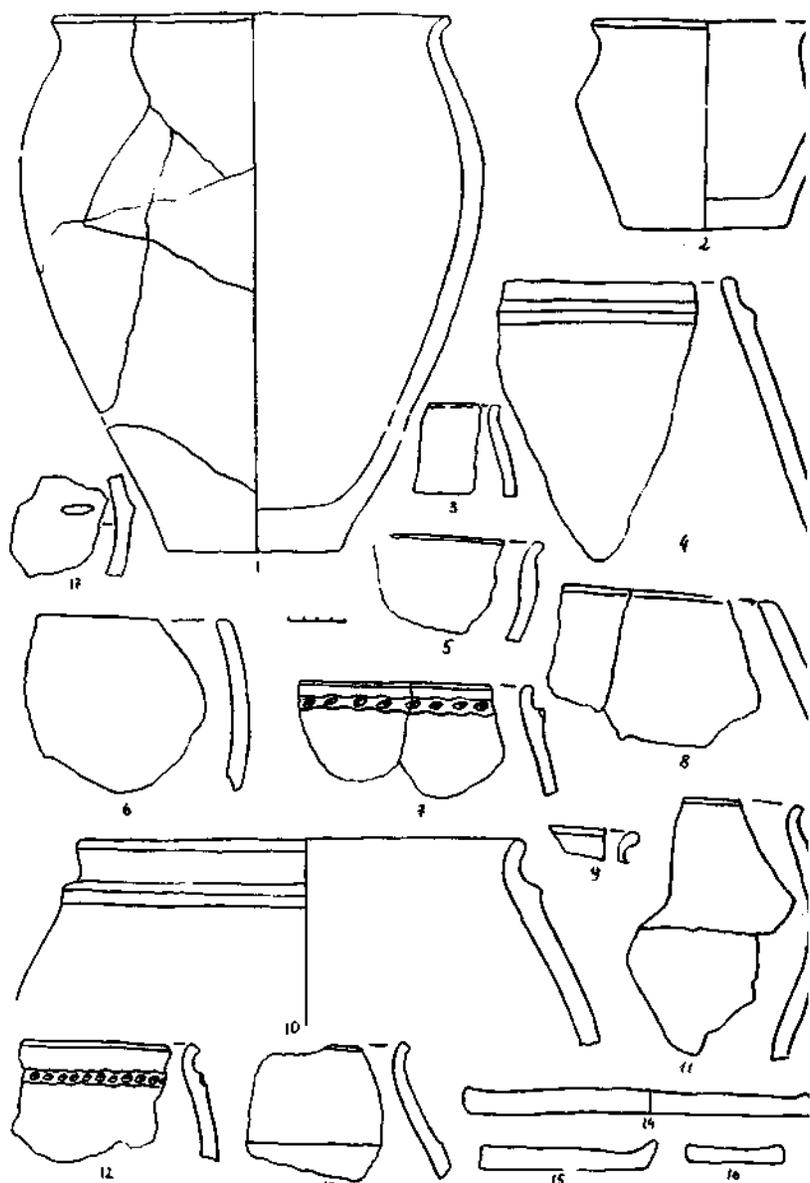

Рис. 9. Керамика из Кочубеевки. 1-7, 10, 13, 15 - жилище 4 8, 9, 11, 12, 14, 16, 17 - жилище 3.

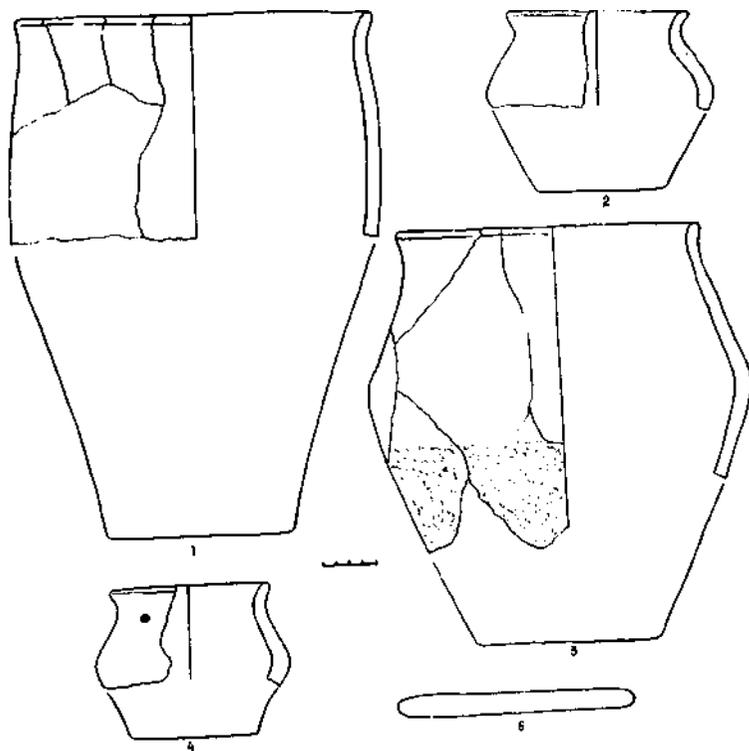

Рис. 10. Керамика жилища 5 из Сушков.

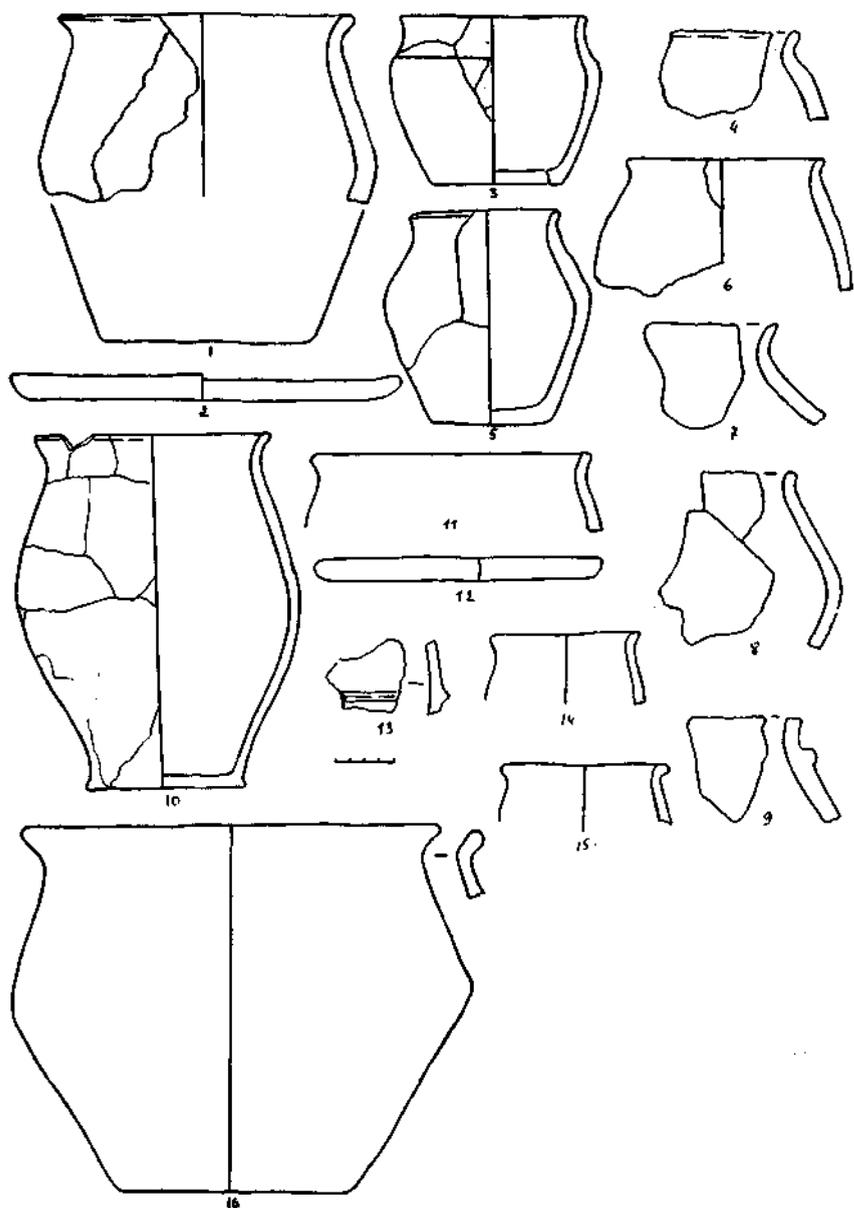

Рис. 11. Керамика. 1-4 - Беляевка; 5-9 - Сушки; 10-15 -Белая Церковь;
16 - Трушки.

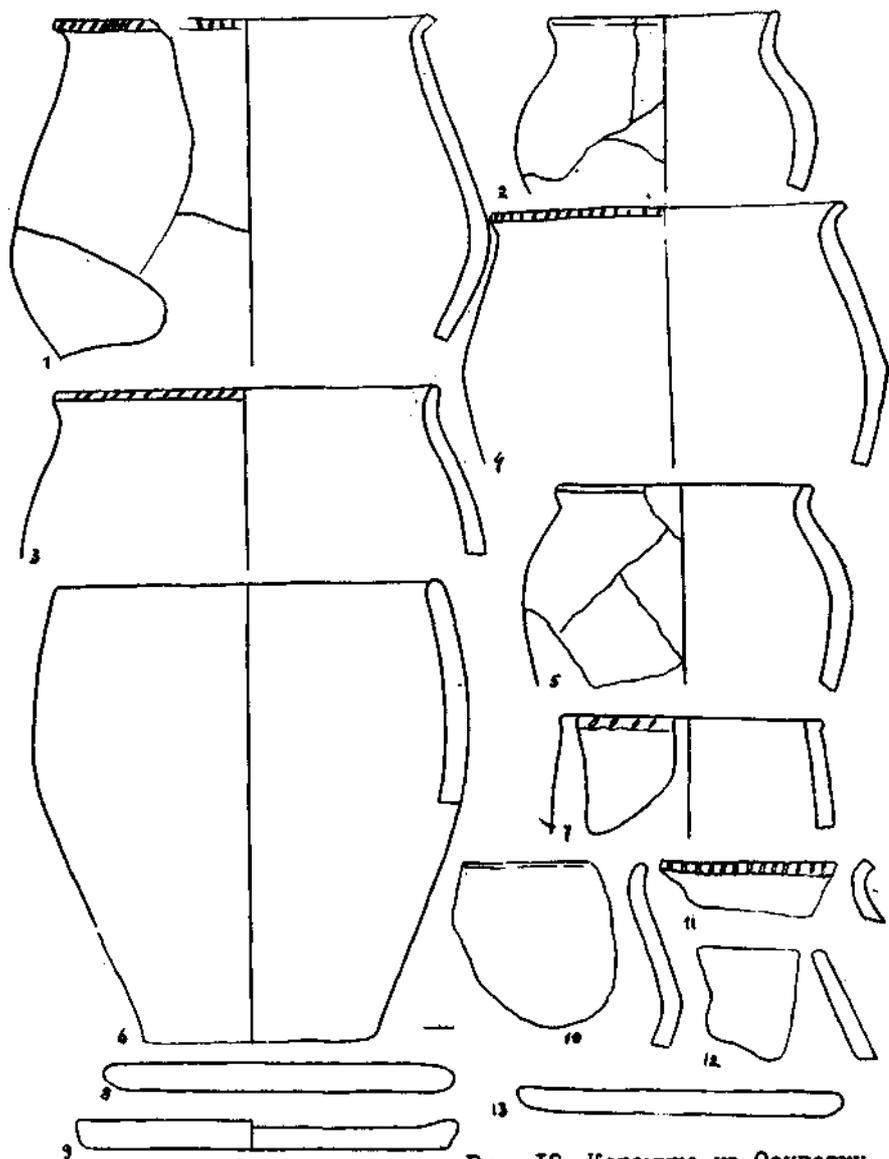

Рис. 12. Керамика из Осиповки.

Рис. 13. Находки с территории Среднего Поднепрорья. 1 - Дежки; 2, 11, 14-18, 25 - Суши; 3 - Новоселица; 4, 10, 13, 23 - Будище; 5 - Белая Церковь; 6, 24 - Осиповка; 7-9, 12, 19-22, 26, 27 - Кочубеевка.

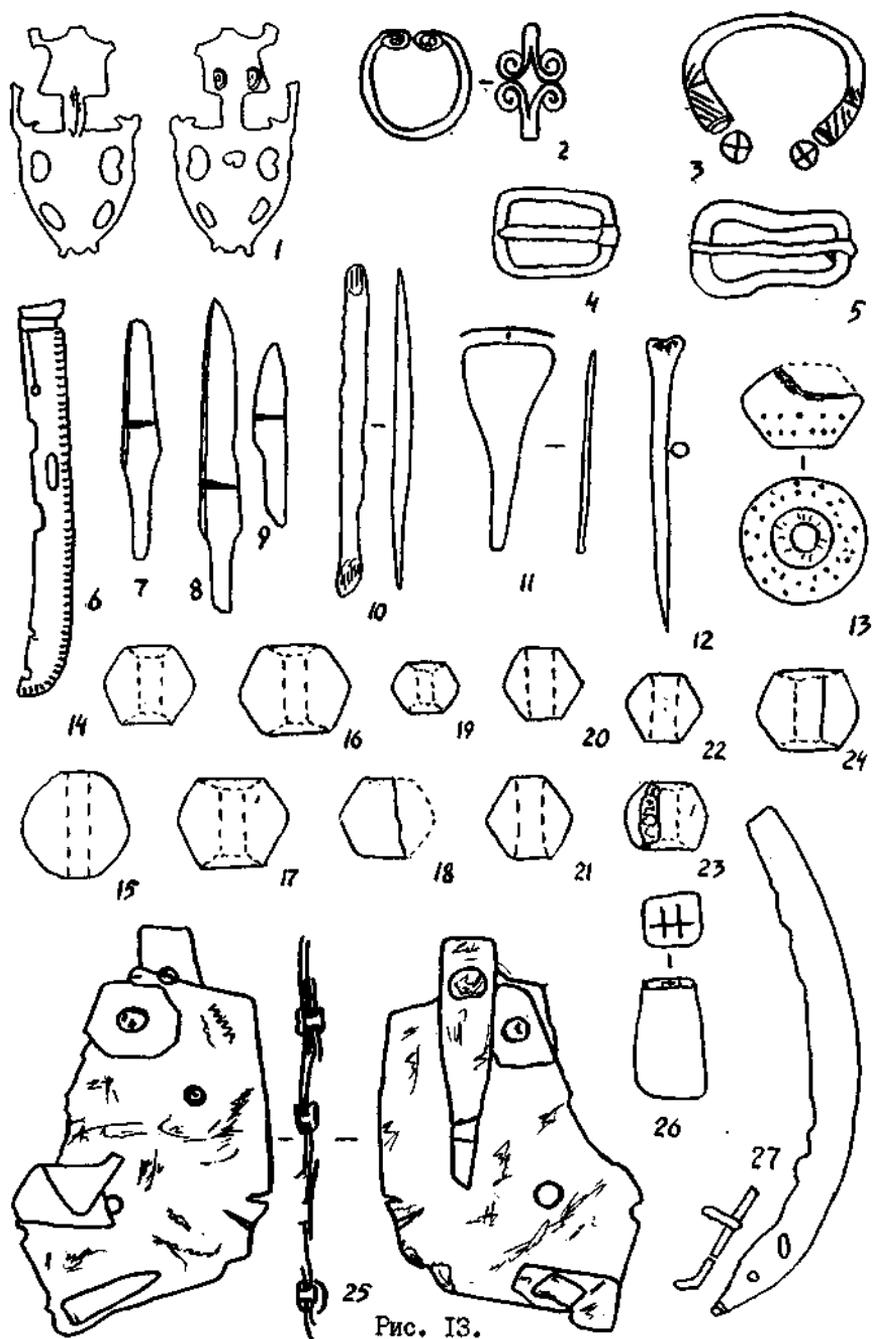

Рис. 13.

О.А.Гей

Могильник у с. Раковец (раскопки 1985 года)

Вольнь - один из интереснейших и в то же время малоизученных регионов на археологической карте римского периода. Здесь чересполосно располагаются памятники разных культур - пшеворской, вельбарской, черняховской, - взаимоотношения и связи которых еще далеко не во всем ясны. Эта область, по-видимому, входила в зону, где протекал процесс формирования черняховской культуры.

К сожалению, изучены многочисленные памятники Вольни эпохи великого переселения народов еще крайне слабо. В 1962-1963 гг. И.С. Винокур и М.И.Островский проводили раскопки Раковецко-го могильника, вскрыв на небольшой площади 18 погребений. Могильник находится в центре села Раковец-Чесновский Збаражского района Тернопольской области, на высоком левом берегу р. Ракови-чки - одного из притоков р. Горынь. Памятник был открыт в 1961 году при земляных работах, большая часть материалов поступила в Кременецкий краеведческий музей, отдельные вещи из коллекции хранятся в г. Каменце-Подольском.

Осмотр памятника Западно-Волынским отрядом в 1985 году выявил довольно печальную картину. Большая часть его сейчас занята современным кладбищем и, по-видимому, уже через несколько лет вся площадь некрополя будет недоступна для исследования. Следы раскопа И.С. Винокура и М.И.Островского до сих пор достаточно отчетливо просматриваются на местности, кроме того, они были совершенно точно указаны жителями села, очевидцами и участниками работ 1962-1963 гг. Раскоп этот охватывал незначительную площадь на западном краю могильника (рис. 1: 1).

В районе расположения памятника были заложены две разведывательные траншеи (10 x 1 м). Первая - к западу от раскопов И.С.Винокурова, - не дала абсолютно никакого материала. Очевидно, она находится вне пределов могильника. Во второй (к югу от

раскопов И.С.Винокура) обнаружено несколько фрагментов керамики. Наиболее перспективной для раскопок по всем данным является свободная площадь между старым и новым кладбищами, которая, вероятно, представляла собой центральную часть могильника. Здесь был заложен раскоп 40 кв.м, на котором открыты три захоронения и одна культовая яма (рис. 1: 2). Структура слоя могильника очень проста: под дерном, на глубине от 0,20-0,25 м до 1,00 м от современной поверхности залегал темный, постепенно светлеющий серо-коричневый суглинок. Сразу под ним шел материк, представляющий собой светло-желтый суглинок.

Пятна могил слабо прослеживались в стенках раскопа с глубины 0,50 м. На глубине 0,80 м пятна уже четко выявлялись в плане. По-видимому, уровень современной поверхности приблизительно совпадал с древней дневной поверхностью, и поэтому глубина погребений от современной поверхности практически соответствует их реальной глубине.

Погребение 19 * (рис.2). Глубина - 1,33 м от современной поверхности. Совершен по обряду ингумации в простой яме овальной формы размерами 2,2 x 1,45 м. В заполнении могилы встречались отдельные угольки. Непосредственно над погребенным, на глубине 1,16 м были положены три внушительных обгорелых бревна. Два из них перекрывали костяк, одно находилось несколько в стороне, слева.

Ориентация погребенного ССЗ. Положение вытянутое на спине. Левая рука согнута в локте, кисть лежит на левом бедре. Сохранность костей хорошая, не хватает лишь нескольких фаланг пальцев правой руки. Захоронен пожилой (старше 50 лет) мужчина.** Череп довольно грацильный, по-видимому, близок к молдавским сериям.

При погребенном обнаружен довольно многочисленный, непотревоженный инвентарь. В районе левой части грудной клетки находились железные пряжка, кресало и обломки поясного крючка. На правой части таза лежала бронзовая пряжка без язычка. Справа от пяточной кости правой ноги находились две тонкие железные пластинки. Такая же пластинка обнаружена при зачистке дна могилы, слева от левой ноги погребенного. В головах стояла большая вон-

* В 1985 г. была продолжена нумерация погребений раскопок 1962-1963 гг.

** Определение Г.П. Романовой

чарная миска в обломках. Слева от костяка, почти у самой стенки могилы, находилось еще два гончарных сосуда - миска и горшок. Ниже приведены описания находок:

1. Железная пряжка в виде рамки овально-продолговатой формы с язычком. Размеры 7 x 2,4 см. Сечение рамки круглое, а язычка - прямоугольное (рис. 2:1).
2. Железное кресало в виде прямоугольной пластинки. Один конец заострен и завернут в кольцо. Второй - обломан. Длина сохранившейся части - 7,2 см (рис. 2:2).
3. Два фрагмента железного поясного крючка удлиненно-трапецевидной формы (рис.2:3).
4. Бронзовая калачиковидная пряжка. Язычок отсутствовал. Сечение овальное. Размеры - 2,5 x 2,3 см (рис.2:5).
5. Три тонкие плоские железные пластинки, свернутые в виде прямоугольников с заходящими концами (рис.2: 4,6-8).
6. Гончарный серолощенный сосуд, представляющий собой промежуточную форму между миской и горшком. Тесто без видимых примесей. Тулово круглобочное, венчик отогнут наружу, дно на кольцевом поддоне. Под горлом, по верхней части тулова сосуд украшен рельефными линиями. Высота - 16 см, диаметр венчика - 18 см, диаметр дна - 8 см, диаметр максимальный - 21 см (рис. 2:11).
7. Грубогончарная острореберная миска. Поверхность шероховатая, носит следы вторичного обжига, истинный цвет определить трудно. В тесте - примесь крупного кварцевого песка. Миска открытой формы; венчик отогнут наружу, дно на подставочной плитке. Высота - 4,5 см, диаметр венчика - 23 см, диаметр дна - 9,7 см (рис. 2: 10).
8. Грубогончарный сероглиняный горшок с шероховатой поверхностью. Тулово округлобочное. Дно на подставочной плитке. Венчик отогнут наружу. Под венчиком вокруг тулова - орнамент в виде трех прочерченных линий. Высота - 14 см, диаметр венчика - 10 см, диаметр дна - 6,5 см, диаметр максимальный - 14 см (рис. 2: 9).

Непосредственно к южной стенке могилы погребения 19 примыкала яма (размеры 1,80 x 1,45 м, глубина 1,85 м), постепенно сужающаяся ко дну (рис.

- 1). При зачистке в плане могила и яма сливались в одно большое вытянутое меридианально пятно. Человеческих костей в яме не обнаружено, по форме она значительно отличается от обычных могил, поэтому приходится исключить версию о ее погребальном характере. Вероятнее всего, это сооружение представляло собой культовую яму, которая служила для жертвоприношений и тризны. Об этом свидетельствуют и находки. В запол-

нении обнаружена керамика, наиболее выразительные фрагменты которой принадлежат острорезным гончарным мискам и -нижней части грубогончарного сосуда. Кроме того, найдены 7 фрагментов донца, 8 фрагментов венчиков, 6 фрагментов стенок грубогончарных сосудов, а также невыразительные фрагменты серолощеного гончарного сосуда.

Непосредственно рядом с ямой I, у южной ее стенки, на глубине 0,45 м от современной поверхности обнаружены мелкие фрагменты стенки и венчика сосуда из прозрачного зеленоватого стекла (толщина стенки - 0,5 см), а также обломки грубогончарной керамики. На дне ямы лежал череп мелкого рогатого животного.

Погребение 20 (рис.3). Глубина - 1,48 м от современной поверхности и 1,20 м от северо-восточного угла раскопа. Совершен» по обряду труположения. Разрушено и, может быть, ограблено в древности. Могильная яма правильной овальной формы, размеры - 2,35 x 1,55 м. Следов перекопов не обнаружено, по-видимому, разрушители могилы были прекрасно осведомлены о ее расположении и конфигурации. В заполнении обнаружены обломки гончарной посуды, принадлежавшей, в основном, желтоглиняным, сероглиняным и красноглиняным мискам. В тесте содержится примесь дресвы или песка. Отдельные фрагменты носят следы вторичного обжига. Попадались также мелкие обломки костей.

По яме в беспорядке разбросаны человеческие кости (бедренные, ребра, плечевые, диафизы берцовых, отдельные позвонки, обломки нижней челюсти, зубы), разбитая посуда. Судя по степени стертости зубов, захоронен был молодой человек. Кости переломаны, разрушение происходило после того, как истлели связки. В непо потревоженном положении находился лишь грубогончарный горшок, который стоял у самой стенки могилы (в западной ее части) и был не замечен разрушителями. У западной стенки могилы находился также череп животного (мелкого рогатого скота).

В могиле обнаружены также: 1. Костяной трехслойный многочас тный гребень с полукруглым выступом на спинке, скрепленный железными заклепками. Ширина - 9 см, максимальная высота - 5,8 см (рис. 3: 2). 2. Железный стержень, сильно коррозированный и невыразительный. Длина - 4 см. 3. Мелкий фрагмент края сосуда из прозрачного бесцветного стекла. Толщина стенки - 3 мм. 4. Янтарная дисковидная бусина. Диаметр - 1,0 см. 5. Мелкий фрагмент бусины из полупрозрачного голубого стекла.

Многочисленные фрагменты керамики принадлежали следующим

сосудам: Сосуд № 1. Грубогончарная сероглиняная миска. Реставрирована полностью. Крупные фрагменты ее находились в северной расти могилы (рис. 3: 1). Поверхность шероховатая. В тесте - при-ресть крупного песка. Форма открытая. Перегиб тулова резкий, но fees четко выделенного ребра. Венчик отонут наружу, дно на под-ргавочной плитке. Высота - 9 см, диаметр венчика - 20,5 см, ди-рметр дна - 8,5 см (рис. 3: 7). Сосуд № 2. Грубогончарный серо-глиняный кувшин. Нижняя его часть находилась в северной части рогили. Отдельные фрагменты разбросаны по всей яме (рис. 3: 4). Поверхность шероховатая, носит следы вторичной обожженности. В тесте - примесь крупного кварцевого песка. Тулово округлобкое, венчик слабо отогнут наружу, дно на подставочной плитке. Верх-ний прилеп ручки - ниже края венчика. Высота - 22 см, диаметр ренчика - 8,5 см, диаметр дна - 8 см, диаметр максимальный -18 см. Сосуд № 3. Серолощенный гончарный горшок. Крупные фрагменты разбросаны по всей яме и встречались в заполнении (рис.3:3). Тесто без видимых примесей. Тулово округлобкое, венчик отогнут наружу, дно на кольцевом поддоне. На верхней части тулова - орнамент в виде двух параллельных рельефных линий, между которы-ми - ряд пролощенных треугольников. Высота - 20 см, диаметр венчика - 17 см, диаметр максимальный - 24 см, диаметр дна - 9,7 см. Сосуд № 4. Частично фрагментированная гончарная серолоще-ная кружка. Находилась в центре могилы. Тулово биконическое с резким перегибом ребра. Горло отделено рельефным валиком. Верхний прилеп ручки находится ниже края сосуда. Венчик прямой, дно на кольцевом поддоне. Тесто без видимых примесей. Высота - 9,0 см, диаметр венчика - 10 см, диаметр дна - 5,8 см, диаметр максимальный - 11 см (рис. 3: 5). Сосуд № 5. Фрагменты стенок грубо-гончарного сероглиняного сосуда (аналогичного сосуду № 2). Поверхность шероховатая, в тесте обильная примесь крупного кварцевого песка. Сосуд № 6. Фрагменты грубогончарного сероглиняного горшка. Крупные фрагменты находились у западной стенки могилы. Отдельные обломки разбросаны по всей яме и встречались в заполнении. Поверхность шероховатая, в тесте обильная примесь кварцевого песка. Дно на кольцевом поддоне. Венчик отогнут наружу. Сосуд № 7. Грубогончарный сероглиняный горшок. Находился у за-падной стенки могилы (рис. 3: 6). Тулово округлобкое, венчик отог-нут наружу, дно на подставочной плитке. Поверхность шероховатая в тесте обильная примесь кварцевого песка. Высота - 13,3 см, диаметр венчика - 10,7 см, диаметр дна - 6,5 см, диаметр макси-

мальный - 14,2 см. Кроме того, в могиле находились отдельные фрагменты грубогончарных сосудов, мелкие угольки и обломки яичной скорлупы.

Погребение 21. Глубина - 0,45 м (рис. 1: 3). Совершено по обряду трупосожжения. Яма не прослежена. Урновое под крышкой. Урной служил грубогончарный горшок. В качестве крышки использован большой фрагмент нижней части грубогончарного горшка, по форме напоминающий миску. Оба сосуда раздавлены, состояли из мелких фрагментов. В процессе реставрации были склеены полностью, практически без догипсовки. 1. Грубогончарный сероглиняный горшок. В тесте примесь крупного кварцевого песка. Тулово округлобкое, венчик отогнут наружу, дно на подставочной плитке. Диаметр венчика - 11,5 см, высота - 17 см, диаметр дна - 8 см, диаметр максимальный - 18 см (рис. 3: 8). 2. Нижняя часть грубогончарного сероглиняного горшка (аналогичен урне). Дно на подставочной плитке. Д дна - 7,5 см (рис. 3: 9).

В урне находилось небольшое количество мелких кальцинированных косточек, тщательно очищенных от остатков погребального костра. Инвентаря не было.

В слое, над урной и рядом с ней, обнаружены отдельные фрагменты керамики, однако связаны ли они с погребением, остается неясным.

На площади раскопа, рядом с погребением 20 была обнаружена бронзовая прогнутая подвязная фибула, изготовленная из уплощенной пластинки (рис. 3: 1).

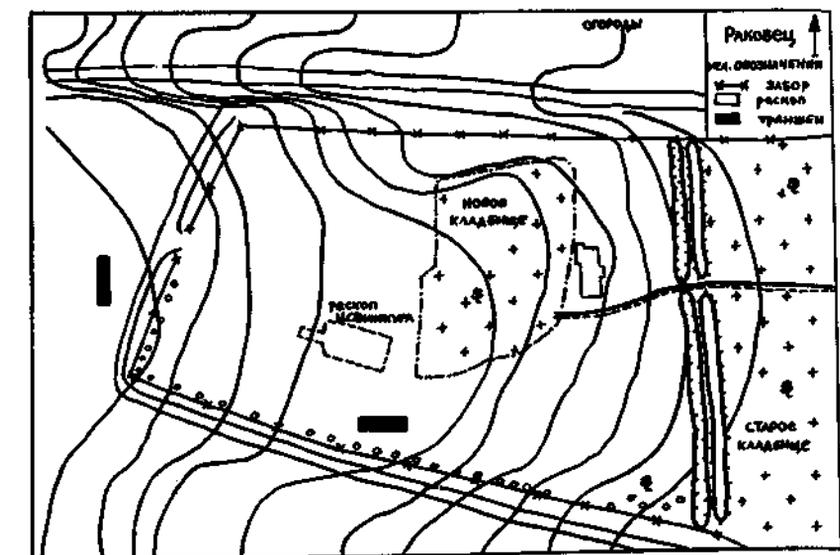
Материал, полученный в ходе раскопок, характерен для развитой стадии черняховской культуры. Выразительные датирующие вещи – калачиковидная бронзовая пряжка, прогнутая подвязная фибула 3-го варианта по классификации А.К.Айброза, многопластинчатый трехслойный гребень с полукруглым выступом на спинке - диагностируют в совокупности ступень европейской системы хронологии. Это позволяет сделать вывод, что захоронения, открытые в Раковце в 1985 г., были совершены во второй половине IV в.н.э.

Они располагались, по-видимому, на восточной периферии могильника, основная часть которого занимала территорию между раскопами 1962-1963 гг. и раскопом 1985 г. Интересно, что находки, опубликованные И.С. Винокуром и М.И. Островским, принадлежат к более раннему времени - концу III- началу IV в.н.э. Несмотря на небольшой объем материала в целом, можно сделать некоторые наблюдения об эволюции черт культуры могильника Раковец на протяже-

нии периода его функционирования. Неизменными остались традиции биритуализма, основные элементы обряда трупоположения (северная или северо-западная ориентация, форма могильной ямы, набор инвентаря, обычай разрушения захоронений). Трупосожжение, открытое в 1985 г., несколько отличается от типа захоронений, известных по раскопкам 1961-1963 гг. Оно совершено в урне под крышкой, а не под опрокинутым вверх дном сосудом, кроме того, в заполнении могилы отсутствуют остатки погребального костра.

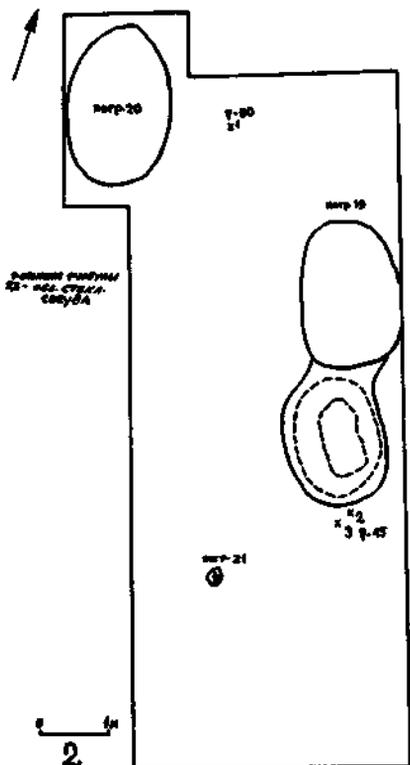
Типы инвентаря также изменялись. Заметно огрубление гончарной посуды. Вместе гребней с низкой полукруглой и трапецевидной спинкой, прогнутых подвязных фибул (в основном 2-ого варианта) появляются гребни с выступом на спинке и фибулы 3-его варианта.

1. Винокур И.С., Островский М.И. Раковецкий могильник // МИА № 139. 1967 г.
2. Godlowski K. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Krakow, 1970. Pl. IV; Thomas S. Studien uber zu den germanischen Kammern der romischen Kaiserzeit. // Arbeits und Forschungsberichte zur sachsichen Bodendenkmalpflege. Bd.8. 1960. S. 92. Никитина Г.Ф. Гребни черняховской культуры // СА. 1969. № 1.

1

0 25 м

г.л. - 0,37 м

3

0 30 см

Рис. I. I - план могильника Раковец; 2 - план раскопа 1965 г.; 3 - погребение 21.

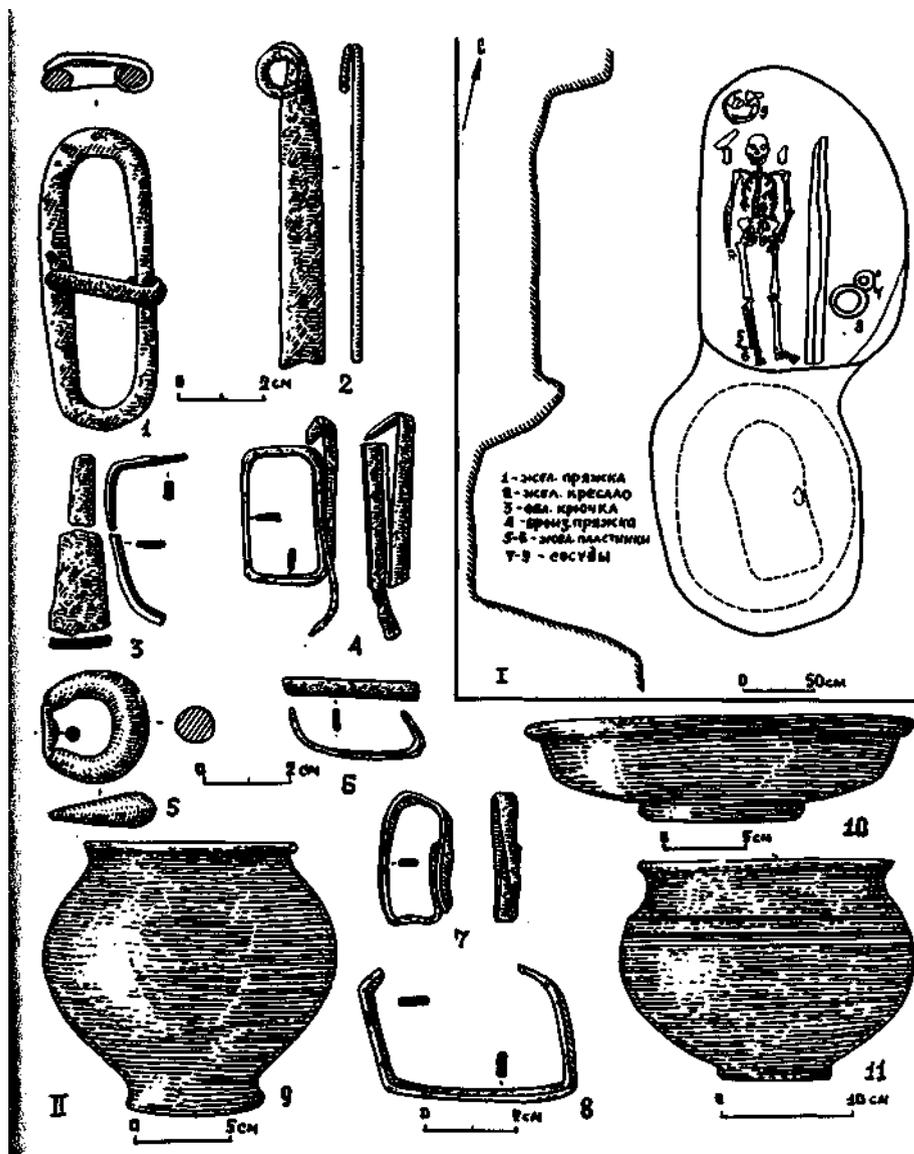

Рис. 2. Погребение 19. 1 - план и разрез; II - инвентарь: 1 - железная пряжка; 2 - железное кресло; 3 - обломки железного крючка; 4, 6-8 - железные пластинки; 5 - бронзовая пряжка; 9 - 11 - глиняные сосуды.

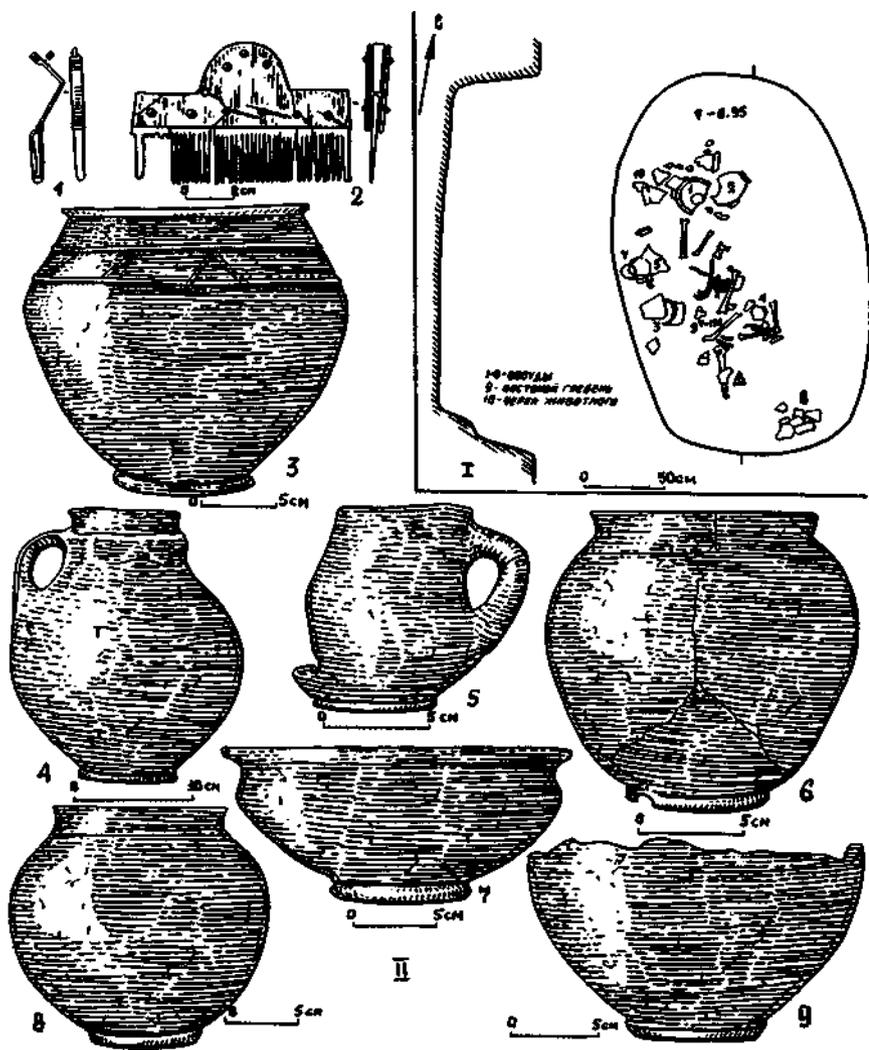

Рис. 3. Погребения 20, 21. I - план и разрез погребения 20; II -инвентарь погребений: 1 - бронзовая фибула, найденная рядом с погр. 20; 2 - костяной гребень из погр. 20; 3-7 -глиняные сосуды из погр. 20; 8,9 - глиняные сосуды из погр. 21.

Этнический состав носителей пшеворской культуры

Пшеворская культура (II в. до н.э. - начало V в. н.э.) относится к переломному периоду в истории народов Европы. В конце I тысячелетия до н.э. наступил упадок кельтской цивилизации, оказавшей огромное влияние на развитие культуры всей Европы. Воздействие этой цивилизации сказывалось в начальной фазе существования пшеворской культуры до середины I в.н.э., когда ла-тенский период на территории Польши сменился римским периодом, связанным с интенсивным влиянием Римской империи. В последние века до нашей эры и в первой половине I тысячелетия н.э. на землях Европы происходили массовые передвижения населения, сопровождавшиеся активными процессами смешения и ассимиляции, в результате чего исчезли некоторые древние и создались новые этнические общности.

Вопрос об этнической принадлежности пшеворского населения до сих пор остается спорным. Противоположные точки зрения, высказанные по этому поводу, о славянской - "венедской" принадлежности этого населения или о германской - "вандалской" его атрибуции в равной степени могут вытекать как из кратких и не совсем ясных данных письменных источников, так и из отдельных примеров, почерпнутых среди археологических находок, некоторые из которых могут быть связаны с местными традициями, другие находят параллели в германских культурах на севере и северо-западе Европы.

Значительным шагом вперед в разработке этого вопроса явился подход к культурам пшеворской и черняховской как к смешанным образованиям, оставленным разноэтничным населением. По отношению к пшеворской культуре такой подход был предложен еще в 30-х гг. Р. Ямкой, который считал, что для славян был характерен обряд погребения в ямах без урн и что славяне в это время были подчинены германцам, запрещавшим местным жителям носить оружие. В.В. Седов подразделил ареал пшеворской культуры на два региона.

В восточном из них, Висленском, по его мнению, преобладают захоронения в ямах с бедным инвентарем, не содержавшие оружия и оставленные славянами. В западном, Одерском, регионе господствуют урновые погребения, сопровождаемые оружием и многими предметами, не характерными для ямных захоронений (ножницы, ключи, замки, кресала и т. д.).

О сложном составе пшеворской культуры свидетельствует многообразие ее памятников и существенные изменения, происходившие на разных этапах развития культуры в погребальном обряде и в вещевом инвентаре, в формах и орнаментации посуды. Среди погребений пшеворской культуры были распространены трупосожжения в ямах без урн и в урнах (количество последних возрастает в раннеримском периоде и опять уменьшается в позднейших фазах), встречаются безинвентарные погребения и, напротив, содержащие множество сосудов (особенно в позднелатенский период), разнообразных украшений, бытовых предметов и оружия. Среди жилищ известны полуземлянки, квадратные или удлинённые в плане, и наземные дома. Глиняная посуда пшеворских памятников характеризуется богатством и разнообразием типов, которые существенно меняются со временем, а появляющиеся новые ее формы никак типологически не связаны с предшествующими. Все эти данные не подтверждают мнения, высказанного К.Годловским, о стабильном развитии пшеворской культуры, входившей в состав более или менее единой культурной провинции, охватывавшей всю Среднюю Европу. Более обоснованной кажется точка зрения А.Невенгловского о распространении в пшеворском ареале нового населения, приходившего сюда несколькими волнами. Это приводило к коренным изменениям в культуре, которые А.Невенгловский проследил на территории Мазовии в начале и конце позднелатенского периода (на рубеже II-I вв. до н.э. и в первых десятилетиях I в. н.э.) и в конце первой - начале второй фазы раннеримского периода (вторая половина I в.н.э.).

Если правильно предположение о сложном этническом составе населения, оставившего пшеворскую культуру, и о периодическом проникновении на ее территорию разноэтничных племен, то возможны попытки расчленения пшеворских памятников на отдельные компоненты, связанные с определенными этническими группами. Расселение пришлых племен по пшеворской области могло происходить таким же образом, как по данным письменных источников оно шло на землях Галлии, где пришедшие туда франки и бургунды занимали часть уже обжитой территории рядом с поселениями местных

жителей. При этом смешение населения происходило крайне медленно и в течение двухсот лет сохранялось двуязычие. При таком расселении, если процесс смешения жителей еще не зашел слишком далеко, разноэтничные памятники и отдельные комплексы на поселениях и могильниках могли располагаться чересполосно, что было прослежено на ряде могильников северной Франции.

В данной статье делается попытка дифференцировать пшеворские материалы не по локальным особенностям и не по целым могильникам или поселениям, а по отдельным закрытым комплексам - погребениям и жилищам. Для этого проведена корреляция по комплексам вещевых и керамических находок, особенностей погребального обряда и жилых сооружений. В результате выделены группы однородных комплексов, сопоставление которых с материалами местных более ранних культур и с памятниками соседних земель способствует выделению различных компонентов пшеворской культуры. Такая работа проделана лишь для нескольких памятников и поэтому рассматривается как предварительная постановка вопроса.

Корреляции материалов по комплексам предшествовала дробная типология пшеворской керамики. При этом учитывались все особенности сосудов, вплоть до мелких и на первый взгляд незначительных деталей. Вся посуда рассматривалась по основным категориям: горшки (сосуды, у которых диаметр горла меньше их высоты), горшковидные миски (у них диаметр горла почти равен их высоте), миски (сосуды с диаметром горла большим, чем высота), кружки с ручкой, кувшины, вазы с тремя и большим количеством ручек, сосуды с индивидуальными особенностями, крышки и сковородки. В каждой категории посуды выделены разновидности в зависимости от их профилировки: она может быть плавной, угловатой и расчлененной. Разновидности подразделены на типы, основанные на пропорциях сосудов - на расположении наибольшего расширения тулова в верхней или средней части сосуда. Типы в свою очередь делятся на подтипы, связанные с пропорциями диаметров дна и горла, диаметра наибольшего расширения и высоты сосуда, что приводит к выделению более высоких и низких сосудов, с открытым или закрытым горлом. Низшая градация сосудов, их варианты, основана на особенностях профилировки шейки, венчика и отдельных характерных деталях: прогнута или выгнута наружу стенка сосуда, имеется ли поддон, наличие орнамента. При учете всех перечисленных признаков, их различных сочетаний и комбинаций среди пшеворской посуды выделяется более 200 вариантов. Типология керамики является само-

стоятельной работой, требующей особого обоснования, здесь же при ведены лишь основные критерии, по которым такая типология проводилась.

При сравнении с материалами местных культур предшествующего времени и с синхронными материалами на соседних землях среди пшеворской посуды выделяется четыре группы. Каждая из этих групп имеет свои аналогии и прототипы, связанные с определенными культурами и территориями.

Группа I пшеворской посуды имеет многочисленные аналогии в местных культурах - позднелужицкой и подклешевой⁷. К ней, прежде всего, относятся сосуды с плавным профилем, округлыми слабо выступающими плечиками, короткой, прямой или слегка отогнутой шейкой, обычно неорнаментированные (рис. 1: 1-9). Среди них есть горшки и горшковидные миски, делящиеся на несколько подтипов и вариантов. Несмотря на определенную простоту, сосуды таких пропорций не были распространены в других культурах, нет их в поморских памятниках на севере Польши⁸. Эти сосуды широко представлены на позднелужицких могильниках, например, в Малусах Вельских и Земьянице⁹ и являлись ведущими формами в подклешевых памятниках, где они служили клешами-покрышками или урнами¹⁰. В пшеворских памятниках эти формы сосудов встречаются на протяжении всего времени их существования, от позднелатенского периода (в основном с его второй фазы) до позднеримского. Существование этой посуды в римское время обосновано К.Годловским и М.Б. Шукиным¹¹. Но, сосуды группы I известны и на позднелатенских памятниках: в погребении 32 на могильнике Вилянув вместе с фибулой варианта "М", в погребениях 52 и 41 на могильнике Весульки, в погребениях Гледзянувека, на могильнике Суходул в комплексе с позднелатенской керамикой, в комплексах I-II фаз на поселении Пи-вонице. Сосуды, по форме аналогичные группе I, являются наиболее характерными формами посуды пражского типа.

К группе I пшеворской посуды принадлежит еще ряд сосудов, имеющих прототипы среди керамики подклешевых памятников. Это высокие слабо профилированные сосуды с овальновыпуклыми туловом (рис. 1: 10-12), сосуды с выделенным цилиндрическим горлом (рис. 1: 13), сосуды с угловатым изгибом, расположенным в верхней части тулова (рис. 1: 14-16), сосуды с прогнутой или цилиндрической верхней частью, иногда снабженной валиком (рис. 1: 17-21). Многие из перечисленных сосудов встречаются только в ранних пшеворских комплексах и исчезают уже в раннеримское вре-

мя. Они несомненно продолжают местную традицию, но их нет на раннесредневековых памятниках пражской культуры.

Помимо сосудов группы I, еще многие сосуды из пшеворских комплексов могут быть связаны с традицией местных более ранних культур. Но форма этих сосудов мало выразительна, имеет соответствие во многих культурах латенского и римского времени -позднелужицкой, подклешевой, поморской, ясторфской, германских культурах на Эльбе и севере Европы. Среди этих сосудов есть невысокие горшки с широким дном (рис. 2: 1), горшки с цилиндрическим горлом, отделенным от тулова валиком, (рис. 2: 7), жбаны с двумя ручками (рис. 2: 8), многочисленные высокие и низкие миски с коническим туловом и часто загнутым внутрь краем, многие варианты кружек (рис. 2: 2, 6, 11-17). Все эти сосуды могут иметь разное происхождение и поэтому объединены в неопределенную группу IV. В зависимости от состава находок в комплексах, где эта посуда найдена, она может относиться к разным компонентам культуры.

Несмотря на сохранение довольно большого числа местных форм сосудов группы I и, возможно, группы IV, пшеворская керамика в целом с самого начала сложения культуры резко отличается от предшествующих керамических комплексов подклешевой культуры. На пшеворских памятниках распространяется много новых форм сосудов с особой орнаментацией и другой техникой изготовления, которые никак не могут быть связаны с развитием местных традиций. Аналогии вновь появившейся в пшеворской культуре посуде можно найти в двух разных в культурном отношении областях и с этим связано выделение среди пшеворской керамики еще двух групп - группы II и III.

Группа II пшеворской посуды представлена лепными сосудами, подражающими гончарной кельтской керамике. В группу входят высокие стройные сосуды с сильно выступающими округлыми плечиками и лощеной поверхностью (рис. 3: 1-3), сосуды, украшенные горизонтальными валиками или имеющие волнистую верхнюю половину (рис. 3: 4-8), сосуды с равномерно раздутым туловом, аналогичные по форме крашенной кельтской посуде (рис. 3: 9, 10), сосуды с прогнутым горлом, угловатыми плечиками, подражающие кельтской графитированной посуде (рис. 3: 11), слабопрофилированные сосуды разных форм с граненым ("фацитированным") венчиком (рис. 3: 12-16). Формы этих сосудов повторяют облик гончарной кельтской керамики, распространенной как на территории Чехословакии¹³, так и на землях самой Польши, в Силезии и Малой Польше¹⁴. Сосуды группы II

появились в самых ранних пшеворских комплексах и продолжали существовать до начала раннеримского периода (до середины I в.н.э.), что соответствует времени активного кельтского влияния на земли северной Европы.

Самую разнообразную по форме и орнаменташи группу в пшеворских комплексах составляют сосуды, аналогии которым находятся в памятниках германских племен, распространенных к западу, северо-западу и северу от пшеворского ареала. Эти сосуды объединены в группу III. В ее составе происходили резкие хронологические изменения, со временем появлялись новые формы, типологически не связанные с более ранними. Очень характерными для германских культур на огромной территории являлись округлобокие сосуды разных вариантов (рис. 5: 1, 2). Они встречаются в пшеворских комплексах на протяжении всего времени их существования и известны в латенское и римское время на землях Мекленбурга, Бранденбурга, Гольштейна, Норвегии, Швеции, Дании, Нижней Вислы, Тюрингии, Чехии, Моравии и Словакии. В позднелатенский период в пшеворских комплексах были распространены сосуды с прогнутым ступенчатым горлом (рис. 5: 4, 5), грушевидные сосуды (рис. 5: 6), сосуды с раздутым сферическим туловом (рис. 5: 3), имеющие соответствие в материалах ясторфской культуры¹⁵ и на Нижней Висле¹⁶. В конце позднелатенского периода число сосудов группы III в пшеворских комплексах резко возрастает, в основном за счет распространения новой разновидности сосудов с изломанным угловатым профилем (рис. 5: 12-21), которая была характерна для многих германских земель еще в раннелатенское время¹⁷. В начале раннеримского периода, с середины I в.н.э., на территории пшеворской культуры распространяются черные лощеные сосуды, украшенные меандром и имеющие равномерно раздутое тулово или выпуклую верхнюю часть (рис. 5: 7-11). Такие сосуды известны в германских памятниках на Эльбе, откуда они попадали в Чехию и на Нижнюю Вислу.

Со II в.н.э. и в позднеримском периоде характер пшеворского керамического комплекса резко меняется. Исчезают формы посуды, связанные с ясторфским и кельтским влияниями, получают распространение сосуды с широким утяжеленным дном, трехручные вазы, кувшины, сосуды на поддоне, сосуды, покрытые многими горизонтальными валиками (рис. 5: 22-29). Аналогии новым формам керамики также находятся в северных и северо-западных землях.¹⁸

Количественное соотношение выделенных групп керамики и время их распространения были различны. Посуда группы I, имеющая

местные корни и продолжение в раннесредневековой славянской культуре, сохраняла во всех периодах приблизительно одинаковое количество форм. Посуда группы II, подражающая кельтской, в большом количестве встречалась в позднелатенском периоде и постепенно выходила из употребления. Количество форм посуды группы III возросло с конца позднелатенского периода и стало особенно большим в римское время. Соотношение групп керамики показывает относительное однообразие и постоянство местных форм и разнородность пришлых, появившихся в результате внешних импульсов с разных территорий и в разное время.

При корреляции типов и вариантов пшеворской керамики между собой и с вещевыми находками выявляются комплексы, содержащие посуду только одной из выделенных групп. Каждая из групп керамики сопровождается своим набором инвентаря. В соответствии с этим выделяются три группы погребений. Смещения наблюдаются в основном с керамикой группы II - многие позднелатенские комплексы содержат посуду групп II и III, иногда групп II и I. Смешанные комплексы с керамикой и инвентарем I и III групп немногочисленны и относятся, главным образом, к позднеримскому времени.

Комплексы с керамикой группы II придают своеобразие пшеворской культуре, резко отличающее ее от более ранних подклешевых. Помимо совершенно новых типов посуды, в них часто содержится большое количество сосудов (на могильнике в Вилянуде* бывает до 20 сосудов в погребении), а также богатый и разнообразный инвентарь. В погребениях с этой группой посуды, кроме широко распространенных вещей (фибул, ножей, пряслиц), встречаются серповидные ножи, пинцеты, иглы, пряжки, поясные крючки, молотки, напильники, долота, клещи, ножницы, копья, умбоны и рукоятки щитов, мечи, шпоры, относящиеся к кельтским типам (табл. 1) (рис. 6: 14). На могильнике Весульки в комплексе с керамикой группы II найдена кельтская культовая палочка. На могильнике Ступск-Колония обнаружена кельтская поясная цепь, в Домановицах - кельтские бусы

* Данные о публикациях материалов пшеворских могильников см.: Никитина Г.Ф. Погребальный обряд полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н.э. - первой половине I тысячелетия н.э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н.э. - I тысячелетии н.э. М., 1974.

с личиной²⁰, в Капицах - кельтская фибула со звериной головкой²¹, в Задовицах - кельтские мечи, копья с орнаментом, поясные крючки, нотки с кольцом на рукоятке, пила, клещи, молоток²². Весь набор перечисленных вещей характерен для кельтских памятников Средней и Западной Европы²³, так же как и обычай помещать в погребения согнутые мечи и копья.

На кельтских могильниках Европы во II-I вв. до н.э. наряду с вытянутыми распространяются скорченные труположения и возрастает число трупосожжений, помещенных в ямы и в урны²⁴. Трупосожжения часто помещались в большие вытянутые ямы, такие же по форме, как и для ингумации. Эти же особенности погребального обряда характерны для пшеворских захоронений с посудой группы II. Среди них есть трупосожжения в длинных ямах (Кащице, Пиотрково Куявске, Добжанково и др.) и скорченные труположения (Адольфин, Бодзаново). Таким образом, пшеворские погребения группы II не только по керамике и инвентарю, но и по обряду погребения имеют соответствие в кельтских памятниках.

В позднелатенский период керамика группы II довольно часто встречается в одних погребениях с посудой группы III (табл. 1). В этих смешанных погребениях обнаружен такой же богатый инвентарь, как и с посудой группы II. Захоронений этого времени с керамикой группы III сравнительно немного, инвентарь в них разнообразен, но все же беднее, чем в группе II и в смешанных комплексах. Как и во всей пшеворской культуре позднелатенского периода, среди погребений с керамикой группы II в это время преобладают безурновые, хотя встречаются и урновые захоронения.

В ранне- и позднеримское время на пшеворских могильниках среди погребений, содержащих керамику и вещи, преобладают захоронения с посудой группы III. Благодаря находкам характерной керамики и разнообразных вещей, эти погребения кажутся доминирующими, хотя фактически на могильниках большую часть составляют погребения, не содержащие выразительных вещей и керамики и поэтому отнесенные к неопределенной группе IV. В это время в погребениях с керамикой группы III исчезают некоторые категории вещей позднелатенского периода (серповидные ножи, орудия труда, меняются типы фибул, копий, щитов, мечей, появляются новые вещи - ключи, замки и детали шкатулок, гребни, ведерковидные привески (табл. II, III. Рис. 6: 15). По составу инвентаря, так же, как и по типам керамики, эти пшеворские погребения связаны с кругом культур Средней и Северной Европы, но пшеворские погребения несколько богаче и в

них больше оружия²⁵. В связи с этим можно вспомнить, что в германских погребениях на территории Галлии оружие встречается чаще, чем на Рейне и Эльбе²⁶.

Комплексы керамики и вещей, относящиеся к группе III, сопровождают погребения с разным обрядом - с трупосожжениями и со скорченными или выпянутыми труположениями (например, на могильнике Бодзаново). Обряд ингумации распространился в южных областях Тюрингии еще в позднелатенское время и уже в I в.н.э. проник далеко на север вплоть до островов Борнхольм и Готланд, что, по мнению многих исследователей, было связано с вельтским влиянием на германское население²⁷. Детали обряда трупосожжения - помещение его остатков в яму, в урну с остатками погребального костра или без них - известны на могильниках разных земель и являются характерными для многих культур. Более специфическими можно считать такие особенности обряда, как применение каменных конструкций, помещение костей животных и птиц. Эти особенности встречаются в погребениях германского населения и при захоронениях группы III в пшеворских могильниках²⁸.

Погребения с керамикой группы I выделяются среди захоронений групп II и III не только по типам посуды, но и по ее небольшому количеству в каждом погребении, по бедности и однообразию инвентаря и по особенностям обряда (рис. 4, 6: 1-13). Эти погребения встречаются во всех периодах существования пшеворской культуры, но их немного и на больших могильниках они составляют ничтожный процент.

В позднелатенское время по одному-трем погребениям этой группы обнаружено на могильниках Гледзянувек, Карчевец, Весуль-ки, Белявы, Загожин. В таких погребениях обычно находится не больше двух сосудов - один из них группы I и второй принадлежит к неопределенной группе IV (кружка, миска). Во всех этих погребениях не найдено вещей, кроме фибул (табл. 1). Вполне возможно, что число погребений группы I в этот период было значительно большим. Так, на могильнике Гледзянувек, на котором в трех захоронениях (№ 6, 27, 42) найдена посуда группы I, еще в 10 погребениях находились лишь сосуды-кружки группы IV (№ 10, 15, 23, 25, 28, 33, 39, 48, 50, 51). Во всех этих погребениях не было никакого инвентаря, кроме единичных фибул (рис. 4). Эти особенности отличают могильник в Гледзянувке от синхронных ему памятников с керамикой групп II и III, содержащих большое количество сосудов и разнообразных вещей, и напротив, он оказывается близким и по на-

ходкам и по обряду погребения (трупосожжения в небольших ямках) к комплексам с керамикой группы I. К. этой же группе, вероятно, можно отнести ряд погребений на могильниках, расположенных рядом с более ранними подклешевыми захоронениями. В Бодзанове открыты подклешевые погребения, в которых найдена посуда, близкая группам I и IV. Здесь же раскопано 12 позднелатенских трупосожжений (№ 2,6,7,9,11,12,15-18), содержащих только кружки группы IV, того же типа, что и в подклешевых захоронениях и на могильнике Гледзянувек. Никакого инвентаря при этих погребениях не было. На могильнике явно ощущается сохранение местных традиций и по отсутствию инвентаря, и по тем же формам посуды, и по обряду (среди подклешевых погребений также распространены захоронения в урнах и просто в ямках). Это подчеркивается и тем, что на том же могильнике находилось еще четыре трупоположения, содержащих керамику группы II и многочисленные вещи - пинцет, игла, копье, фибулы. Эти трупоположения резко выделяются среди остальных захоронений на могильнике и являются явно чуждыми местной традиции. Такая же картина наблюдается на могильнике Суходул, где в подклешевых трупосожжениях найдена посуда, близкая группам I и IV, и такая же посуда встречена в пшеворских позднелатенских трупосожжениях. Но в последних находилась еще посуда группы II (погребения № 7, 10) что собственно и отличает эти погребения от подклешевых. При захоронениях нет вещей, кроме одной фибулы, что дает право отнести эти захоронения к группе I, а не II.

Особенности могильников в Водзанове и Суходоле подчеркиваются находками на могильнике в Капицах. Здесь также рядом с подклешевыми захоронениями, содержащими керамику групп I и IV, расположены позднелатенские погребения (№ 2, 3, 6-8), но керамика в них была совсем иной и относилась к группе II. Эти погребения были совершены в длинных ямах и сопровождалась разнообразным инвентарем (мечи, копья, шпоры, части щитов, иглы, ножи), что явно свидетельствует о смене традиций и, вероятнее всего, о появлении здесь нового населения.

По аналогии с погребениями на могильниках в Бодзанове и Суходоле к группе I могут быть причислены и некоторые другие захоронения позднелатенского времени, содержавшие керамику группы IV и не сопровождаемые вещевыми находками, кроме единичных и широко распространенных во всех группах фибул, ножей и пряслиц. Такие погребения известны на могильниках Задовице, Карчевец, Пиотрково-Куявске (см. табл. 1). Близки к этой же группе погребения, в которых

обнаружена посуда смешанного состава групп I и II. Как правило, в этих захоронениях почти нет инвентаря, кроме фибул и ножей (Загожин, Вилянуп, Хрзянуп Малый, Весульки, Кавчицы).

В ранне- и позднеримское время к группе I относятся единичные погребения на многих могильниках (табл. II, III). Все они содержат сосуды группы I и очень мало вещевого инвентаря. Эти погребения или совсем безинвентарные, или в них находится только фибула, нож, пряслице (рис. 6: 1-13). В позднеримское время количество инвентаря в таких погребениях несколько возрастает, в них появляется оружие - копья и щиты, но никогда не встречается снаряжение всадника - шпоры и мечи. Наибольшее количество погребений группы I пока известно на могильнике Спицьмеж (46 захоронений) и Задовице (18 захоронений). Возможно, их было довольно много на могильнике Гаць около Пшеворска. Хотя материалы этого могильника не изданы должным образом, но по описаниям погребения с "простыми" урнами и без инвентаря могут быть отнесены к группе I. Различие в составе инвентаря между погребениями с керамикой групп I и III на могильнике Спишмеж показаны на рисунке 7. Приблизительно такое же распределение материалов наблюдается и на могильнике Гаць.

В позднеримское время появляются смешанные захоронения с керамикой групп I и III. В них, как правило, найдено много вещей того же состава, что в погребениях группы III (табл. III). Всего смешанных погребений сравнительно немного, около 20.

Все погребения с керамикой группы I совершены по обряду трупосожжения. Пережженные кости складывались в урны или в ямки, обычно небольшие округлые, иногда накрывались сосудом - клешем (Карчевец, Жренице, Задовице, Кожень). Такой же обряд погребения был распространен в подклешевой культуре, на могильниках которой наряду с захоронениями под клешем встречаются урновые и безурновые трупосожжения. Количество безурновых погребений на подклешевых могильниках со временем возрастает, особенно широко они представлены на территории Мазовии. В подклешевых погребениях, как и в пшеворских группы I, вещевые находки единичны.

После выделения перечисленных трех групп погребений на всех рассмотренных могильниках остаются еще неопределимые захоронения, отнесенные к группе IV. Они содержат или неопределимые обломки посуды, или сосуды, общие для всех групп, и неопределенный вещевой инвентарь (фибула, нож, пряслице, иногда

копье, остатки щита). Таких погребений насчитывается на могильниках до 40-60%, то есть они образуют большинство среди раскопанных погребений. Так, на могильнике Спицьмеж они составляют до 55%, в Домарадзицах даже около 70%, тогда как на могильниках в Вилянове их всего 12% и в Млодзикове приблизительно 10%. По количеству и составу инвентаря эти погребения ближе к группе I. Но в то же время безинвентарные погребения были широко распространены на всех окружающих землях. На нижней Висле на могильнике Варшково их насчитывается до 50%, в междуречье Одера и Эльбы до 50-60%, а в Скандинавии количество таких погребений доходит иногда до 90%. Следовательно, погребения группы IV нельзя отнести ни к одной из выделенных пшеворских групп, их приходится считать неопределенными.

На могильниках погребения разных групп обычно располагаются вперемешку, что вероятно характерно для памятников, оставленных разным населением³². Но в начальной фазе возникновения могильников в ряде случаев выделяются отдельные скопления погребений, возможно принадлежавших разноэтничному населению. Так, на могильнике Бодзаново в позднелатенский период имеется два изолированных скопления погребений, расположенные рядом с подклешевыми. В одном из них содержатся труположения с кельтски инвентарем и посудой группы II, второе состоит из трупосожжений без сопровождающего инвентаря и простой керамикой, принадлежавших, по видимому, к группе I (рис. 8: 1). На этом же могильнике в раннеримский период также видны скопления погребений, но их характер в это время меняется и по материалам они относятся к группам III и IV (рис. 8: 2).

На поселениях, раскопанных и опубликованных в гораздо меньшей степени, чем могильники и, кроме того, содержащих в основном фрагментарные керамические материалы, выделение комплексов разных групп встречает еще большие трудности. Но все же в какой-то мере и на поселениях материалы распадаются на те же группы, что и на могильниках (рис. 8). Так, на поселении Пивонице³³ в первой фазе (I в. до н.э. - I в.н.э.) выделяются комплексы с керамикой групп II и I/II, во второй - четвертой фазах (II - IV вв.) встречаются комплексы с материалами групп I и III, но смешение этих групп в одном комплексе наблюдается только на заключительной фазе жизни поселения (фаза V, жилище 7). Все жилища с посудой группы I представляли собой прямоугольные, почти квадратные полуземлянки с очагами, часто сложенными из камней (фаза

I: жилища № 1, 3, 20, 89, фаза II: жилища № 1, 27, фаза III: жилища № 1, 2, 4, 10, 12, 44, 74, фаза IV: жилища № 4, 5, 65, 112). Жилища с материалом групп II и III представлены овальными или прямоугольными углубленными помещениями, у которых длина больше, чем на I м превышает ширину (3,5 x 6 м, 4 x 5,6 м и т. д.). В этих жилищах встречалось много обломков глиняной обмазки стен и отопительные устройства представляли собой очаги из глины или глиняные печи (фаза III: жилище № 31). В жилищах с посудой группы III найдены вещи, характерные для погребений с этой же группой керамики игла, пряжка, копье, ключи, обломки шкатулки).

На поселении Пивонице в первой фазе жилища с материалами I/II и II групп располагались вокруг незастроенной площадки и на отдельном участке находилось скопление хозяйственных ям и построек, что свидетельствует как будто о совместном ведении хозяйства всеми жителями поселка. В дальнейшем рядом с постройками группы I появились помещения с материалом группы III. В третьей фазе жилища группы I занимали центральную часть поселения, а вокруг них находились жилища группы III.

Жилища разных групп выделяются и на поселении Вулька Лясец-кая³⁴. Здесь посуда группы I найдена также в квадратных полуземлянках № 1, 2 (2,7 x 3 м, 2,5 x 2,7 м) с каменными очагами и в большом, вероятно, общественном доме (16,2 x 8,5 м), внутри которого находилось два очага. Тогда как посуда группы III происходит из прямоугольных удлиненных домов с глиняными очагами (размеры домов: 2,5 x 5 м, 3,6 x 4,8 м и т. д.) и вероятно тоже из общественного дома размерами 15 x 7 м. На поселении дома разного типа и с различными группами посуды занимают отдельные участки - восточный и западный, в каждом из которых находился и свой общественный дом.

Квадратные полуземлянки с очагами из камней и с материалом группы I обнаружены на ряде поселений бассейнов Одера и Вислы (Гархалине, Грошовице, Мацкувка, Вербковице-Которово) и на Верхнем Поднестровье (Подберезы, жилища 9,10, Сокольники, жилище 6).³⁵ Удлиненные дома с глиняными очагами и глиняной обмазкой стен открыты на поселениях Данково, Добжиковице, Грудек Надбеж-ный, Весульки, Латково, Хоруля, Коцчелиска. Материал из этих жилищ относится к группе III.

Характерные для комплексов группы I квадратные полуземлянки были известны уже в подклешевой культуре (Коморники, Брест Куяв-ский). На поселении этой культуры в Кусичах Брестской области

квадратная полуземлянка имела размеры 4 x 4,5 м и на ее полу был сложен из камней очаг³⁶. Таким образом, пшеворские жилища группы I продолжают местные более ранние традиции. Вполне возможно, что на этой территории зародилась техника сооружения печей из камня. Так, уже в период среднего латена на поселении Осечница в бассейне Одера находилась печь, сложенная из камней³⁷. Каменные печи раскопаны на многих пшеворских поселениях, но помещены они обычно за пределами жилых помещений.

Удлиненные жилые постройки разной планировки были широко распространены на германских поселениях в бассейнах Рейна и Эльбы. Здесь известны и квадратные постройки, но они, как правило, служили для хозяйственных целей³⁸. Именно в германских землях находятся параллели для удлиненных пшеворских домов, содержащих посуду группы III.

Особый тип представляют собой жилища на кельтских поселениях Силезии и кельто-пшеворских памятниках Малой Польши. На поселениях Нова Церква, Далевце, Бежанув, Кракув-Кжеславице, Пель-чиско, керамика которых близка группе II, раскопаны удлиненные дома, имевшие по одному столбу посередине узкой торцовой стороны³⁹. Углубленные и наземные дома со столбом в торцовой части здания известны на кельтских поселениях Чехии⁴⁰, что еще раз подчеркивает связи пшеворского населения с кельтами.

Рассмотренные материалы показывают, что на поселениях, как и на могильниках, выделяются три группы комплексов, имевших свои особенности в керамике и в конструкции жилых сооружений. В отличие от могильников, на поселениях чаще встречается керамика группы I, кроме того, известны поселения только с такой посудой. Тогда как керамика группы II в меньшей мере представлена на селищах и ее находки концентрируются в верховьях Вислы, где в основном и исследовались поселения позднелатенского времени.

Выделенные на поселениях и могильниках группы комплексов имеют свои особенности и разное происхождение. В памятниках с посудой группы I прослеживаются местные традиции подклешевой культуры, которые проявляются в обряде погребения, в конструкции жилых сооружений, в керамике, в простоте и немногочисленности погребального инвентаря. Свое дальнейшее развитие эта группа имеет в славянской раннесредневековой культуре пражского типа, для которой характерны те же черты - небольшие неукрепленные поселения, квадратные жилища-полуземлянки со столбовой конструкцией стен, ото-

пительные сооружения из камней, небольшие могильники с остатками трупосожжений, помещенных в ямки и урны, отсутствие специфических украшений, аналогичная по форме, пропорциям и орнаментации лепная посуда. Различия между пшеворскими памятниками с посудой группы I и пражскими имеют хронологический характер. Со временем исчезают модные для римского периода фибулы, усовершенствуется планировка жилищ, вместо каменных очагов и каменных печей, расположенных за пределами домов, появляются печи-каменки, устроенные внутри помещения. Как хронологическую особенность можно рассматривать также изменение обработки поверхности сосудов - исчезновение лощеной и нарочно ошершавленной поверхности, что повсеместно выходит из употребления в раннем средневековье. По-видимому, веянием времени и различными влияниями можно объяснить и распространение в пшеворских погребениях с керамикой группы I обычая помещать в могилу оружие - копья и щиты, что не характерно для пражских захоронений. Но именно это оружие являлось традиционным у венедов и славян VI в.⁴¹ Несмотря на некоторые хронологические изменения в культуре, археологические методы доказательств, прежде всего ретроспективный метод, позволяют связывать пшеворские памятники с посудой группы I с культурой пражского типа и считать их славянскими.

В пшеворских памятниках с керамикой группы II и III отчетливо видны новые черты, не связанные с местными традициями. Эти черты проявляются во всех сторонах материальной культуры и обычаях населения - в погребальных обрядах, в домостроительстве, в распространении новых вещей и в обычае помещать их в захоронения, в том числе согнутое и вбитое в землю оружие, в употреблении новых и необычных форм посуды. Все эти черты имеют соответствие в кельтских и германских землях. Близость прослеживается не по отдельным элементам, а во всех проявлениях культуры. Такие резкие изменения традиционной культуры и обычаев не могли быть вызваны только внешними влияниями, но должны быть связаны с проникновением в Висло-Одерское междуречье нового населения. Оно расселялось по-видимому несколькими волнами. Первая из них появилась во II в. до н.э. и была связана с продвижением кельтов, принесших свою культуру и постепенно смешавшихся с местным населением. По мнению Я. Розен-Пшеворской, традиции кельтов проявились в материальной и духовной культуре населения Польши и были настолько сильны, что их нельзя сравнивать с влияниями других народов.⁴² Почти одновременно с кельтской культурой в Висло-

Одерском междуречье распространились некоторые черты, свойственные германским памятникам. Но для позднелатенского времени нельзя определенно судить, появилось ли на этой территории германское население, так как особенности германских культур могли попасть на территорию Польши вместе с кельтами из Тюрингии, где в это время находилась кантактная зона со смешанной кельто-германской культурой⁴³.

Следующие волны расселения происходили в начале I в. н.э. и во II в. н.э., когда на пшеворской территории появились памятники с чертами, свойственными германским культурам. В то же время такого сочетания всех элементов, как в пшеворских комплексах группы III, не обнаруживается в западно- и северо-западных германских землях и не ясно, откуда именно германское население могло прийти на Одер и Вислу. Это вероятно связано с тем, что в римский период к западу от Одера существовало множество локальных групп, границы между которыми беспрестанно менялись⁴⁴, что вызывалось активными переселениями германских племен. По мнению К. Годловского, все земли к северу от Дуная по Эльбе, Одеру, Висле вплоть до Дании и Южной Скандинавии входили в одну культурную зону, развитие в которой происходило почти синхронно и где выделяются лишь субпровинции - эльбская, вельбарская и пшеворская⁴⁵. На карте Клавдия Птолемея (II в. н.э.) территория современной Польши до Вислы занята различными германскими племенами, которые вероятно были сильно перемешаны⁴⁶. Таким образом, по письменным и археологическим данным между Одером и Вислой расселялись германские племена, что нашло свое отражение в пшеворских памятниках с материалами группы III.

Количественное соотношение разных групп населения, оставивших пшеворскую культуру, определить не представляется возможным. Во-первых, почти на всех памятниках имеются неопределимые комплексы (группы IV), которые часто составляют почти половину раскопанных. Они могли принадлежать любой из этнических групп и, следовательно, формальные подсчеты среди определимых комплексов не отразят реальную картину расселения. Во-вторых, при совместном существовании на одной и той же территории разного населения заимствования и подражания неизбежны и по единичным элементам нельзя категорически говорить об этнической принадлежности отдельных комплексов. В данном случае основное значение имеет само наличие разных, сравнительно четких и выдержанных групп комплексов,

связанных с разноэтничным населением.

Несмотря на кажущееся незначительным количество славянских комплексов с посудой группы I в пшеворских памятниках (пока выделено около 100 погребений) их все же насчитывается значительно больше, чем известных на территории Польши раннесредневековых бескурганых трупосожжений (последних известно не более 10 в четырех пунктах). Это может быть связано с трудностями выявления славянских захоронений, не содержащих выразительного и обращающего на себя внимания инвентаря. Все же, по-видимому, постоянный славянский компонент в пшеворской культуре был довольно многочисленным и мало смешивался с другими этническими группами.

Таблица I

Количество погребений с керамикой разных групп на пшеворских могильниках
позднелатенского периода

Могильники	Количество погребений с керамикой групп				Фибула	Нож	Копье	Пинцет	Игла	Пряжка	Серповидн. нож	Ножницы	Пряслице	Щит	Шпора	Меч
	I	IV	II	III												
Белявы	2															
Весульки	2				+											
Гледзьянувек	3				+											
Загожин	1															
Карчевец	2				+											
Бодзаново	12															
Гледзьянувек	10				+											
Задовице	3															
Карчевец	2				+	+										
Пиотрково-Куявске	5				+	+										
Виянув	6	6			+	+										
Гледзьянувек	1	1														
Загожин	3	3														
Суходул	2	2														
Бодзаново		4			+	+	+	+	+							
Виянув		20			+	+	+	+		+	+		+			
Добжанково		5			+		+			+						+
Карчевец		65			+		+	+	+	+						+
Кашице		5				+	+	+						+	+	+
Пиотрково-Куявске		8			+	+		+	+	+	+					
Виянув		50	50		+	+	+	+	+	+			+			+
Добжанково		7	7		+	+	+			+	+		+	+		+
Карчевец		24	24		+		+								+	
Пиотрково-Куявске		8	8		+	+	+	+	+	+			+	+		+
Виянув			12		+	+	+	+	+		+		+			
Карчевец			10		+		+	+	+							
Пиотрково-Куявске			3		+			+		+						

Таблица II

Количество погребений с керамикой разных групп на

Могильники	Количество погребений с керамикой групп		фибула	Пряслище	Копье	Нож	Гребень	Игла	Ведро	Щит	Пряжка	Булавка	Замок, ключ	Меч
	I	II												
	Бжежце	2												
Гощерадув	2		+											
Гродзиск Мазов	3													
Жренице	1													
Задовице	7		+	+										
Кавчицы	4		+	+										
Карчевец	1		+											
Криспинув	1													
Млодзиково	3		+	+	+									
Млодзиково	I	I			+	+	+							
Спишьмеж	I	I												
Хоруля	I	I	+		+		+	+						
Бодзаново		3	+				+							
Добжанково		4	+	+			+		+				+	
Жренице		1	+									+		
Карчевец		13	+		+		+		+					
Пiotрково- Куявске		4	+	+			+						+	+

Количество погребений с керамикой разных групп на

Могильники	Количество погребений групп		Фибула	Нож	Гребень	Копье	Щит	Пряслице	Топор	Ведро	Пряжка	Игла	Шпора	Замок, ключ	Ножницы	Меч
	I	II														
Задовиче	II		+	+	+	+										
Кожень	2															
Копки	2															
Млодзиково	I															
Спицьмеж	46		+	+	+	+	+	+	+	+						
Щеджик	I															
Щитно	2							+								
Брониславы	I						+									
Домарадзин	I															
Гоцерадув	I		+		+											
Залев	I				+											
Криспинув	I		+		+			+								
Домарадзице	I	I				+	+									+
Заспы	I			+		+	+									+
Копки	I	I	+	+	+	+				+						+
Млодзиково	5	5	+	+	+			+		+		+	+	+		
Опатув	I	I	+	+	+	+	+	+		+						
Садовие	I	I	+	+			+	+		+						
Спицьмеж	6	6	+	+		+	+	+		+						+
Тарнув	I			+	+	+					+		+			
Домарадзин		5	+		+			+					+			+
Домарадзице		3	+	+	+			+		+	+					
Копки		25	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	+	+	+
Млодзиково		224	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Щитно		10	+				+	+				+				
Тарнув		40	+	+	+			+	+	+	+	+	+	+	+	
Конин		69	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Спицьмеж		71	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

1. Jamka R. Cmentarzysko w Kopkach pow.Niski na tle okresu rzymskiego w Malopolsce zachodniej // Przegląd archeologiczny. T. V. Z.1. Warszawa, 1933. S. 59-60.
2. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 53-74.
3. Godlowski K. Z badan nad zagadnieniem rozprzestrzenienia slowian w V-VII w.n.e. Krakow, 1979. S. 12.
4. Hieweglowski A. Mazowsze na przelomie er. Wroclaw-Warszawa-Krakow-Gdansk, 1972. S. 9-190.
5. Неусыхин А.И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI-VIII вв. М., 1956. С. 73-74.
6. Bohme H.W. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts. Munchen, 1974. S. 166-194, Разрничение погребений германцев и местных жителей было проведено по наличию оружия (мечей) в мужских и двух фибул в женских захоронениях германцев. Керамика для этой цели не рассматривалась (С.133).
7. Вопрос о существовании особой подклешевой культуры, отличающейся от поморской, спорен. Но к этой мысли склоняются многие польские исследователи (Kostrzewski J. Dwa cmentarzyska kultury pomorskiej w Dabowku Nowem, w pow. Wyrzyskim, i w Warszkwie III pow. Morski // WA. T. XII. 1933. S. 82-95; Bukowski Z. Wschodni zasięg form kloszowych i pomorskich // AP. T.XII. Z. I. 1967. S. 354-377; Chomentowska B. Cmentarzyska kultury pomorskiej na Mazowszu // Swiatowit. T. XXX. Warszawa, 1970. S. 235-240).
8. Luka L. Kultura wschodniopomorska na Pomorzu Gdanskim. Wroclaw, Warszawa, Krakow, 1966; Kostrzewski J. Pradzieje Pomorza. Wroclaw, Warszawa, Krakow, 1966. S. 83-93.
9. Salewicz K. Cmentarzysko luzyckie w Malusach Wielkich i zagadnienie zwiazkow kultury luzyckiej z tzw. kultura grobow kloszowych. Wiadomosci archeologiczne. T.XVI. Warszawa, 1939. S. 58-73; Bobrzanska E. Poznahalsztackie cmentarzysko cialo-palnie w Ziemlecicach w pow. gliwiokim // Przegląd archeologiczny. T. XIII. 1961. S. 150-174.
10. Gadzikiewicz M. Wybrane zagadnienia z badan nad kultura grobow karszowych // WA. T. XX. Z. 2. 1954.
11. Godlowski K. The chronology of the late Roman and early migration periods in Central Europe. Krakow, 1970. S. 20-27:

Щукин М.Б. Археологические данные о славянах II-IV веков. Перспективы ретроспективного метода. АСГЭ. Вып. 17. 1976. С. 72-76.

12. Balcer B. Materiały kloszowe z województwa Kieleckiego w zbiorach państwowego muzeum Archeologicznego w Warszawie // WA. T. XXVII. Z. 2. 1961. Tabl. LIX-1, 8; Chomentowska B. Cmentarzyska kultury pomorskiej na Mazowszu // Światowit. - T. XXX. Warszawa, 1970. Tabl. 1-8, III-10; Dąbrowska T. Próba ustalenia chronologii względnej cmentarzysk kloszowych z obszaru Mazowsza // WA. T. XLII. Z. 2. 1977. Tabl. 1-IV; Gadzikiewicz M. Wybrane ... Tabl. XVII; Gadzikiewicz-Woźniak M., Miskiewicz J. Cmentarzysko kultury lużyckiej i grobów kloszowych z Nidy, pow. Kielce // MSW. T. IV. 1977. Tabl. III-12, X-6; Kietlińska A., Mikłaszewska R. Cmentarzysko grobów kloszowych we wsi Transbor, pow. Minsk Mazowiecki // MS. T. IX. 1963. Tabl. XXI-12; Podkowińska Z. Cmentarzysko grobów podkloszowych w Siannie, w pow. Sochaczewskim // WA. T. IX. Z. 3-4. 1925. Tabl. 1-5; Rozanska H. Sprawozdanie z badań ra-towniczych na cmentarzysku w Sochaczewie za lata 1959-1960 // WA. T. XXVIII. Z. 2. 1962. Tabl. XXXIX-2, 3; Sawicka I. Groby kloszowe we wsi Sniadków Góry // WA. T. XXVII. 1962. Rys. 3-5, 9-10; Węgrzynowicz T. Ślady dawnego osadnictwa na Tar-gówki w Warszawie // WA. T. XXVIII. Z. 2. 1962. Tabl. XXII-XXIII; Zawadzka B. Cmentarzysko grobów kloszowych w Warszawie-Henrykowie // MS. T. X. 1964. Tabl. I- XV.
13. Filip J. Keltové ve střední Evropě. Praha, 1956. Obr. 66, 67, 78. Tabl. LXV-1, 11. LXXIX-2, LXIII-4, CXIII, CXIII-10, CXXII-4, CXXXII-10; Benadik B., Vleček E., Ambros C. Kelt-ske pohrebiska na juhozápadnom Slovensku. Bratislava, 1957. Tabl. VI-7, XVII-25, XX-4; Rybova A. Keramika na rovinnych osadach vyhodných Čech v dobe latenskej // Památky archeologické. T. IX. 1969. Obr. 1-23.
14. Woźniak Z. Osadnictwo celtyckie w Polsce. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1970. S. 89-98, 110-134. Tabl. V-XXI; Rosen-Przeworska J. Tradycje celtyckie w obrzędowości protosłowian. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1964. S. 98; Rosen-Przeworska J. Spadek po Celtach. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdansk, 1979, S. 19-50.
15. Behrends R.H. Schwissel. Ein Urnengraberfeld der vorrömischen Eisenzeit auf Holstein. Heumünster, 1968. Taf. 25-4,

- 164-1388, 217-1849, 55-310; Eggers H.J. Die Mittel-Laten-zeit in Mittelpomern // Baltische Studien, Neue Folge, 43, Hamburg, 1955. Taf. 1-a, 2-a,b; Heiner R., Behrends R.H. Schwissel. Neumunster, 1968. Taf. 25-4; Keiling H. Kolbow. Bin Urnenfriedhof der vorromischen Eisenzeit im Kreis Ludwigslust. Berlin, 1977. Taf. 25-4; Schmid P. Die vorromische Eisenzeit im nordwestdeutschen Küstengebiet // Schriftenreihe der Niedersachsischen Landestelle für Marschen und Wurtenerforschung, Band 6, Hildesheim, 1957. Taf. 22-13.
16. Keiling H. Fundgut von einem Urnenfriedhof der vorromischen Eisenzeit bei Granzow, Kreis Neustrelitz // Bodendenkmalpflege in Mecklenburg, Jahrbuch 1969, Berlin, 1970. Abb. 132- B; Schindler R. Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im unteren Weichselraum. Leipzig, 1940. Abb.3-3, 6-7; Die vorromische ..., Taf. 22- 9; Schuldt E. Perdohl. Eine Urnenfriedhof der späten Kaiserzeit der Völkerwanderungszeit in Mecklenburg. Berlin, 1976. Taf. 23-270; Stenbergen M. Det forntida Sverige. Stockholm, 1964. Fig.188.
17. Baumann W., Mania D. Germanische Holzbrunnen aus dem 1. Jahrhundert u.z. von Königsaul, Kr. Aschersleben // Jahres-schrift mittel deutsche Vorgeschichte, 53, 1969. Abb. 5-9; Genrich A. Formenkreise und Stammesgruppen in Schleswig-Holstein nach geschlossenen Funden des 3. bis 6. Jahrhunderts. Neumunster, 1954. Taf. 7- A1; Grunert H. Römische Kaiserzeit Inhaltsverzeichnis // Ausgrabungen und Funde. 21. Berlin, 1976. Abb.1- 8; Gustavs G., Das Urnengrabungsfeld der Spät-latenzeit von Grafenheinichen. Kr. Gagenheinichen // Jahres-schrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte. Band 59. Berlin, 1976. Abb. 14- 56, 11- 35; Haarnagel W. Vorläufiger Bericht über das Ergebnis der Wurtengrabung der Feddersen Wierde bei Bremerhaven // Germania. 35. H. 3/4. 1957. Taf. 9-24; Klindt-Jensen O. Foreign influences in Denmark's early Iron Age. Kobenhavn, 1950. Fig. 120a; Klindt-Jensen O. Bornholm i folkevandringstiden. Kobenhavn, 1957. Fig. 192-13; Leube A. Skandinavische Beziehungen im Gebiet zwischen Wismarer Bucht und Usedom während der römischen Kaiserzeit // ZfA. 9. Berlin, 1975. Abb. 5-d, 6-d; Mildnerberger G. Die Thüringischen Brand-graber der Spätromischen Zeit. Köln, Wien, 1970. Taf. 31-11; Meyer E. Die Germanischen Bodenfunde der Spätromischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit in Sachsen.

- Berlin, 1971. Abb.139; Schach-Dorges H. Die Bodenfunde des 3. bis 6. Jharhunderts nach Chr. zwischen unterer Elbe und Oder // Offa-Bucher. 23. Neumunster, 1970. Abb. 14, 30-2; Zol-ler D. Die Ergebnisse der Grabung Gristede Kr.Ammerland // Neue Ausgrabungen und Forschungen in Niedersachsen. 4. Hil-desheim, 1969. Abb.8-2.
18. Albrechtsen E. Fynske jernaldergrave. 1968. Fig. 90-c, 110-d, 135-c; Behrends R.H. Schwissel ... Taf.-9; Meyer E. Die ger-manischen Bodenfunde Abb.52-1; Mildenerger G. Die Thurin-gischen Brandgraber ... Abb. 11-e; Nylen E. Die juingere vor-romische Eisenzeit Gotlans. Uppsala, 1955. Fig. 220; Oxent-stierns E. Die Urheimat ... Abb. 89, 139; Schindler R. Die Besiedlungsgeschichte ... Taf. 19- 13, 41-16; Schuldt E. Per-dohl ... Taf. 4-26, 14-148, 10-91, 43-564; Schuldt E. Prit-zier. Ein Urnenfriedhof der spatn romischen Kaiserzeit in Mecklenburg. Berlin, 1955. Abb. 174; Stjernqist B. Simris. On cultural of Scania in the Roman Iron Age // Acta archaeolo-gica Lundensia, series 4. N 2. Bonn-Lund, 1955. Taf. XV-1.
19. Dabrowscy I., K. Cmentarzysko z okresow poznolatenakiego i wplywow rzymskich w Wesolkach, pow. Kalisz. Wroclaw, Warazawa Krakow, 1967. S. 81.
20. Kolodziejcki A. Badania cmentarzyska w Domanowicach, pow. Glogow, w latach 1964-1971 // Sprawozdania archeoiogiozne. XXV. 1973. S. 113-134.
21. Musianowicz K. Halsztacko-latenskie cmentarzysko w Kacicach, pow. Pultusk // WA. T. XVII. Z. 1. Warszawa, 1950. S. 40-44.
22. Kaszewska E. Materialy z cmentarzyska w Zadowicach, pow. Kalisz // Prace i materialy Muzeum archeologicznego i et-nograficznego w Lodzi, seria archeologiczna. N 11. Lodz, 1964.
23. Filip J. Keltove ... S. 77-176.
24. Filip J. Keltove ... S. 304, 479, 502-508; Benadik B. Zur Frage von chronologischen Beziehungen der keltischen Graber-felder in der Slowakei // Slovenska archeologia. R. XI, c. 2. 1963. S. 385; Wozniak Z. Osadnictwo celtyckie ... S. 60, 281-340; Geld M. Graber der Latenekultur in Kietrz, Bezirk Opo-le // Beltrage zum Randbereich der Latenekultur. Warszawa-Krakow, 1978. S. 9-72.
25. Godlowski K. Strefy kulturowe w okresie rzymskim w Europie Srodkowej // Prace archeologiczne. 22. 1976. S. 14-16.

26. Bome H.W. Germanische Grabfunde ... S.190.
27. Voigt T. Bemerkungen zu latenezeitlicher Problematik im Elb-Saale-Gebiet und in Mitteleuropa // Alt-Thuringen. T. 6. 1963. S. 385; Otto K.H., Grunerr H. Das Verhalten der Germanen zur Schreibentopfererei in der vorromischen Eisenzeit // Jahresschrift für mitteleuropäische Vorgeschichte. Band 41/42. Halle, 1958. S. 395; Albrechtsen E. Fynske jernaldergrave ... S. 344; Oxentstierna E. Die Urheimat ... S.170.
28. Г.Ф.Никитина. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н.э. - первой половине I тысячелетия н.э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н.э. - I тысячелетии н.э. М., 1974. С. 81, 85, 79, 89.
29. Kietlinska A., Miklaszewska R. Cmentarzysko grobow kloszowych ...
30. Gadzikiewicz M. Wybrane ... S. 163.
- 31. Могильников В.А. Погребальный обряд культур III в. до н.э. - III в.н.э. в западной части Балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н.э. - I тысячелетии н.э. М., 1974. С. 173, 178, 191. 32. Bohme H.W. Germanische Grabfunde ... S. 180; Фехнер М.В. Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье X-XI вв. М., 1963. Рис.9.**
33. Dabrowski K. Osadnictwo z okresow poznolatenskiego i rzymskiego na stanowisku 1 w Piwonicach, pow. Kalisz // MS. T. IV. 1958; Dabrowski K., Kozłowska R. Dwie osady z okresow poznolatenskiego i rzymskiego we wsi Piwonice, pow. Kalisz. // MS. T. V. 1959; Dabrowski K. Osada z okresow poznolatenskiego i rzymskiego we wsi Piwonice, pow. Kalisz // WA. T. XXXV. Z. 3. 1970.
34. Gozdowski M. Osada z okresu rzymskiego w Wolce Lasięckiej, pow. Lowicz w swetle badan w 1952 roku // MS. T. I. 1956; Bender W., Barankiewicz B. Osada z okresu rzymskiego w Wolce Lasięckiej, pow. Lowicz // AP. T. VII. Z. 1. 1962; Bender W., Balke B. Wyniki badan osady z okresu rzymskiego w Wolce Lasięckiej, pow. Lowicz. w 1961 r // AP. T. IX. Z. 1. 1964.

35. Козак Д.Н. Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі. Київ, 1984. С.70-76, 78-82.
36. Никитина В.В. Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине // СА. 1965. № 1. С. 199-204.
37. Dabrowski E. Dotychczasowe wyniki badan archeologicznych w Osieoznicy i Bialogorze, pow. Krosno Odrz. na tle niekoto-rych zagadnien z pogranicza poznego okresu rzymskiego i poc-zatkow wczesnego sredniowiecza // Zieionogorskie zeszyty muzealne. T. 11. Zielona Gora, 1971. Ryc. 20.
38. Die Germanen. Ein Handbuch. Band 1. Berlin, 1978. S. 118-120, 310-314.
39. Wozniak Z. Osadnictwo celtyckie ... S. 305-330.
40. Meduna J. Das keltische Oppidum Stare Hradisko in Mahren // Germania. N 48. 1970. S. 42.
41. Корнелий Тацит . Сочинения в двух томах. Т.І. Л., 1970. С. 372; Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 296-297.
42. Rosen-Przeworska J. Tradycje celtyckie ... S. 54-254; Rosen-Przeworska J. Spadek po Celtach. S. 50-137. 43. Birkhan H. Germanen und Kelten bis zum Ausgang der Romerzeit. Wien, 1970. S. 164-166; Peschel K. Der Horizont von Grossromstedt im Rahmen der Eisenzeit des sudlichen Mittel-deutachland // ZfA. 2. 1968. S. 192-204.
44. Leube A. Gruppengliederung innerhalb der fruhen romischen Kaiserzeit im norddeutschen Tieflandgebiet // ZfA. 2. Berlin. 1968. S. 276-284; Leube A. Zur kulterellen Stellung des mittleren Odergebietes in der romischen Kaiserzeit // Archa-ologie als Geschichtawissenschaft. Berlin, 1977. S. 265-277.
45. Godlowski K. Strefy kulturowe ... S. 15-19.
46. Клавдий Птолемей. Географическое руководство // Латышев В.В. "Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе". Т. 1. Вып. 1. СПб., 1893. С. 230-231.

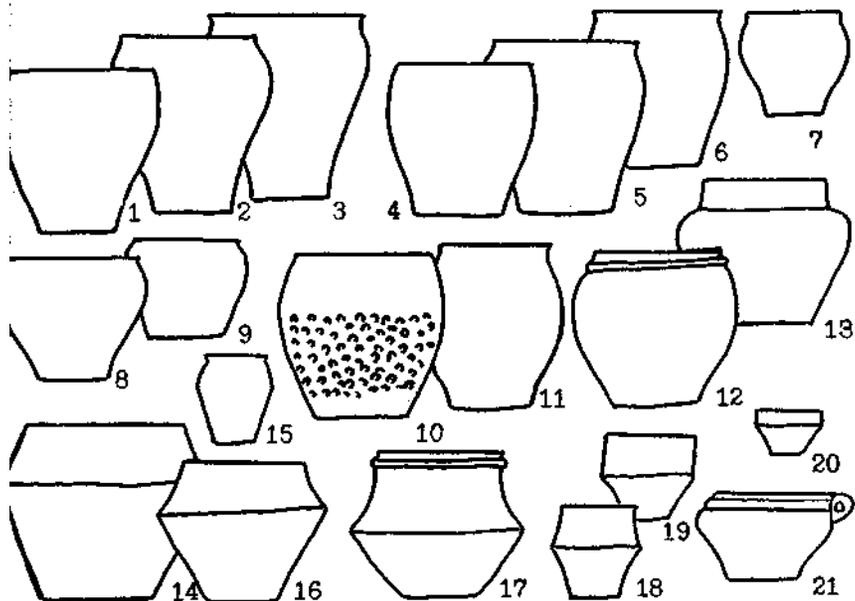

Рис. 1. Образцы посуды группы 1.

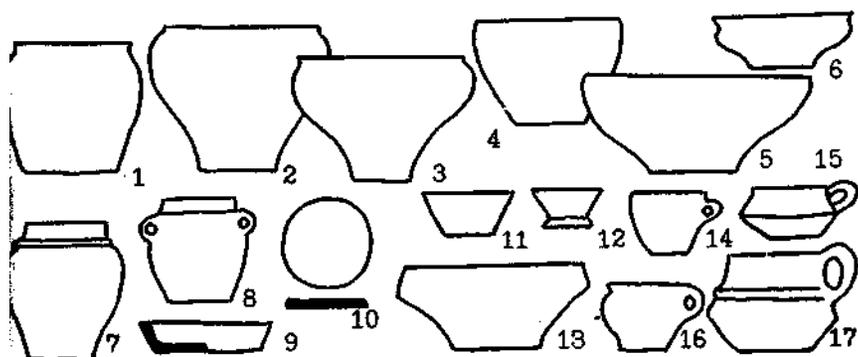

Рис. 2. Образцы посуды группы IV.

Рис. 3. Образцы посуды группы II.

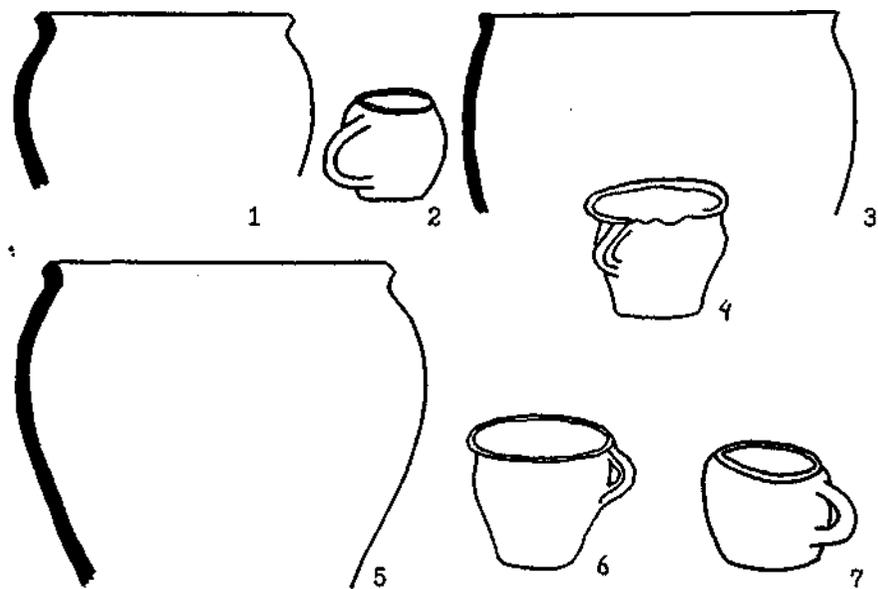

Рис. 4. Комплексы находок из погребений на могильнике Гледзянувек 1-погр.27; 2-погр.34; 3,4-погр .6; 5-погр.42; 6-погр.22; 7-погр.5

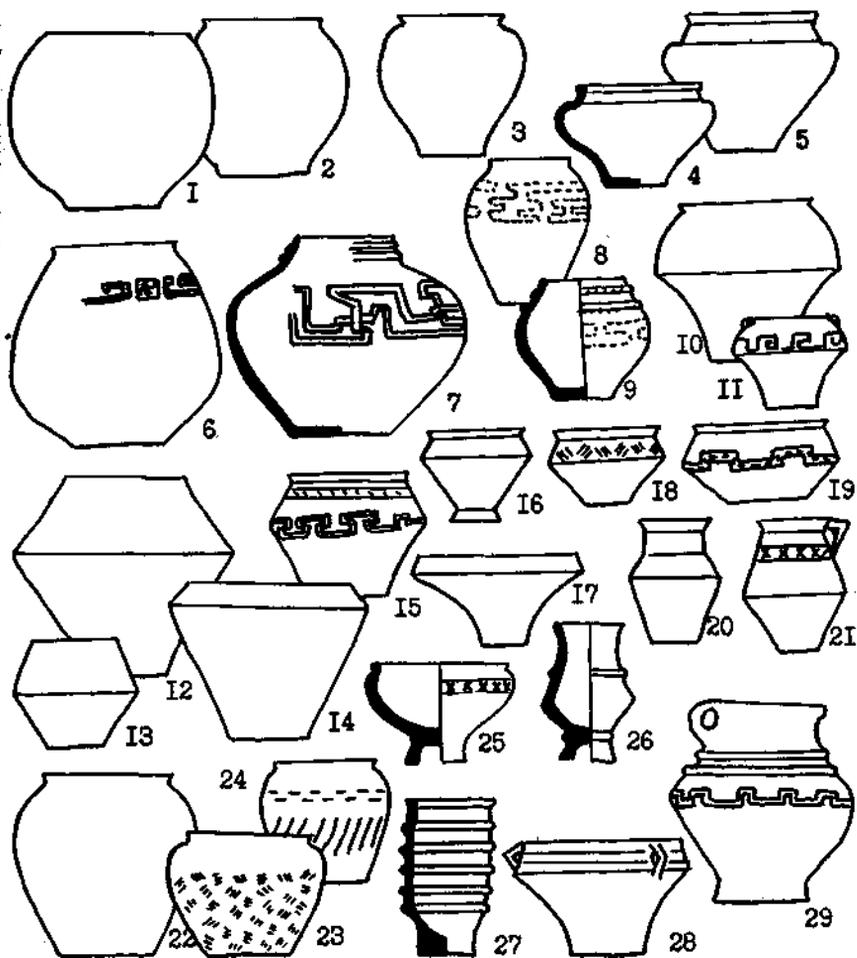

Рис.5. Образцы сосудов группы III.

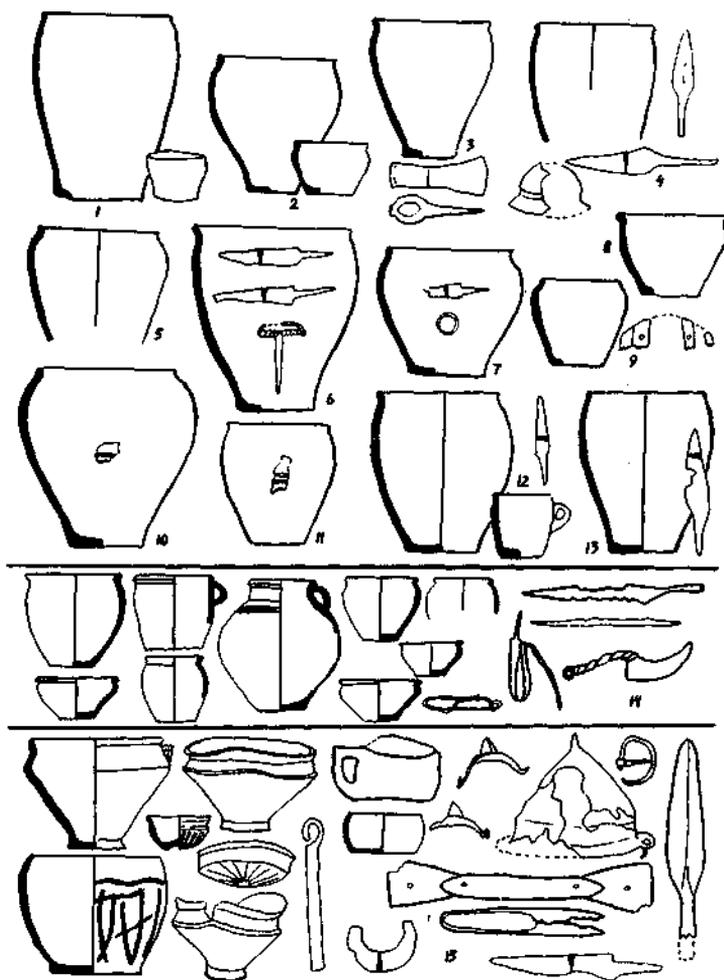

Рис. 6. Комплексы погребений с керамикой группы I (1-13), группы II (14), группы III (15). 1 - Спицymeж, погребение 5; 2 - Спицymeж, погребение 976; 3 - Спицymeж, погребение 105; 4 - Спицymeж, погребение 61; 5 - Спицymeж, погребение 240; 6 - Спицymeж, погребение 175; 7 - Спицymeж, погребение 72; 8 - Спицymeж, погребение 136; 9 - Спицymeж, погребение 9; 10 - Тарнув, погребение 21/1938; II - Тарнув, погребение 154/1938; 12 - Задовице, погребение 20; 13 - Задовице, погребение 235; 14 - Ви-лянув, погребение 87; 15 - Млодзиков, погребение 100.

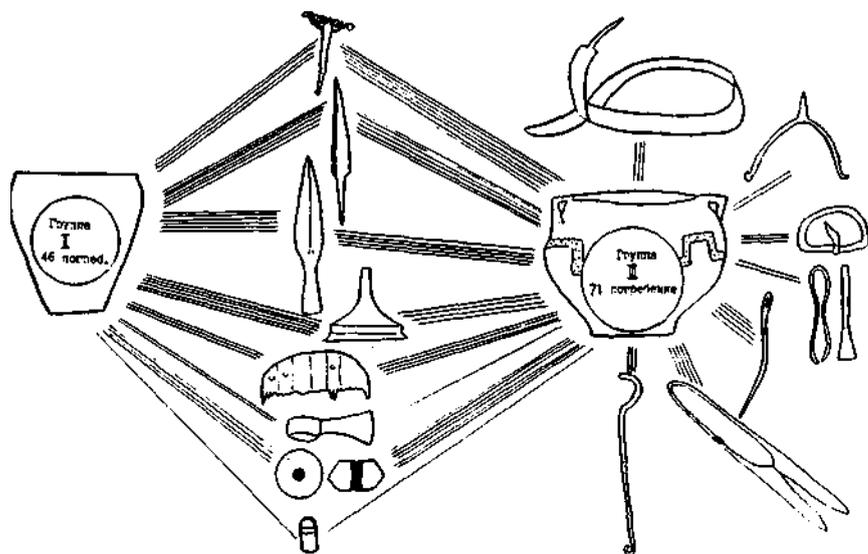

Рис. 7. Соотношение находок вещей и керамики групп I и III на могильнике Спицымеж.

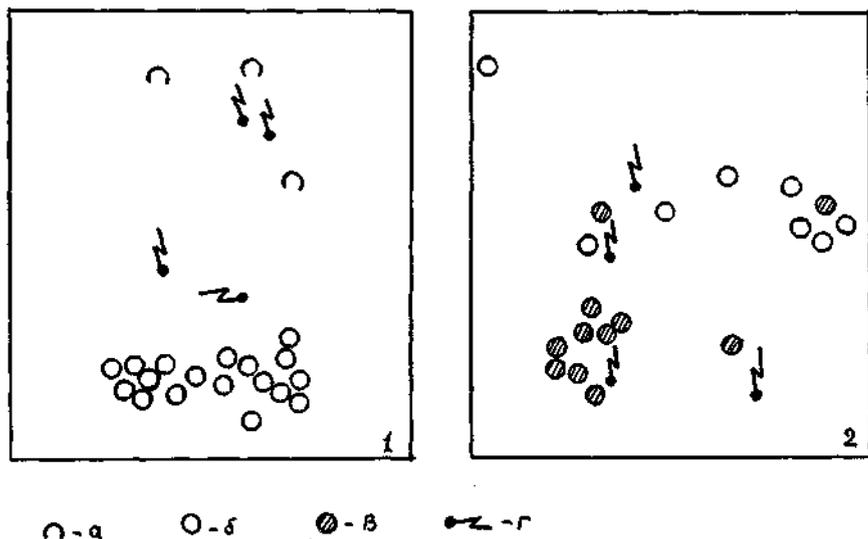

Рис. 8. Могильник Бодзаново в позднелатенском периоде (1) и в раннеримском периоде (2); а - подклешевые погребения; б - погребения группы IV; в - погребения группы III; г - труположения.

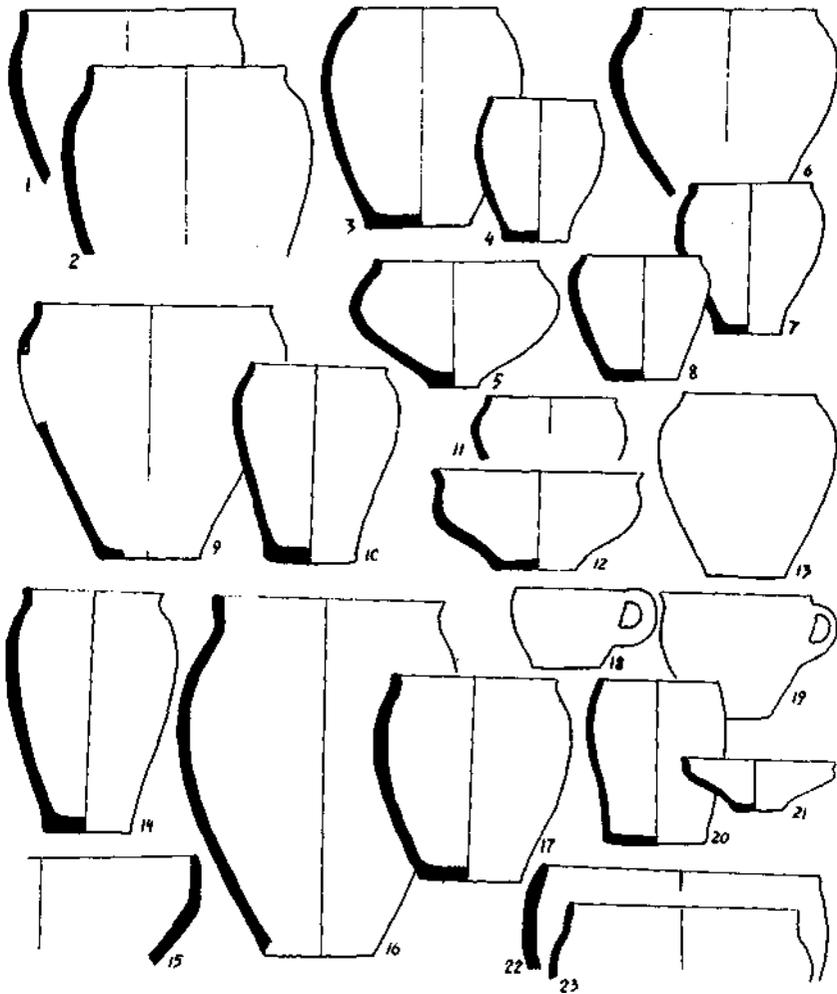

Рис. 9. Керамика группы I из поселений. 1, 2 - Турава; 3-5 - Мацкувка, печь 1; 6-8 - Мацкувка, печь 6; 9-10 - Вулька Лясецка; 11-13 - Ополе Закжув; 14, 15 - Пивонице, жилище 65, фаза IV; 16, 17 - Пивонице, жилище 44, фаза III; 18-21 - Пивонице, очаг 12, фаза I; 22, 23 - Пивонице, жилище 27, фаза II.

Социальная сущность городища Зимно

Среди археологических источников при изучении истории и культуры восточных славян важное место занимают материалы городища Зимно возле Владимира-Волынского на Украине. Это один из древнейших восточно-славянских памятников этого типа, который сравнительно хорошо сохранился и раскопан на значительной площади. Поэтому археологи и историки, характеризуя социально-экономическое и культурное развитие восточных славян, часто опираются на материалы Зимновского городища. Однако однозначного определения социальной сущности этого городища среди исследователей нет.

Автор раскопок Зимновского городища В.В.Аулих, приняв остатки сооружений вдоль оборонительных стен за жилища, полагает, что это городище является остатками административного и "может быть культового центра племени дулебов", постоянным местом пре-бывания здесь вождя племени и его дружины. Ссылаясь на находки ремесленных инструментов этот же автор утверждает, что на городище также жили и работали кузнецы и ювелиры. Приблизительно такую же интерпретацию социального содержания Зимновское городище получило в работах Ю.В. Кухаренко, В.Д. Барана, В.В.Седова.

Другого мнения о социальной природе Зимновского городища придерживался П.Н.Третьяков. Рассмотрев форму укреплений и обратив особое внимание на то, что на городище не обнаружено "жилищ-землянок, присущих каждому поселению" он пришел к заключению, что "следует видеть в Зимно не место постоянного обитания, а временное убежище, куда население собиралось в часы опасности." Далее П.Н.Третьяков предполагал, что "вблизи городища Зимно находилось обычное поселение или "гнездо" небольших поселков, обитатели которых, кроме сельского хозяйства, занимались еще и ремеслами: кузнечным, ювелирным и др. При приближении неприятеля они перебрались на городище, взяв с собой все, что могли унести, в том числе и орудия труда, вооружение, полуфабрикаты изделий своего ремесла, готовые вещи, запас продовольствия."¹ К мнению

П.Н. Третьякова в оценке Зимновского городища присоединился А.П. Моця. Остатки сооружений возле вала он рассматривает как временную наземную постройку, где прятались жители расположенных вблизи городища селищ.

В рецензии на монографию В.В. Аулиха о Зимновском городище И.А. Айбабин не разделяет мнения этого исследователя о том, что столбовые ямы и очаги возле оборонительной стены являются остатками жилищ, и попытался связать эти остатки с оборонительными сооружениями. Рецензент на конкретных материалах показал, что часть вещей, которые связываются с городищем (оно многослойное), попали в раннеславянский слой из более ранних культурный слоев, и считает, что датировка В.В. Аулихом этого городища несколько занижена.

Неодинаковые суждения о социальной сущности Зимновского городища вынуждает еще раз обратиться к этой проблеме, - рассмотрев ее в свете новых археологических данных, полученных при изучении гнезд поселений VI-X вв. на территории Украинского Прикарпатья. Оказалось, что каждое гнездо поселений VI-IX вв. является остатками самоуправляющихся общин. На территории многих гнезд

-общин обнаружены синхронные городища, которые являются общинными центрами.

Социальная типология городищ-общинных центров проведена на основе таких существенных критериев как: а) система и конструкция их оборонительных линий; б) характер застройки укрепленных площадок и в) место городища в системе окружающих его поселений. Эта типология позволила определить главные археологические признаки городищ-общинных центров, а именно: 1) основу главных оборонительных линий этих городищ составляли деревянные стены столбовой конструкции, поставленные на поверхности земли без применения валов-платформ и усиленные с внешней стороны глиняными откосами (от них сохраняются невысокие земляные валы); 2) вдоль главных оборонительных линий, с их внутренней стороны располагались длинные дома общественного назначения. Это очень важный признак городищ-общинных центров. Археологические данные о длинных домах во многом совпадают с данными хронистов о домах-контингах западных славян. В этих домах проводились народные собрания, устраивались ритуальные пиры-братчины и культовые церемонии, хранились общинные запасы. Поэтому среди остатков этих домов встречаются культовые очаги, ямы-хранилища, ритуально разбитая глиняная посуда и др. По характеру застройки центральных площадок

городища-общинные центры делятся на две основные группы: а) городища-убежища, площадки которые не были застроены стационарными жилищами и хозяйственно-производственными постройками, и б) городища-административно-хозяйственные центры, укрепленные площадки которых были застроены стационарными жилищами, ремесленными мастерскими и другими сооружениями; 3) городища-общинные центры являлись составной частью группы поселений, в состав которых входили также неукрепленные селища (их называем "селища-спутники городищ").

Согласно такой социальной типологии Зимновское городище относится к убежищам. Об этом свидетельствуют основные его археологические признаки, прежде всего, характер застройки укрепленной площадки. На ней не обнаружено типичных для городищ-общинных центров другого типа (административно-хозяйственных центров) полуземляночных жилищ с печами-каменками и ремесленных мастерских. Лишь вдоль оборонительных стен сохранились остатки длинных домов в виде столбовых ям, обгоревших бревен и культурного слоя, в котором найдены в большом количестве обломки глиняной посуды, изделия из металла, камня и стекла, кости животных и разрозненные кости людей. На территории длинных домов (их ширина около 4,5 м) находились, кроме столбовых ям, ямы диаметром 0,8-1,3 м, глубиной 1,2-1,6 м, которые могли использоваться для хранения продуктов. Особого внимания заслуживают очаги на земляном полу длинных домов. Их линзовидные поды сделаны из глины. Находки на месте очагов, в слоях спрессованной золы, обожженных костей, в том числе обломков человеческих черепов, позволяют рассматривать эти очаги как культовые, связанные с определенными жертвоприношениями. Поэтому нет оснований принимать эти длинные дома за стационарные жилища. Конечно, во время военных действий эти дома могли использоваться как временные жилища тех, кто находил в убежище защиту от врага. Описывая поход Александра Македонского на гетов, Ариан рассказывает, что когда войска вступили в бой, геты "убегали в город, где находились заранее отведенные сюда жены и дети гетов и их наиболее ценное имущество". Приблизительно такую же картину рисует древнерусский летописец, повествуя о нападении Ольги на древлян, которые "побегоша и затворишася в градах своих".

Нет оснований согласиться с утверждением, что в длинных домах, которые были сложены из неотесанных бревен (сохранилась кора на некоторых бревнах) и центральная часть которых была занята примитивными очагами и ямами-хранилищами, могли постоянно жить

вождь племени со своей дружиной, как это считает В.А. Аулик.

На территории длинных домов Зимновского городища найдены инструменты ремесленников (глиняные льячки, обломки каменных литейных формочек, молотки, миниатюрное ковало, резец-ложкарь и др.) и отходы ремесленного производства (слитки бронзы, куски бронзовой проволоки и т. п.), которые несомненно связаны с ремесленной деятельностью. Но на территории городища, как уже отмечалось, не обнаружено ремесленных мастерских и стационарных жилищ, в которых могли бы жить ремесленники. Это не дает оснований считать ремесленников постоянными обитателями этого городища. Они могли попасть на территорию укрепления при приближении врага и временно заняться ремесленной деятельностью (этого требовало, например, снабжение воинов предметами вооружения).

Археологические материалы убедительно свидетельствуют о том, что Зимновская крепость была разрушена во время военного штурма. Здесь, в полосе оборонительных сооружений, найдены останки защитников крепости (скелеты людей) и много оружия (наконечники стрел и копий), которые в основной своей массе принадлежали защитникам крепости. Находки женских украшений (металлических браслетов, бус, разных привесок) свидетельствуют о том, что в крепости во время вражеского нападения нашли приют женщины с детьми.

Таким образом, по характеру застройки укрепленной площадки Зимновское городище следует отнести к общинным центрам-убежищам. Вдоль его оборонительной линии располагались длинные дома общественного назначения, которые конструктивно были связаны с этой линией, а центральная часть укрепленной площадки была свободной от какой-либо застройки. Крепость подверглась военному нападению. При приближении врага (по-видимому, аваров, так как на городище найдены стрелы аварского типа¹⁹), население гнезда-общины пришло под защиту оборонительных стен своего общинного центра, что является одной из главных функций городища-убежища. В мирное время в длинных домах устраивались общинные пиршества, осуществлялись разного рода религиозные празднества. С культовыми обрядами увязываются не только очаги, но и миниатюрный железный топорик (амулет?), многочисленные обломки глиняной посуды со следами повторного обжига, что было вызвано обрядом разбивания посуды.

Общинный характер Зимновского городища подтверждается также данными о конструкции его укрепленной линии. Основу этой линии

составляла деревянная стена, сложенная из горизонтально положенных бревен, зажатых между парами столбов²⁰. С внешней стороны оборонительная стена была усилена, как показывает профиль вала²¹, насыпным глиняным откосом, а с внутренней - длинными домами, непосредственно примыкавшими к деревянной стене. Во время пожара, который уничтожил оборонительные сооружения, вал-откос²² расползся и перекрыл догоравшие бревна, благодаря чему их остатки сравнительно хорошо сохранились. По-видимому, со стороны более крутого склона деревянная оборонительная стена стояла на самом краю площадки и не была усилена насыпным глиняным откосом (его заменил естественный откос мыса). Поэтому остатки стены здесь не сохранились. Дополнительно укрепленная линия усиливалась надолбами (невысоким частоколом), который был устроен посередине широкого откоса. Такого типа укрепленные линии исследовались и на других городищах-общинных центрах (например, в Ка-рапчеве²³).

Сложная конструкция оборонительной линии убеждает в том, что Зимновское городище является остатками не временного, а серьезного стационарного укрепления, рассчитанного на длительное время функционирования.

Интерес к Зимновскому городищу вызван еще и тем, что оно принадлежит к древнейшим у восточных славян укрепленным общинным центрам. Оно как бы открывает новый этап исторического развития восточных славян. Поэтому очень важно определить время строительства этого укрепленного пункта. На основе анализа изделий из металла В.В.Аулих датировал городище У1 - первой половиной VII вв.²⁴ Другие исследователи считают, что эта дата несколько занижена²⁵. Для решения этой проблемы должны быть привлечены, прежде всего, наиболее массовые материалы, какими являются керамические комплексы.

Керамика Зимновского городища принадлежит к культуре пражского типа, которая на территории Украинского Прикарпатья датируется второй половиной У-УП вв. Эта керамика на основе данных стратиграфии и корреляции делится на три хронологические фазы.²⁶ Горшки с отклоненным наружу венчиком, край которого косо срезан,²⁷ входящие в керамический комплекс Зимновского городища, появляются лишь на последней, третьей фазе развития культуры пражского типа. Вместе с керамикой этой фазы найдены пальчатые фибулы (Черновка²⁸, Горошево²⁹), которые датируются VII в.³⁰ Поэтому есть основание время функционирования Зимновской крепости относить к VII в.

1. Ауліх В.В. Зимнівське городище - слов'янська пам'ятка VI-VII ст. н.е. в Західній Волині. Київ, 1972. С. 123.
2. О раскопанной части городища см. Ауліх В.В. Зимнівське городище. Табл. 1.
3. Ауліх В.В. Соціальний зміст городища Зимне // Слов'яно-русь-кі старожитності. Київ, 1969. С. 57.
4. Кухаренко Ю.В. Памятники пражского типа на территории Подне-провья // *Slavia antiqua*. Т. VII. 1960. С. 120-121.
5. Баран В.Д. Ранні слов'яни між Дніпром і Прип'яттю. Київ, 1972. С. 31, 79.
6. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982. С. 14.
7. Третьяков П.Н. По следам древних славянских племен. Л., 1962. С. 122.
8. Там же. С. 122.
9. Моця А.П. Проблема перехода восточных славян к классовому обществу в исторической литературе // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984. С. 237.
10. Айбабин А.И., Ауліх В.В. Зимнівське городище // СА. 1975. 2. С. 309-313. 11. Тимошук Б.А. Общинный строй восточных славян VI-X вв. // Автореф... дис... докт. ист. наук. М., 1983. С. 13-20.
12. Тимошук Б.О. Давньоруська Буковина. Київ, 1982. С. 5-10
13. См.: Хрестоматія по історії середніх віків. М., 1949. Т. 1. С. 45-46.
14. Ауліх В.В. Зимнівське городище ... С. 8-24.
15. Ауліх В.В. Матеріали з верхнього горизонту городища біля с.Зимне Волинської області // МДАПВ. 1961. Вип. 3. С. 131.
16. Такого типа очаги раскопаны, например, на территории длинных домов Крутиловского городища-святилища. Возле этих очагов найдены кальцинированные кости, обломки битой глиняной посуды и разнообразные предметы из металла, положенные здесь как жертвы богам.
17. Цитирую по статье: Златковская Т.Д. Племенной союз гетов под руководством Биребисты (I в. до н.э.) // ВДИ. 1955. № 2. С. 77.
18. ПВЛ. I. С.7.
19. Ауліх В.В. Зимнівське городище ... С. 52-54. Табл. X, 1-7.
20. Там же. С. 11
21. Там же. Рис. 4, 5.

22. Древнерусские валы являются остатками или платформ для оборонительных стен, или глиняных откосов, прикрывавших оборонительные стзны с внешней стороны.
23. Тимошук Б.О. Давньоруська Буковина ... С. 171-172. Рис. 96.
24. Ауліх В.В. Зимнівське городище ... С. 86-90.
25. Айбабин А.И. Указ.соч.; Кухаренко Ю.В. Средневековые памятники Полесья // САИ. 1961. Вып. Е1-51. С. 9; Русанова И. П. Славянские древности VI-IX вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ. 1973. Вып. Е1-25. С. 17-18.
26. Русанова И.П., Тимошук Б.А. Кодын - славянские поселения V-VIII вв. на р. Прут. М., 1984. С. 23-28.
27. Ауліх В.В. Зимнівське городище ... Табл. VI, 14; Табл. VII, 4; Рис. 5, 3.
28. Тимошук Б.А., Русанова И.П., Михайлина Л.П. Итоги изучения славянских памятников Северной Буковины V-X вв. // СА. 1961. № 2. С. 91. Рис. 7, 8.
29. Баран В.Д. Пачкова С.П. Поселения поблизу с. Горошеве на Се-редньому Дністрі // Археологія. 1975. № 18. Рис. 4, 8.
30. Амброз А.К. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 74.

Г.Н.Пронин

Еще раз о сопках

Термин "сопки" принят в археологической литературе для обозначения погребальных насыпей, распространенных в северозападной части Восточной Европы. "Сопки" обычно выделяются среди других курганов своими размерами, своеобразной формой, топографическим положением. Но далеко не все насыпи, объединенные общим названием "сопки", могут быть включены в эту категорию памятников.

Впервые раскопки "сопок" были произведены во второй четверти прошлого века З.Ходаковским¹, а затем продолжены в конце XIX - начале XX вв., когда различными исследователями были проведены наиболее крупные работы по изучению этих памятников². В 20-е и 30-е годы нашего столетия полевое изучение "сопок" ограничивалось разведочными работами, которые сводились к фиксации нынешнего состояния ранее известных памятников, уточнению их местоположения, размеров, территории распространения и т.п. Сколько-нибудь значительных раскопок вплоть до конца 40-х годов не производилось. С конца 40-х - 60-х годах были раскопаны несколько "сопок" в низовьях р.Волхов (район Старой Ладogi) и на р.Мсте³. И, наконец, в 70-80-е годы продолжались исследования "сопок" у Старой Ладogi, которые дали новые, зачастую неожиданные данные о внутренних конструкциях насыпей и обряде погребения⁴. Отдельные "сопки" были раскопаны в бассейне Псковского озера ("сопка" у д. Романово)⁵, в бассейне верхней Луги ("сопка" у д. Репьи)⁶ и в низовьях Волхова ("сопка" у д. М. Чернавино)⁷. Кроме того, с середины 70-х годов проводились разведки в ряде районов Новгородчины, которые позволили уточнить данные о ряде памятников и выявить новые "сопки"⁸. Несмотря на все это, накопленный материал о "сопках" чрезвычайно скуден и основу его по сей день составляют результаты (зачастую плохо документированные) дореволюционных раскопок⁹.

Первые попытки исторического осмысления имеющихся материалов о "сопках", предпринятые в конце прошлого века, сразу же

выявили различные, зачастую диаметрально противоположные, точки зрения. Так Н.Е. Бранденбург по результатам своих обширных исследований в Юго-Восточном Приладожье, основываясь на материалах раскопок "сопок" в низовьях р.Волхова, считал эти памятники славянскими¹⁰. Другая точка зрения была высказана А.А.Спициным, который исходя из топографии расположения "сопок" и сходства их со шведскими памятниками, склонен был связывать их с норманами.¹¹ Позднее мнение о "норманском" происхождении "сопок" было поддержано В.И. Равдоникасом,¹² а затем Н.В.Тухтиной¹³. Однако, большинство исследователей склонялось к интерпретации "сопок" как памятников словен новгородских, при этом используя в качестве аргументов те же данные: топографию их расположения, ареал, детали внутренних конструкций и обряд погребений исследованных насыпей. В настоящее время это мнение превалирует¹⁴.

Однако, как это ни парадоксально, до сегодняшнего дня остается не ясным, какие именно погребальные памятники следует считать собственно "сопками". Основным критерием при выделении "сопок" среди прочих курганных древностей практически у всех исследователей являлись размеры насыпей. Так, А.А. Спицин считал "сопками" все насыпи высотой более 2,5-2,8 м, В.С. Понамарев относил к "сопкам" насыпи высотой более 3 м.¹⁵ В сводку Н.Н.Черныгина вошли все насыпи высотой более 2 м.¹⁶ Применение "размерного" принципа при выделении "сопок" явно не оправдывало себя и приводило к смешению различных памятников, многие из которых по своим особенностям не имели ничего общего с "сопками"¹⁷.

В.В.Седов в работе, специально посвященной новгородским "сопкам", суммировал все имеющиеся материалы и сделал попытку подойти к вычленению собственно "сопок" среди других курганных древностей с принципиально новых позиций. Им были выделены несколько признаков, касающихся внешнего вида насыпей, их внутренних конструкций и обряда погребений, только совокупность которых позволяет считать ту или иную насыпь "сопкой". К числу внешних признаков относятся: а) форма насыпи - коническая, а точнее -крутобокая усеченно-коническая с "... четко выраженной горизонтальной площадкой на вершине насыпи". Это, по мнению В.В.Седова, отличает их от высоких насыпей других регионов (Верхнего Подне-провья и Поочья), где они, как правило, "или полушарообразной или конической формы с полусферической вершиной" ; б) наличие у "сопок" кольцевой обкладки из валунов в основании насыпи - конструктивная особенность, встречающаяся исключительно в Северо-

Западном регионе Европейской части СССР. Внутренние признаки, наличие которых является необходимо! для отнесения к "сопкам" тех или иных насыпей, сводятся к следующему: а) обряд трупосожжения; б) наличие каменных конструкций внутри насыпи - каменные круговые обкладки, вымостки различной формы и стенки из камней, каменные кучи и т.д.; в) наличие или отсутствие зольных прослоек в насыпи или ее основании; г) ряд более мелких признаков, встреченные захоронения коней и т.п. Совокупность перечисленных признаков характерна, по мнению В.В.Седова, для всего ареала "сопок" (при этом, естественно, что те или иные признаки могут быть представлены в отдельных насыпях не в полном объеме), а внешние признаки позволяют выделить "сопки" и среди не раскопанных насыпей.

Предложенный В.В.Седовым принцип выделения "сопок" вызвал целый ряд критических замечаний.¹⁹ В их число входят насыпи высотой от 2-2,5 до 17-20 м (?). Указанные огромные размеры насыпей, как справедливо отмечено Е.Н.Носовым, являются, скорее всего, недоразумением, связанным с погрешностями в измерениях. В то же время сравнительно невысокие насыпи - высотой 2-2,5 - 3 м могут не являться "сопками", тем более, что для большинства насыпей, учтенных в сводке В.В.Седова, и отнесенных к "сопкам", нет данных ни об их форме, ни о наличии или отсутствии каменных конструкций.

Проведенное в последние годы обследование "сопок" на основной территории их распространения (в бассейне верхнего и среднего течения р. Мсты, р. Мологи в ее верхнем и среднем течении, включая бассейны притоков - рек Ратцы, Песьи др., а также р.Луги и бассейна р.Ловати и ее притоков в среднем течении) позволили уточнить ранее имевшиеся данные о многих из них. Картирование памятников по размерному признаку показывает, что в целом ареал "сопок" не членится на отдельные микрорегионы в зависимости от размеров насыпей. Но некоторые закономерности все же улавливаются. Так например, в низовьях Волхова, где "сопки" изучены, пожалуй, лучше всего, в могильниках наблюдается незначительное преобладание насыпей высотой более 5 м.²⁰ (Подсосонье, Вындин Остров, Горка, Октябрьское, Ст. Дубовики, Н.Дубовик, Чернавинский Выселок, Велеша, Горчаковщина и др.) Концентрация насыпей высотой более 5 м наблюдается также в бассейне р.Мологи: Поддубье, Шептуново, Молдино, Воронцово, Дворище, Абакумове и целый ряд других. Но в отношении моложских "сопок" следует иметь в виду, что данные о

большинстве из них известны в основном по сводке В.А.Плетнева, который зачастую пользовался крайне не достоверными сведениями.²¹ Высокие насыпи распространены также в бассейне р.Ловати и ее притоков, но здесь их размеры известны в основном по данным разведок 20-х и 60-х годов и нуждаются в дополнительной проверке. Для бассейна р. Луги характерны в основном насыпи средних размеров

- 3-4 м. В бассейне р. Мсты и ее притоков явно преобладают невысокие (2-3 м) и средней величины (3-4 м) насыпи. Обычным явлением здесь, как и по всему ареалу "сопок", можно считать сочетание насыпей различной высоты в одних могильниках. При этом размеры насыпей не коррелируются с их формой и другими внешними признаками. Часто невысокие насыпи имеют форму, близкую к конической, а насыпи больших размеров - полушаровидные и наоборот.

Наблюдения последних лет, сопоставленные с предшествующими данными, позволили выделить большие насыпи - "сопки" в 381 пункте (большая часть этих могильников, за исключением отдельных памятников, открытых в разведках автора в 1975-1977 гг., включена как в сводку Н.Н.Черныгина, так и в работу В.В. Седова). В массе своей высокие курганы, относимые авторами к "сопкам" делятся на два типа - конические (близкие к конусу) и полушаровидные. И те, и другие - крутобоки и массивны. Насыпи конической формы учтены в 244 пунктах, то есть составляют 64% от общего числа выборки. Полушаровидные "сопки" имеются в 137 пунктах, что составляет примерно 35/6 от общего числа учтенных могильников. Картирование насыпей с учетом их внешних признаков показывает, что насыпи той и другой формы встречаются по всему ареалу "сопок". Часто конические и полушаровидные насыпи соседствуют в одних группах. Так, в группе из 10 "сопок" у д. Устье (Пестовский район Новгородской области) три насыпи полушаровидной формы и семь конической. У многих из них в основании прослеживается кольцо из крупных валунов²². Вершины "сопок" округлые, плоских площадок нет. Группа у д.Климовщина (бассейн верхней Мологи) насчитывает 8 "сопок" в одном могильнике с 17 низкими полусферическими курганами. "Сопки"

- конические и полушаровидные, у некоторых вершины уплощены. Каменных конструкций нет. Рядом имеется одиночная "сопка" усеченно-конической формы, окруженная кольцевым рвом (без каменной обкладки); и еще одна группа из двух "сопок" полушаровидной формы. В группе "сопок" у д.Мишине (бывшая ус.Тремязицы) бассейн средней Мсты) - семь насыпей конической и полушаровидной формы. Одна из них - усеченно-коническая с плоской площадкой на вершине.

Количественное распределение "сопок" по их внешним признакам - форме и каменным конструкциям дает следующую картину. На западной окраине ареала "сопок" - бассейны рек Луги и Шелони с притоками - наблюдается явное преобладание насыпей конической формы, часто с каменными обкладками. Так, в Лужском микрорегионе такие "сопки" зафиксированы в 26 могильниках. На р. Шелони коническая форма насыпей отмечена в 15 пунктах (из них в 5 - с кольцевой каменной обкладкой), а насыпи полушаровидной формы - в 6 могильниках (из них в двух пунктах - с каменными обкладками). Аналогичная картина наблюдается в бассейне верхнего течения р. Мологи, где насыпи конической формы имеются в 43 могильниках, полушаровидной в 16. Но, в отличие от Лужского региона, для этих "сопок" не характерны кольцевые обкладки насыпей: каменные конструкции отмечены лишь в 5 пунктах, конические же насыпи без обкладок имеются в 14 могильниках. В бассейне р. Ловати количественное распределение насыпей по внешним признакам более равномерно: конические "сопки" - в 38 могильниках, полушаровидные в 80. Здесь также наблюдается большой процент насыпей с каменными конструкциями - в 13 из 17 пунктов, о которых имеются сведения. Более-менее равномерное соотношение типов насыпей в бассейне р. Полы: конические насыпи имеются в 39, полушаровидные - в 29 могильниках. Количество "сопок" с внешними признаками каменных конструкций здесь невелико - они известны лишь в 6 пунктах. И, наконец, бассейн р. Мсты (включая озера Коробож, Великое и ряд более мелких озер и притоков) дает картину еще более равномерного распределения насыпей по их форме: конические "сопки" отмечены в 63, а полушаровидные в 52 пунктах. Число "сопок" с каменными конструкциями здесь невелико: они имеются в 14 могильниках, в то время как насыпи, в которых достоверно зафиксировано отсутствие внешних признаков каменных конструкций, встречены в 15 пунктах.

Приведенные данные показывают, что выделенные В.В.Седовым внешние признаки (форма, наличие каменных конструкций, размер) не являются объективным критерием для значительной части насыпей, относимых к "сопкам". Следуя этому принципу, из числа их нужно было бы исключить по меньшей мере 35% всех "сопок", а учитывая большое количество могильников, для которых в настоящее время нет достоверных данных, это число будет еще большим.

На сегодняшний день имеются сведения примерно о 88 "сопках", подвергшихся раскопкам в 60 могильниках. Раскопки производились

по всему ареалу "сопок" неравномерно и полученные материалы для различных районов далеко не однозначны. Наиболее полно исследованы "сопки" в низовьях р. Волхова и среднего и нижнего течения р. Ловати. Раскопки "сопок" в других районах можно считать эпизодическими. Практически все имеющиеся данные о раскопках "сопок" суммирования в уже неоднократно упоминавшейся специальной работе В.В.Седова²³. Поэтому остановимся лишь на отдельных моментах, связанных с конструкциями насыпей, и на новых материалах, полученных в ходе раскопок последних лет.

В число исследованных насыпей входят "сопки" обоих типов - конические и полушаровидные: первых - 36, вторых - 30. В бассейне р. Волхова исследовано 8 конических и 11 полушаровидных насыпей. Большая их часть приходится на район Старой Ладogi. В бассейне р. Шелони раскапывались: конических - 3, полушаровидных - 3, в Ловатском бассейне - 8 конических насыпей; Мсты - 9 конических и 12 полушаровидных "сопок". В Моложском микрорегионе это соотношение равно 6: 1, бассейнах рек Луги и Плюсы - 1:2, в районе Псковского озера исследованы одна коническая и одна полушаровидная насыпи.

"Сопки" с кольцевой валунной обкладкой явно преобладают в низовьях Волхова и на Ловати, где они часто сопровождаются другими видами каменных конструкций: вымостками неопределенной формы, грудами камней, кладками в виде стенок. Подобная совокупность признаков характерна в волховских "сопках" для насыпей обеих форм. Для ловатских "сопок" обычно сочетание кольцевых валунных обкладок и вымосток неопределенных форм с зольными прослойками в насыпи (Коровитчино, Марфино, Селеево). Кольцевые обкладки есть также в "сопках" бассейна р.Шелони, где они также встречены в насыпях обоих типов (Горцы - "сопки" 1 и 2, Любоежа, Плосково, Солонишко).

Редко встречаются каменные конструкции в насыпях Моложского бассейна и верховьев Волги. В сопке у д.Абакумове Н.А.Ушаковым открыто погребение в небольшой грунтовой яме, которая была обета? лена по краю несколькими камнями²⁴. Подобный обряд захоронения вообще не характерен для сопок и встречается крайне редко. Круговая обкладка из валунов отмечена также в одной из "сопок" Сырогожского погоста²⁵. В то же время в "сопках" этого района чаще встречаются угольно-зольные прослойки и кострища в насыпях и их основаниях (Овселуг, Сырогожский погост - кострище в насыпи со следами органики и остатками кальцинированных костей; Избоище - зольные

прослойки в насыпи; Анисимово - кострище в основании насыпи).

Особую группу составляют мстинские "сопки". Из 21 раскопанной "сопки" каменные конструкции зафиксированы только р шести: Любимец, Валдай, Миронег, Золотое Колено (сопка 2), Илем-ки - кольцевые валунные обкладки; Воймерицы - каменная конструкция неопределенной формы в виде завала камней на материке. В грех случаях каменные конструкции сочетаются с зольными прослойками в насыпи и на уровне материка - Воймерицы, Илемки, Любинец. Подавляющее же большинство исследованных мстинских "сопок" не содержало каменных конструкций. Для них более характерны угольно-зольные прослойки, выявленные в большинстве насыпей, независимо от их размеров и формы. Так, при раскопках Н.К.Рериха в ряде "сопок" (в имении Березовик, у д. Подол и др.) слой золы и угля находился в насыпи и кострища, иногда довольно мощные, на материке.²⁶

Изредка в "сопках" встречаются следы деревянных конструкций. В "сопке" у с.Октябрьское (Михаил-Архангел, № 145) на материке открыты остатки обгорелых бревен в сочетании с несколькими кладками из камней в виде куч и вымосток²⁷. В "сопке" у д.Горцы следы деревянных конструкций в виде обугленного дерева и углей обнаружены в верхней части насыпи²⁸. Остатки перегнившего дерева открыты также в основании "сопки" у д.Любоежа²⁹. Какие-то деревянные конструкции, которые автор раскопок интерпретирует как домовины, были открыты также в насыпях бассейна Псковского озера (Ерусалимская, Ерошиха)³⁰. Не исключено, что различные деревянные конструкции были распространены в "сопках" достаточно широко и их наличие не является отличительной чертой псковских насыпей.

Другие детали погребального обряда: положение захоронений, количество урновых и безурновых погребений, связь погребений с каменными конструкциями, наличие костей животных и т.д. подробно рассмотрены в книге В.В.Седова. Отметим лишь еще один редко встречающийся тип захоронения - в грунтовой ямке в материке. Такие погребения были обнаружены в трех "сопках": у дер. М.Черна-вино (ур.Плакун - Старая Ладога),³¹ Абакумово³², Репьи³³. Основное погребение в "сопке" у д. М.Черनावино (полушаровидная насыпь высотой 6,2 м без каких-либо каменных конструкций) находилось в плетеной корзинке, стоявшей на краю материкового углубления, также заполненного кальцинированными костями и углями. В "сопке" у д. Репьи (бассейн Верхней Луги) в основании насыпи открыто мощное кострище, в пределах которого было совершено по крайней мере три

захоронения. Из них в двух случаях остатки трупосожжения были помещены в небольшие ямки, вырытые в кострищном слое и основанием углубленные в материк.

Вещевой инвентарь "сопок", как правило, не выразителен. Большинство исследованных захоронений либо вообще не содержит вещей, либо находки в них ограничиваются отдельными, сильно поврежденными на погребальном костре предметами. Анализ инвентаря "сопок", проведенный В.В.Седовым, позволил установить их общую датировку в пределах VII (м.б. VI) - IX вв.³⁴ Причем большинство вещей, на которых строится хронология, опять таки происходит из "сопок" в низовьях Волхова.

Особый интерес представляют материалы, полученные из раскопок "сопок" в различных районах их ареала в последнее время, в том числе и несколько "сопок" в районе Старой Ладоги в урочище "Победище".³⁵ "Сопка" 1 (Княшинская группа)³⁶ была сооружена в несколько приемов. Первоначально насыпь не содержала погребений и в ней обнаружены каменные конструкции в виде груды камней и каменных стенок. Эта насыпь была окружена мощной кольцевой обкладкой, сложенной в несколько рядов и ярусов, со входом с северной стороны. В эту первоначальную насыпь сверху были впущены две ямы, в районе которых обнаружено мощное скопление кальцинированных костей, толщиной до 1 м (?) и следующий инвентарь: железная спиралеконечная фибула, несколько ножей, односторонний костяной гребень с бронзовыми заклепками и со следами пребывания в огне, цепочка, бронзовый перстень, много оплавленных бус, в том числе "мозаичные" и темно-синие с крупными белыми глазками, фрагменты лепной керамики. Путем ряда последовательных под-сыпок насыпь была доведена до современной высоты. При этом в ней вновь сооружались каменные конструкции. Наиболее интересным результатом исследования этой "сопки" следует считать выявление восьми захоронений по обряду трупосожжения на стороне, помещенных с внешней стороны кольцевой каменной обкладки первоначальной насыпи. Некоторые из этих захоронений также сопровождалась каменными конструкциями. Все захоронения были безинвентарными, поэтому трудно судить, синхронны ли они трупосожжениям в насыпи. По некоторым стратиграфическим наблюдениям можно предположить, что по крайней мере часть погребений с внешней стороны каменного кольца являются более поздними, впускными по отношению к захоронениям в насыпи. "Сопка" 2 также была сооружена в несколько приемов. В ее основании находилась кольцевая обкладка из камней, сложенная в

несколько ярусов, к которой с внешней стороны примыкали три выкладки в виде полукольцевых цепочек из камней. С внешней стороны каменного кольца обнаружено три трупосожжения, при которых найдены фрагменты лепной керамики, бронзовый спиральный перстень, стеклянная пронизка, желтый бисер, бусина мелочно белого цвета с темно-красным зигзагообразным орнаментом. В СВ поле насыпи обнаружено впускное мужское погребение XI в. "Сопка" 3 представляла собой полушаровидную насыпь высотой около 4 м. В ее основании прослежена гумусная прослойка с вкраплениями угля, а в насыпи открыты три погребения по обряду трупосожжения на стороне. При погребениях найдены: крупная оплавленная прозрачная бусина и бронзовая спиралька. Кроме того, из насыпи, возможно из разрушенных погребений, происходят: бронзовый спиральный перстень, гранчатая сердоликовая и три оплавленных темно-синих бусины, а также фрагменты лепной и гончарной керамики. Фрагменты лепной керамики принадлежат невысоким ребристым сосудам, имеющим ближайшие аналогии в материалах нижних слоев Старой Ладogi, Эта "сопка" особенно интересна тем, что в ней полностью отсутствовали какие-либо каменные конструкции, а по обряду погребений и конструкции она близка мстинским сопкам. Еще в двух "сопках" (№№ 4 и 6), раскопанных в урочище "Победище" также находились многоярусные кольцевые обкладки из камней и насыпи сооружались в несколько приемов. С внешней стороны каменных обкладок также совершались захоронения по обряду трупосожжения на стороне. В "сопках" найдено много бус, семь весовых гирек, орнаментированная бронзовая бляшка и другие вещи. В насыпи "сопки" 6 обнаружено ритуальное захоронение коровы и вблизи него небольшое углубление, заполненное углистым песком и пережеженными валунами. Это углубление автор раскопок интерпретирует как ритуальный очаг.

Данные об этих раскопках описаны столь подробно потому, что во-первых, в результате их была открыта новая, не отмечавшаяся ранее деталь погребального обряда "сопок" - захоронения с внешней стороны кольцевых каменных обкладок в основании насыпей; во-вторых, потому, что полученные материалы побудили В.П.Петренко попытаться раздвинуть хронологические рамки бытования сопкок", пе редвинув его верхнюю границу в X и может быть даже XI вв.³⁷ Однако, судя по инвентарю, исследованные насыпи в целом не выходят :за рамки IX в. Керамика представлена формами, аналогичными лепной посуде нижних слоев Старой Ладogi и посуде из ранее раскапывавшихся "сопок". Другие находки, на которых В.П. Петренко пыта-

ется обосновать более позднюю датировку исследованных им "сопок", либо не увязываются четко с тем или иным погребением, либо имеют аналогии в материалах более ранних памятников. Так, например, основанием для датировки впускных погребений в первоначальную насыпь "сопки" № 1 служат железная спиралеконечная фибула, односторонний костяной гребень с бронзовыми заклепками, "мозаичные" и темно-синие бусы с темными глазками. Материал явно неоднородный, да и сам автор подчеркивает, что все вещи были найдены "... в районе этих погребений"³⁸. Так, синие бусы с белыми глазками известны в погребениях длинных курганов, где они датируются по комплексу инвентаря VIII - IX вв.³⁹ Отметим также, что в нижних слоях Новгорода подобные бусы отсутствуют.⁴⁰ Спиральные перстни (например, перстень из "сопки" № 3) также не имеют узкой датировки. Известны они и по находкам в длинных курганах (Городня, Линдора, Лопино), где их дата не выходит за пределы IX в.⁴¹ В целом же трудно судить, являются ли погребения с внешней стороны каменных кольцевых обкладок "основными" в раскопанных насыпях или же они совершены в более позднее время, когда "сопки" уже имели законченный облик. В пользу последнего предположения говорит тот факт, что некоторые внешние погребения перекрывают нижние ярусы камней обкладок.

Дополнительные новые сведения о конструкциях насыпей "сопок" и деталях погребальной обрядности были получены также в результате раскопок у д. Романово (бассейн Псковского озера)⁴² и у д. Репьи (Верхнее Полужье).⁴³ Обе "сопки" сооружены в несколько приемов и содержали несколько ярусов захоронений. В "сопке" у д. Романово обнаружены сложные каменные конструкции, ритуальный очаг, многочисленные кости животных, в том числе захоронение жеребенка. В кургане у с. Репьи никаких каменных конструкций не оказалось. Весь комплекс вещей из этих курганов (бронзовые трапециевидные подвески, спиральный перстерь, бронзовая спиралька, бляшки-скорлупки, браслеты с расширенными концами и другие) имеют прямые аналогии в материалах ранних погребений длинных курганов VI-VIII вв.

Все имеющиеся в настоящее время данные показывают, что высокие погребальные насыпи Северо-Западного региона, которые традиционно именуются "сопками"; не представляют собой однородный в культурном и хронологическом отношении пласт. Все вопросы, связанные как с однозначным определением этнической принадлежности "сопок", так и с развитием погребальной обрядности в пределах Северо-Западного региона, остаются открытыми и требуют дальнейшего изучения.

Все предложенные принципы выделения "сопок", классификации, вычленения ряда признаков, характеризующих этот тип погребальных памятников, не являются достаточно корректными. Поэтому, по-видимому, в настоящее время следует отказаться и от самого термина "сопка" в приложении его ко всем более или менее крупным насыпям Северо-Западного региона РСФСР, обычно объединяемых под этим названием, или сохранить его лишь за теми насыпями, которые сочетают все или хотя бы большую часть признаков, предложенных В.В.Седовым.

1. Ходаковский З. Отрывок из путешествия по России // РИС. Т. III Кн.2. СПб., 1839 г.; он же: Сопки // РИС. Т. VII. СПб., 1844 г.
2. Подробные сведения обо всех полевых исследованиях сопок изложены в работе В.В.Седова "Новгородские сопки" // САИ. Е1-18. 1970. С. 5-6.
3. Седов В.В. Новгородские сопки ... С. 8.
4. Петренко В.П. Исследование погребальных памятников Северного Поволжья // АО 1974 г., М., 1975. С. 32-33; он же: Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладogi // КСИА. 1977. № 150. С. 55-62. Петренко В.П., Конаков Н. Д., Рогачев М.Б. Некоторые сведения о сопках Северного Поволжья // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С. 85-90; Петренко В.П. Сопка у с. Михаила-Архангела в юго-восточном Приладожье по раскопкам Н.Е.Бранденбурга в 1866 г. // КСИА. 1960. № 160. С. 69-76.
5. Белецкий С.В. Архив ИА АН СССР - 1975/6151.
6. Лебедев Г.С. Сопка у д. Репьи в Верхнем Полужье // КСИА. 1978. № 155. С. 93-100.
7. Носов Е.Н., Конецкий В.Я. Исследования в урочище Плакун близ Старой Ладogi // АО 1973 г. М., 1974. С. 23-24.
8. Пронин Г.Н. Отчеты о полевых исследованиях 1976/6478, 1977/ 6236, 1978/7005 // Архив ИА АН СССР.
9. Носов Е.Н. Источники по славянской колонизации Новгородской земли // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. С. 212.
10. Бранденбург Н.Е. Курганы Южного Приладожья // МАР. № 18. СПб., 1895.
11. Спицин А.А. Археологические разведки. СПб., 1908 г.; он же: Археология в темах начальной русской истории // Сборник

- статей по русской истории, посвященных С.Ф.Платонову. СПб., 1922 г. Следует отметить, что мнение А.А.Спицина об этнической атрибуции новгородских сопок неоднократно менялось. Так, в ранних своих работах он считал сопки памятниками восточного славянства (см. например: А.А. Спицин. Сопки и жальники // ЗРАО. СПб., 1899. Т. XI. Вып. 1-2).
12. Равдоникас В.И. Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин, 1924. С. 31.
 13. Тухтина Н.В. Об этнической принадлежности погребенных в сопках волховского типа // Славяне и Русь. М., 1968. С. 188-193.
 14. Репников Н.И. Разведки и раскопки в Тихвинском и Шлиссель-бургском уездах // ЗОРСА. СПб., 1915. Т. XI; Пономарев В.С. Новгородские сопки // Архив ЛОИА. Ф. 2. 1938/115; Чернягин Н.Н. Длинные курганы и сопки // МИА. 1941. № 6; Третьяков П.Н. Северные восточно-славянские племена // МИА. 1941. №6 и другие работы; В.В.Седов. Новгородские сопки....С. 29-33. В последнее время была высказана еще одна гипотеза, согласно которой сопки интерпретируются как памятники, развивавшиеся на единой основе с культурой длинных курганов из низких полусферических насыпей с трупосожжениями, встречающихся в одних могильниках с сопками и длинными курганами (см. Лебедев Г.С. Новые данные о длинных курганах и сопках // Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977. С. 45-46).
 15. Пономарев В.С. Новгородские сопки // Архив ЛОИА. Ф.2. 1938// 115.
 16. Чернягин Н.Н. Длинные курганы и сопки.
 17. Седов В.В. Новгородские сопки ... С. 7,8.
 18. Там же. С. 5-9.
 19. Носов Е.Н. Источники по славянской колонизации. С. 217-225.
 20. Предлагаемое членение насыпей по высотам - до 3 м, 3-4 м, 4-5 м, и более 5 м в значительной степени условно. Оно основывается на наблюдениях за размерами насыпей в ходе разведок 1975-1977 годов в бассейне рек Луги, Мсты и восточных районов Новгородчины. Нет основания выделять насыпи более 5 м, так как "сопки" высотой 6-8 м встречаются сравнительно редко, а насыпи высотой 10-12, а тем более 15-20 м вообще являются исключением. Наиболее высокие насыпи в указанных районах отмечены у погоста Передольского - сопка "Шум-Гора" высотой около 11 м и "сопка" в селе Левоча - 12 м (притоки

верховьев р. Мологи).

21. Плетнев В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. К археологической карте губернии. Тверь, 1903 г.
22. Седов В.В. Новгородские сопки ... С.49, № 443; Носов Е.Н. Архив ИА АН СССР - 1974.
23. Седов В.В. Новгородские сопки ... С.12-29.
24. Ушаков Н.А. Дневник разрывания курганов // "Санкт-Петербургские ведомости". 1845. № 64.
25. Ушаков Н.А. О курганах Тверской губернии // "Отечественные записки". СПб., 1843. Т. XXXI.
26. Рерих Н.К. Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой // ЗОРСА. СПб., 1903. Т. V. Вып. 1. С. 14-44.
27. Бранденбург Н.Е. Курганы Южного Приладожья ... С.134-141.
28. Седов В.В. Новгородские сопки ... С. 39.
29. Раскопки Новгородского музея 1931 г.
30. Крейтон В.Н. Археологические разведки и раскопки в Псковской губернии в течение лета 1912 г. // Труды Псковского археологического общества. Псков, 1912. С. 9-11, 13-17. В.В.Седов не считает возможным классифицировать большинство высоких насыпей бассейна Псковского озера как "сопки", так как они не соответствуют выделенным им основным признакам. Видимо, нет оснований исключать их из числа "сопок", особенно учитывая результаты исследований последних лет, материалы которых во многом соответствуют конструктивным особенностям и находкам из раскопок В.Н.Крейтона.
31. Носов Е.Н., Конецкий В.Я. Исследования в урочище Плакун ... С. 23-24.
32. Ушаков Н.А. Дневник разрывания курганов ...
33. Лебедев Г.С. Сопка у д. Репьи ... С. 93-100.
34. Седов В.В. Новгородские сопки ... С. 24-28.
35. Петренко В.П. Отчеты о полевых исследованиях 1970, 1971/4694, 1972/4954, 1973/5446, // Архив ИА АН СССР. Пользуюсь случаем поблагодарить В.П.Петренко за любезное разрешение использовать материалы его исследований.
36. Кирпичников А.Н., Петренко В.П. Отчет о полевых исследованиях за 1972/4876 г. // Архив ИА АН СССР
37. Там же. Петренко В.П. 1973/5446.
38. Кирпичников А.Н., Петренко В.П. 1972/4876.
39. Седов В.В. Длинные курганы кривичей // САИ. Е1-8. 1974.С.27.
40. Щапова Ю.Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. Вып.

55. 1956. С. 178-179..

41. Седов В.В. Длинные курганы ... С. 32.

42. Благодарю С.В.Белецкого за разрешение воспользоваться материалами его раскопок.

43. Лебедев Г.С. Сопка у д. Репьи ... С. 93, 94.

Заключение

История населения Восточной и Центральной Европы на протяжении всего I тысячелетия н.э. и последних веков до н.э. в значительной степени базируется на материалах археологии, которые существенно дополняют и конкретизируют немногочисленные и часто неясные данные письменных источников. Неоспоримым достоинством археологии является непрерывное пополнение ее материалов, которые часто изменяют уже сложившиеся представления и гипотезы.

Археологические источники, как и письменные, нуждаются в полноценной публикации, в критическом истолковании, в развитии методов их обработки. Именно от этого зависит объективность воссоздаваемой на основе археологических материалов ранней истории населения, в том числе и славянского. Лишь после тщательного изучения данных отдельных наук возможен переход к комплексному изучению истории славян с привлечением всех имеющихся в распоряжении исследователей сведений по разным отраслям знаний.

Представленный сборник статей включает в себя как публикации новых материалов, так и исследования по ряду кардинальных вопросов хронологии, этнического состава и социальных отношений населения. Издание таких тематических сборников, посвященных проблемам изучения раннеславянского мира, несомненно нуждается в продолжении.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	- Археологические открытия
АСБГЭ	- Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БДИ	- Вестник древней истории
ЗОРСА	- Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО	- Записки русского археологического общества
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии АН СССР
ЛОИА	- Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАР	- Материалы по археологии России
МДАПВ	- Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття Волині
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
ПВЛ	- Повесть временных лет
РИС	- Русский исторический сборник
СА	- Советская археология
САИ	- Свод археологических источников
АР	- Archeologia Polski. Wroclaw, Warszawa, Krakow.
MS	- Materialy starozytne. Wroclaw, Warszawa, Krakow.
WA	- Wiadomosci archeologiczne. Warszawa.
ZfA	- Zeitschrift fur Archeologie. Berlin.
MSW	- Materialy starozytne i wczesnosredniowieczne Warszawa.

Подписано к печати 18.04.90

Усл. п. л. 10,75. Усл. кр.-отт. 10,88. Уч.-изд. л. 11,76

Печать офсетная. Тираж 299 экз. Зак. 105. Цена 1 р. 80 к.

**Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"**

**Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21**

**3-я типография издательства "Наука" 107143,
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28**